

ПУШКИН
СОЧИНЕНИЯ

ПУШКИН * ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

1

1799
1999

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

МОСКВА ВОСКРЕСЕНЬЕ 1994

ПУШКИН

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЛИЦЕЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА ВОСКРЕСЕНЬЕ 1994

ББК 84.5
П91

НАПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

4 февраля 1937 г. Непременный секретарь академик *Н. ГОРБУНОВ*

Переиздание Полного собрания сочинений приурочено к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, осуществляется при содействии Комитета РФ по печати, Российской Московской телерадиовещательной компании «Москва» и Российского акционерного общества «Газпром». С благословения Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Пушкин А. С.
П91 Полное собрание сочинений. В 17 т. Т 1./Художник С. Богачев. — М.: Воскресенье, 1994. — 463 с.: ил.

ISBN 5—88528—053—5 (т. 1-й)
ISBN 5—88528—052—5

В первый том собрания сочинений включены произведения лицейского творчества А. С. Пушкина.
Переводы французских текстов редактированы А. А. Ахматовой.

П $\frac{4702010106 — 004}{К 56 (03э) — 94}$ подписное ББК 84.5

Александръ Пушкинъ

ВЕСЬ ПУШКИН

Помните хрестоматийное: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора... Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?..»

Мне кажется, что эти крылатые тургеневские слова можно отнести не только к русскому языку, но и к его единовластному Богу — Александру Сергеевичу Пушкину. Потому что без Пушкина русский язык не был бы русским. Потому что в поисках душевной опоры в смутные времена общественной ли жизни или сугубо индивидуальной (а нигде, как в России, они не переплетаются так тесно; не случайно «смута» и «смятение» имеют у нас общий корень и восходят, говорят, к понятию «горечь») просвещенные русские, просвещенные россияне обращались и обращаются к Пушкину. К Пушкину, который не только волшебно отобразил эти драматические состояния человеческой души — состояния больших и маленьких трагедий — но и, странное дело, не будучи счастливым, благополучным человеком, а может, как раз вследствие этого, дал в своих стихах завораживающую молитву преодоления несчастий. Другой, после него, напишет:

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть...

Пушкиным можно молиться — особенно нам, его соотечественникам, потому что это очень русская чу́дная молитва, помогающая преодолевать очень русские — уже хотя бы по масштабам — невзгоды.

Это наш зрячий посох.

Вместе с вами, наши дорогие подписчики, и вместе с коллективом крупнейших в Москве издательства и типографии «Известий» объединение «Воскресенье» предпринимает гигантский труд: в канун 200-летия со дня рождения Александра Сергеевича вернуть читающему миру редкостное академическое семнадцатитомное собрание самого «полного» Пушкина, издававшееся с 1937 по 1959 год. Именно вернуть: издание пришлось на столь драматические годы в истории нашей страны, в истории каждой российской семьи и выходило таким малым тиражом, что в полном комплекте сохранилось далеко не во всех научных библиотеках, не говоря уже о библиотеках обычных и тем более домашних.

Да, в современных полиграфических условиях зрячий посох Пушкина мы сможем вручить вам только с вашей же помощью. Вам и ва-

шим потомкам — такого рода книги, библиотеки переходят из рода в род, одухотворяя сам дом и отношения в нем. Сможем, если вы, наши читатели и партнеры, наши покупатели, розничные и оптовые, нам поверите и поддержите нас, как это уже было с рядом уникальных фолиантов, издававшихся нашим объединением.

Отдавая отчет в масштабности предпринимаемого дела, мы вместе с тем не хотим присваивать чужие лавры. Объединение «Воскресенье» именно переиздает полное собрание сочинений русского гения. И при этом воздает дань благодарной памяти тем, кто стоял у его истоков — первоиздателям. Это их кропотливый, многолетний труд вновь предстает перед вами. За это время пушкиноведение, разумеется, продвинулось вперед. И тем не менее специалисты подтверждают научную ценность и даже уникальность именно этого собрания сочинений, осуществление которого было начато в год 100-летия гибели поэта. Мы же, повторяю, переиздаем его к 200-летию со дня рождения Пушкина. В этом, пожалуй, тоже есть свой вещий смысл: смертью смерть поправ — это и о Пушкине.

Труд глубокий, кропотливый, подвижнический. Скромная деталь: даже в тогдашнем предисловии, которое мы воспроизводим дословно, вы не найдете ссылок на власти предержащие. А два юношеских стихотворения, написанные Пушкиным по-французски, даны в первом томе в переводах Анны Ахматовой. А ведь в конце тома значится: «подписано к печати 9 февраля 1937 года». Тридцать седьмого! Если есть подвиги благородства, то перед нами именно такой коллективный, интеллигентный, истинно пушкинский подвиг умолчания и непослушания.

Вспомним, как заканчивает Тургенев: «Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

И такой поэт. Вот еще что, мне кажется, поддерживает каждого просвещенного россиянина в годину любых испытаний.

С Богом! С Пушкиным!

Георгий ПРЯХИН,
генеральный директор объединения
«Воскресенье»

14 марта 1994 года
г. Москва

ОТ РЕДАКЦИИ.

Произведения Пушкина до сих пор не изданы с достаточной полнотой и удовлетворительной исправностью текста. Несмотря на то, что за истекшие сто лет было издано около 15 полных собраний его сочинений, ни одно из них не удовлетворяет требованиям, ныне предъявляемым к изданию сочинений классиков. Произведения, напечатанные при жизни Пушкина, были сильно искажены цензурой и небрежной корректурой. Многие творения Пушкина, помимо печатного текста, сохранились и дошли до нашего времени в рукописях, с многочисленными вариантами, по которым мы можем теперь восстановить творческий процесс поэта и дать его читателям не только в формальном отображении, но в действительно углубленном, расшифрованном понимании. К таким произведениям относятся: «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Каменный Гость», «Русалка», «Дубровский», «Капитанская Дочка», «Медный Всадник», «Сказка о попе и о работнике его Балде», а также многочисленные статьи, не говоря уже о переписке, которая, конечно, не предназначалась к печати.

В первое посмертное издание, выходившее в 1838—1841 гг., были включены произведения как напечатанные при жизни Пушкина, так и неопубликованные, найденные у него в рукописях. Несмотря на это оно было далеко не полным и текстологически неправильным. Искажение текста происходило не только от цензурных урезок, но и от чрезвычайно небрежной редакторской работы. Вопросы критического установления подлинного текста произведений Пушкина были совершенно чужды и редакторам и издателям того времени.

Только в 1855—1857 гг. появилось первое издание сочинений Пушкина, ставившее научно-критические цели. Однако редактор его, П. В. Анненков, хотя и проделал большую работу по изучению рукописного фонда Пушкина, ограничился лишь приведением наиболее интересных выписок из рукописей, в основном же тексте сохранил многочисленные ошибки посмертного издания.

Позднейшие редакторы — главным образом П. А. Ефремов и П. О. Морозов — не располагали и тем рукописным фондом, который был у П. В. Анненкова. Поэтому они не могли с достаточной уверенностью исправлять и дополнять текст издания 1855—1857 гг., тем более, что ни тот ни другой не ставили себе задачей полное научное издание сочинений Пушкина, подготовляя его лишь для широкого читателя, в то время не требовавшего углубленного изучения текстов и их вариантов.

Не изменило положения и издание под редакцией С. А. Венгерова, имевшее задачей дать «Пушкинскую энциклопедию», но не включившее в свой состав даже вариантов рукописей поэта.

Первой попыткой полного научного издания сочинений Пушкина было академическое издание, начатое в 1899 г. Однако до 1916 г.

вышло только 5 томов (I—IV и XI), а в 1928 г. еще один, IX-й (из общего числа — двенадцати), после чего издание прекратилось. В настоящее время и эти вышедшие тома являются совершенно устаревшими и по критическим приемам установления текста, и по своей неполноте, и по методу подачи вариантов, чрезвычайно громоздкому, не воспринимаемому читателем; это, между прочим, было причиной того, что, начиная с третьего тома, варианты сообщались уже только в выдержках.

Отсутствие авторитетного полного собрания сочинений Пушкина пагубным образом отражается на состоянии текстов печатаемых популярных изданий, рассчитанных на широкого читателя. До настоящего времени нет еще такого текста сочинений Пушкина, который мог бы считаться безусловно верным и точным. Поэтому редакторы изданий, рассчитанных на самое широкое распространение и не претендующих на удовлетворение чисто научных запросов, принуждены каждый раз прорабатывать текст по первоисточникам, обращаясь к первоизданиям и автографам поэта.

Между тем именно в советское время критические приемы изучения и издания текстов достигли необычайного развития, в сравнении с практикой XIX века. Только теперь мы располагаем кадрами текстологов, обладающих подлинно научной подготовкой и специальным опытом, необходимыми для дела издания и установления текста произведений наших классиков. То, что являлось для прежнего времени делом любителей и почитателей Пушкина, теперь осуществляется в порядке научной работы.

Кроме того, в годы революции обнаружено и объединено в государственных хранилищах большое количество Пушкинских автографов, которые были или неизвестны прежним редакторам сочинений Пушкина или считались утраченными, а также нашлись и такие, о существовании которых вообще никто не знал. Больше всего это относится к эпистолярному наследию, но кроме того впервые теперь стали известны, например, юношеские поэмы Пушкина «Монах», «Тень Фонвизина», не говоря уже о том, что раскрепощение произведений Пушкина от цензуры только в советское время дало доступ читателю к полному тексту таких произведений Пушкина, как «Гавриилиада», как его «Дневник» и пр.

Таким образом все предшествующие издания являются явно неудовлетворительными по своему составу, по авторитетности текста, по степени полноты и по методу подачи вариантов.

Настоятельной задачей настоящего времени является полное научно-критическое издание сочинений Пушкина, которое бы явилось основой для стабилизации текстов, резко колеблющихся от одного издания к другому, и дало бы необходимый материал для изучения его творчества и его работы над созданием произведений, ярко отразившихся в черновых рукописях.

По постановлению Совета Народных Комиссаров СССР 30 декабря 1936 г. настоящее издание включено в систему мероприятий юбилейных торжеств, которыми Правительство отмечает во всей нашей стране печальную годовщину — столетие со дня смерти Пушкина. Этому академическому изданию сочинений А. С. Пушкина обеспечены все необходимые условия для его наилучшего осуществления.

Для настоящего издания проделана огромная работа по выяснению и изучению фондов Пушкинских автографов. Впервые прочитаны до последнего слова все его черновики. Впервые систематически

изучены рукописные сборники, сохранившие копии произведений, неизвестных ни в печати, ни в автографах, в том числе произведения лицейского периода творчества поэта, где обнаружены многие новые тексты. Впервые печатаются все варианты к «Евгению Онегину» в последовательном и вполне развернутом виде. То же самое мы видим в поэмах «Кавказский Пленник», «Руслан и Людмила», «Цыганы» и пр. В вариантах к этим произведениям найдены новые тексты, ранее не публиковавшиеся. В отделе исторических работ публикуются впервые все 32 тетради с черновыми записями Пушкина по истории Петра I. Такие же новые добавления мы встречаем в томах, посвященных переписке, и при публикации многих иных произведений А. С. Пушкина.

Таким образом материалы, которыми располагает настоящее издание, во многом превосходят то, чем располагали прежние редакторы сочинений Пушкина. Использованы эти материалы действительно целиком и полностью.

Настоящее издание представляет собой полное собрание всего, писанного Пушкиным.

В него входят в первую очередь произведения Пушкина в стихах и прозе, затем переписка, автобиографические и деловые записи, а также все сделанные им записи и выписки, поскольку выписки для Пушкина почти всегда имели значение подготовки материала для творческих работ. Окончательные редакции всех произведений Пушкина сопровождаются полным сводом других редакций, вариантов, планов и т. п. Таким образом из собрания не устранено ничего, что бы было записано собственною рукою Пушкина.

Произведения Пушкина распределяются по томам следующим образом:

I. Лицейские стихотворения.
II. Стихотворения 1817—1825 гг.
III. Стихотворения 1826—1836 гг.
Сказки. Записи народных сказок и песен.
IV. Поэмы 1817—1824 гг. (Руслан и Людмила. Кавказский Пленник. Гавриилиада. Братья Разбойники. Вадим. Бахчисарайский Фонтан. Цыганы).
V. Поэмы 1825—1833 гг. (Граф Нулин. Полтава. Тазит. Домик в Коломне. Анджело. Медный Всадник. Отрывки и планы неоконченных поэм).
VI. Евгений Онегин.
VII. Драматические произведения (Борис Годунов. Скупой Рыцарь. Моцарт и Сальери. Каменный Гость. Пир во время чумы. Русалка. Сцены из рыцарских времен. Отрывки и планы неоконченных драматических произведений).
VIII. Художественная проза (Арап Петра Великого. Повести Белкина. История села Горюхина. Рославлев. Дубровский. Пиковая Дама. Кирджали. Египетские ночи. Капитанская Дочка. Путешествие в Арзрум. Отрывки и планы неоконченных романов и повестей).
IX. История Пугачева.
X. } Литературно-критические, исторические и публицистические статьи и заметки, автобиографическая проза.
XI. } Записки официального назначения. Выписки и записи
XII. } разного содержания.

XIII. Переписка (письма Пушкина и к Пушкину) 1815—1827 гг.
XIV. Переписка 1828—1832 гг.
XV. Переписка 1833—1837 гг.

Кроме того, особым томом издается альбом рисунков Пушкина, взятых из всех его рукописей.

Таким образом произведения Пушкина в настоящем издании располагаются по следующим основным разделам:

Стихотворения
Поэмы
Драматические произведения
Художественная проза
Статьи и деловая проза
Переписка.

Внутри каждого раздела материал печатается в хронологическом порядке; «Евгений Онегин» и «История Пугачева» составляют особые тома издания.

В основном тексте печатается наиболее законченный текст произведения, критически устанавливаемый.

В отделе «Другие редакции, планы и варианты» печатаются все черновые варианты рукописей, все разночтения прижизненных изданий, все предварительные планы и наброски. Черновые редакции произведений печатаются полностью, со всеми вариантами. Редакции, мало отличающиеся от окончательной, приводятся в виде отдельных разночтений.

Все варианты приводятся в связном чтении, дающем возможность понять и осмыслить их место в ходе работы над данным произведением. В этом отношении новое издание существенно отличается от старого академического издания, где тексты рукописей давались в виде «транскрипций», стремившихся механически воспроизвести пространственное распределение записей на листе. Метод, принятый в настоящем издании, не только позволяет сообщить разночтения и варианты в осмысленном чтении, но и установить в общих чертах последовательность наслоения отдельных вариантов. Таким образом восстанавливается картина творческого процесса, поскольку он отразился в рукописях. Особая творческая манера Пушкина, выражавшаяся в обилии записей представлявшихся ему вариантов, дает возможность отразить его творческий процесс с достаточной полнотой. Поэтому варианты к основному тексту, помимо их ценности как творческого материала, имеют специфическую ценность как картина творческой работы Пушкина.

Варианты даются исчерпывающим образом.

В виду специфических особенностей отдельных произведений и отдельных жанров, детальные указания, как даются варианты и как следует пользоваться материалами этого раздела, приводятся в каждом томе особо. Как общее правило нужно иметь в виду следующее. При печатании черновых редакций в сносках под строкой помещаются отброшенные Пушкиным варианты в их последовательности. Тот же принцип применяется и к отдельным разночтениям в их отношении к тексту, печатаемому в первом разделе тома. Исключениями являются редкие случаи, когда Пушкин делал незаконченные поправки, не дающие связного текста. В таком случае позднейшие поправки

даются наравне с прочими вариантами, но с особой каждый раз оговоркой.

Общими для всего издания условными знаками являются скобки прямые [ ], заключающие в себе слова, зачеркнутые Пушкиным, и угловые < >, куда заключаются все дополнения, делаемые редактором, как, например, дополнение букв недописанного слова, случайно пропущенные слова, пополняющие контекст, без них неполный, и т. д. Все эти редакторские пополнения делаются лишь в результате критического изучения контекста и лишь тогда, когда у редактора есть достаточная уверенность, что Пушкин предполагал употребить в данном месте именно данное слово. Пополнения, хотя бы и допустимые с точки зрения соблюдения контекста Пушкина, но являющиеся плодом вымысла или недоказуемой догадки редактора, в настоящем издании не допускаются, и соответствующие места даются в их недоработанном состоянии.

Те случаи, когда условные значки недостаточны для ясного представления о тексте варианта, кратко разъясняются редактором. Все слова, принадлежащие редактору, печатаются мелким курсивным шрифтом.

В тех случаях, когда можно предполагать, что окончательный текст переработан Пушкиным из цензурных соображений, но первоначальное чтение не могло быть с полной уверенностью введено в основной текст, оно приводится в сносках к основному тексту в первом разделе тома. В отделе «Другие редакции и варианты» соответствующие варианты приводятся еще раз на своем месте.

Все тексты Пушкина печатаются по ныне принятой орфографии. Однако, учитывая научное значение настоящего издания, которое должно давать материал не только для чтения, но и для изучения Пушкина, в отступление от общепринятых орфографических норм сохранены некоторые особенности, отражающие живой язык Пушкина, с точки зрения его произношения, грамматической и лексической системы. Эту особенность издания следует учитывать при перепечатках текста в популярных изданиях, не воспроизводя его буквально.

В настоящем издании сохраняется подлинная орфография Пушкина во всех тех случаях, когда замена подлинного написания современным создавала бы для нынешнего читателя неверное представление о звуковом составе или грамматической форме слова. Но в тех случаях, когда расхождение между подлинной орфографией Пушкина и современной касается одной только орфографической стороны языка в узком смысле, соответствующие написания подлинника заменяются современными.

В настоящем издании сохраняются в неприкосновенности такие написания Пушкина, за которыми с несомненностью следует предполагать книжное произношение по буквам, например *ея* и *оне* (с заменой ѣ через е) в рифмах, вместо современных «ее» и «они».

Сохраняются своеобразные грамматические окончания, не совпадающие с современными, напр. *бревны, селы,* вместо современных: бревна, села; *в шинеле, в шале* (с заменой ѣ через е) вместо современных: в шинели, в шали; *дышет, слышет* вместо современных: дышит, слышит, и т. д. Сохраняются особенности в написаниях суффиксов, напр. *Олинька, маминька.* Сохраняются вообще все написания, показывающие, что произношение Пушкина в данных словах отли-

чалось от современного, напр. *оспоривать, дальный, диравый, незапный, щедушный, впроччем, приближиться, скрыпка, впрям* и т. п.

Заменяются современными написаниями такие написания Пушкина, как «щастие», «щитать», вместо которых печатается «счастие», «считать». Не передаются в настоящем издании встречающиеся у Пушкина окончания именительного падежа мужского рода прилагательных -ой в тех случаях, где теперь пишется -ый, напр. вместо «гибельной позор», «голодной прейскурант», «забытой сон», печатается: «гибельный позор», «голодный прейскурант», «забытый сон». Однако окончание -ой после букв г, к, х, свидетельствующее об их твердом произношении, сохраняется, напр. повеса *пылкой, Ленской, тихой* нрав, на *долгой* срок и т. д. Не сохраняется -ь после шипящих там, где он не пишется теперь, напр. написания: Угличь, царевичь, ужь, заменяются современными: Углич, царевич, уж.

Заменяются строчными прописные буквы слов, объясняемые орфографической условностью или религиозными, политическими и бытовыми традициями, напр. в словах, обозначающих религиозные понятия, в обозначении лиц высокого ранга, в наименованиях народностей и т. п. Сохраняются прописные буквы в тех случаях, где они придают особую выразительность слову, напр. в отвлеченных словах, как *Безумие, Злодейство* и т. д.

Колебания в написании одного и того же слова, засвидетельствованные подлинниками, в издании сохраняются, напр. *цаловать* при *целовать, верьхом* при *верхом* и т. д.

Иноязычные тексты Пушкина воспроизводятся в современной орфографии. Но нехудожественные тексты на языках, которыми Пушкин не вполне владел и для которых правописание Пушкина характеризует степень его знакомства с ними, даются в подлинной орфографии Пушкина.

Настоящее издание является публикацией одних текстов Пушкина без какого бы то ни было комментария редакторов. Прилагаемые к текстам примечания содержат только перечни источников — рукописей и изданий, принятых во внимание при печатании текста и вариантов, — и указания на время написания произведения.

Все вопросы, связанные с обоснованием текста, с датировкой, с доказательством принадлежности Пушкину печатаемых в отделе Dubia стихотворений, являются предметом особой комментаторской работы, неотъемлемой от изучения творческой истории произведения, т. е. истории создания и работы Пушкина над данным произведением в свете идеологических, исторических, историко-литературных и биографических фактов. Подобного рода комментарий издается в виде особой серии трудов Редакционной коллегии издания. Именно там читатель должен искать ответа на вопросы, почему то или иное произведение включено или, наоборот, не вошло в издание, почему редактор предпочел то или иное чтение, почему оно напечатано в данном месте издания. В настоящем издании дается лишь результат подобных исследований, без его мотивировки.

Издание иллюстрируется снимками с прижизненных портретов Пушкина, с автографов Пушкина и с редких первых изданий.

Все тома сопровождаются указателями произведений Пушкина и встречающихся в его произведениях имен. Сводные указатели по всему изданию будут даны при последнем томе.

В издании принимают ближайшее участие: М. П. Алексеев, А. А. Ахматова, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Г. О. Ви-

нокур, Н. К. Гудзий, Г. А. Гуковский, В. В. Гиппиус, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайлов, Л. Б. Модзалевский, П. С. Попов, А. Л. Слонимский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Б. М. Эйхенбаум, А. М. Эфрос, Н. В. Яковлев, Д. П. Якубович.

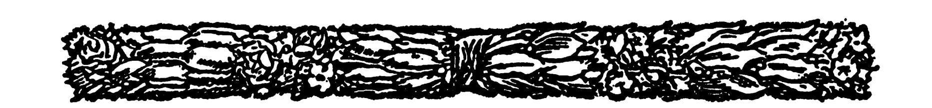
Полное академическое собрание сочинений А. С. Пушкина осуществляется под наблюдением Редакционного комитета, состоящего из следующих лиц: Максим Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевич, Г. О. Винокур, Н. П. Горбунов, А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский, Н. Г. Свирин, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, П. И. Чагин, Д. П. Якубович.

Москва.
31 января 1937 г.

Настоящий том посвящен лицейскому творчеству Пушкина и заключает в себе все произведения, написанные поэтом во время пребывания его в лицее, безотносительно к их жанру. Таким образом в том введены как стихотворения, так и поэмы «Монах», «Бова» и «Тень Фонвизина». В этих же целях, для сохранения цельности и стройности картины творчества ученических годов Пушкина, в качестве основных текстов печатаются тексты последних лицейских редакций.

Переводы французских текстов редактированы А. А. Ахматовой.

Редакторы тома — М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер. Контрольный рецензент — Б. В. Томашевский.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1813—1817

1813

К НАТАЛЬЕ.

Pourquoi craindrais-je de le dire?
C'est Margot qui fixe mon goût.

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женской пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность — всё под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я — Селадон!
Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!

Так, Наталья! признаюся,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет — и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтаньи,
Вижу, в легком одеяньи
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмивший белизной,
И полуотверсты очи,

Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Испускаю вздох глубокой,
Сон ленивый, томноокой
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякой час.
Всё к чему-то ум стремится,
А к чему? — никто из нас
Дамам в слух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я — по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их — дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой на бекрень
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!
Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалася меня
Удержать умильным взором.
Иль седым Опекуном
Легкой, миленькой Розины,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну, полну грудь...
Я желал бы... да ногою
Моря не перешагнуть,
И, хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всей надежды я лишен.

Но, Наталья! ты не знаешь,
Кто твой нежный Селадон,
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смеет он
И надеяться? — Наталья!
Выслушай еще меня:

Не владетель я Сераля,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца

"Послание к Наталье". Автограф 1813 г.
(Центрархив, Москва).

Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитою,
И с цыгаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

— Кто же ты, болтун влюбленный?—
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окны загражденны,
На лампады там зажженны...
Знай, Наталья! — я... монах!

МОНАХ.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ.

СВЯТОЙ МОНАХ, ГРЕХОПАДЕНИЕ, ЮБКА.

Хочу воспеть, как дух нечистый Ада
Оседлан был брадатым стариком;
Как овладел он черным клобуком,
Как он втолкнул Монаха грешных в стадо.

Певец любви, фернейской старичок,
К тебе. Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели ввек
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнасса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою златую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дам.
А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрыпицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему».—
Нет, нет, Барков! скрыпицы не возьму,
Я стану петь, что в голову придется,
Пусть как-нибудь стих за стихом польется.

Не в далеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван-великой,
На голове златой носящий крест,
В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
Был монастырь; в глухих его стенах
Под старость лет один седой Монах
Святым житьем, молитвами спасался
И дней к концу спокойно приближался.
Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог попасться в ад.
Имел кота, имел псалтирь и чотки,
Клобук, стихарь да штоф зеленой водки.

Взошедши в дом, где мирно жил Монах,
Не золота увидели б вы горы,
Не мрамор там прельстил бы ваши взоры,
Там не висел Рафаель на стенах.
Увидели б вы стул об трех ногах,
Да в уголку скамейка в пол-аршина,
На коей спал и завтракал Монах.
Там пуховик над лавкой не вздувался.
Хотя монах, он в пухе не валялся
Меж двух простынь на мягких тюфяках.
Весь круглый год святой отец постился,
Весь божий день он в кельи провождал,
«Помилуй мя» в полголоса читал,
Ел плотно, спал и всякой час молился.

А ты, Монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты краснеть умеешь,
Коль совести хоть капельку имеешь;
Красней и ты, богатый Кармелит,
И ты стыдись, Печерской Лавры житель,
Сердец и душ смиренный повелитель...
Но, лира! стой! — Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвенье;
Бесить попов не наше ремесло.

Панкратий жил счастлив в уединеньи,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный край
Защитить нас от дьявола не может.—
И в тех местах, где черный сатана
Под стражею от злости когти гложет,
Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.
И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись —
Иной в Париж к плешивым Картезианцам
С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым италианцам
Бургонского и макарони нес;
Тот девкою с прелатом повалился,
Тот молодцом к монашенкам пустился.
И слышал я, что будто старый поп,
Одной ногой уже вступивший в гроб,
Двух молодых венчал перед налоем.
Чорт прибежал Амуров с целым роем,
И вдруг дьячок на крылосе всхрапел,
Поп замолчал — на девицу глядел,
А девица на дьякона глядела.
У жениха кровь сильно закипела,
А бес всех их к себе же в ад повел.

Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,
Луна в окно Монаха осветила.—

В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконой
Со вздохами земные клал поклоны.—
Пришел Молок (так дьявола зовут),
Панкратия под черной ряской скрылся.
Святой Монах молился уж, молился,
Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут.
Бьет час, Молок не хочет отцепиться,
Бьет два, бьет три — нечистый всё сидит.
«Уж будешь мой»,— он сам с собой ворчит.
А наш старик уж перестал креститься,
На лавку сел, потер глаза, зевнул,
С молитвою три раза протянулся,
Зевнул опять, и... чуть-чуть не заснул.
Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся,
И снова бес Монаха соблазнять,
Чтоб усыпить, Боброва стал читать.
Монах скучал, Монах тому дивился.
Век не зевал, как богу он молился.
Но — нет уж сил, кресты, псалтирь, слова,—
Всё позабыл; седая голова,
Как яблоко, по груди покатилась,
Со лбу рука в колени опустилась,
Молитвенник упал из рук под стол,
Святой вздремал, всхрапел, как старый вол.

Несчастный! спи... Панкратий вдруг проснулся
Взад и вперед со страхом оглянулся,
Перекрестясь с постели он встает,
Глядит вокруг — светильня нагорела;
Чуть слабый свет вокруг себя лиет;
Что-то в углу как будто забелело.
Монах идет — что ж? юбку видит он.

«Что вижу я!... иль это только сон? —
Вскричал Монах, остолбенев, бледнея.—
Как! это что?...» и, продолжать не смея,
Как вкопаиый, пред белой юбкой стал,
Молчал, краснел, смущался, трепетал.

Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь!

Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчовый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, виясь вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,

Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилеей.

Иль, как Филон, за Хлоей побежав,
Прижать ее в объятия стремится,
Зеленый куст тебя вдруг удержав...
Она должна, стыдясь, остановиться.
Но поздно всё, Филон, ее догнав,
С ней на траву душистую валится,
И пламенна, дрожащая рука
Счастливого любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимает...
Она ему взор томный осклабляет,
И он... но нет; не смею продолжать.
Я трепещу, и сердце сильно бьется,
И, может быть, читатели, как знать?
И ваша кровь с стремленьем страсти льется.
Но наш Монах о юбке рассуждал
Не так, как я (я молод, не пострижен
И счастием нимало не обижен).
Он не был рад, что юбку увидал,
И в тот же час смекнул и догадался,
Что в когти он нечистого попался.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ.

ГОРЬКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ, СОН, СПАСИТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ.

Покаместь ночь еще не удалилась,
Покаместь свет лила еще луна,
То юбка всё еще была видна.
Как скоро ж твердь зарею осветилась,
От взоров вдруг сокрылася она.

А наш Монах, увы, лишен покоя.
Уж он не спит, не гладит он кота,
Не помнит он церковного налоя,
Со всех сторон Панкратию беда.
«Как,— мыслит он,— когда и собачонки
В монастыре и духа нет моем,
Когда здесь ввек не видывал юбчонки,
Кто мог ее принесть ко мне же в дом?
Уж мнится мне... прости, владыко, в том!
Уж нет ли здесь... страшусь сказать... девчонки».
Монах краснел и, делать что, не знал.
Во всех углах, под лавками искал.
Всё тщетно, нет, ни с чем старик остался,
Зато весь день, как бледна тень, таскался,
Не ел, не пил, покойно и не спал.

Проходит день, и вечер наступая
Зажег везде лампады и свечи.
Уже Монах, с главы клобук снимая,

Ложился спать.— Но только что лучи
Луна с небес в окно его пустила
И юбку вдруг на лавке осветила,
Зажмурился встревоженный Монах
И, чтоб не впасть кой-как во искушенье,
Хотел уже на век лишиться зренья,
Лишь только бы на юбку не смотреть.
Старик кряхтя на бок перевернулся
И в простыню тепленько завернулся,
Сомкнул глаза, заснул и стал храпеть.

Тот час Молок вдруг в муху превратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кружился
И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять пустился.
Монах храпит и чудный видит сон.

Казалося ему, что средь долины,
Между цветов, стоит под миртом он,
Вокруг него Сатиров, Фавнов сонм.
Иной смеясь льет в кубок пенны вины;
Зеленый плющ на черных волосах,
И виноград на голове висящий,
И легкий фирз, у ног его лежащий,—
Всё говорит, что вечно-юный Вакх,
Веселья бог, сатира покровитель.
Другой, надув пастушечью свирель,
Поет любовь, и сердца повелитель
Одушевлял его веселу трель.
Под липами там пляшут хороводом
Толпы детей и юношей, и дев.
А далее, ветвей под темным сводом,
В густой тени развесистых дерев,
На ложе роз, любовью распаленны,
Чуть-чуть дыша, весельем истощенны,
Средь радостей и сладостных прохлад,
Обнявшися любовники лежат.

Монах на всё взирал смятенным оком.
То на стакан он взоры обращал,
То на девиц глядел чернец со вздохом,
Плешивый лоб с досадою чесал —
Стоя, как пень, и рот в сажень разинув.
И вдруг, в душе почувствовав кураж
И на бекрень взъярясь клобук надвинув,
В зеленый лес, как бело-усый паж,
Как легкий конь, за девкою погнался.

Быстрей орла, быстрее звука лир
Прелестница летела, как зефир.
Но наш Монах Эол пред ней казался,
Без отдыха за новой Дафной гнался.
«Не дам,— ворчал,— я промаха в кольцо».

Но леший вдруг, мелькнув из-за кусточка,
Панкратья хвать юбчонкою в лицо.
И вдруг исчез приятный вид лесочка.
Ручья, холмов и Нимф не видит он;
Уж Фавнов нет, вспорхнул и Купидон,
И нет следа красоточки прелестной.
Монах один в степи глухой, безвестной,
Нахмуря взор; темнеет небосклон,
Вдруг грянул гром, монаха поражает —
Панкратий: «Ах!...», и вдруг проснулся он.

Смущенный взор он всюду обращает:
На небесах, как яхонты, горя,
Уже восток румянила заря.
И юбки нет.— Панкратий встал, умылся
И, помолясь, он плакать сильно стал,
Сел под окно и горько горевал.
«Ах! — думал он,— почто ты прогневился?
Чем виноват, владыко, пред тобой?
Как грешником, вертит нечистый мной.
Хочу не спать, хочу тебе молиться,
Возьму псалтирь, а тут и юбку вдруг.
Хочу вздремать и ночью сном забыться,
Что ж снится мне? смущается мой дух.
Услышь мое усердное моленье,
Не дай мне впасть, господь, во искушенье!»
Услышал бог молитвы старика,
И ум его в минуту просветился.
Из бедного седого простяка
Панкратий вдруг в Невтоны претворился.
Обдумывал, смотрел, сличал, смекнул
И в радости свой опрокинул стул.
И, как мудрец, кем Сиракуз спасался,
По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался
И громко всем кричал: «нашел! нашел!»
«Ну! — думал он,— от бесов и юбчонки
Избавлюсь я — и милые девчонки
Уже меня во сне не соблазнят.
Я заживу опять монах монахом,
Я стану ждать последний час со страхом
И с верою, и всё пойдет на лад».
Так мыслил он — и очень ошибался.
Могущий Рок, вселенной Господин,
Панкратием, как куклой, забавлялся.

Монах водой наполнил свой кувшин,
Забормотал над ним слова молитвы
И был готов на грозны ада битвы.
Ждет юбки он — с своей же стороны
Нечистый дух весь день был на работе
И весь в жару, в грязи, в пыли и поте
Предупредить спешил восход луны.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ.

ПОЙМАННЫЙ БЕС.

Ах, отчего мне дивная природа
Корреджио искусства не дала?
Тогда б в число Парнасского народа
Лихая страсть меня не занесла.
Чернилами я не марал бы пальцы,
Не засорял бумагою чердак,
И за бюро, как девица за пяльцы,
Стихи писать не сел бы я никак.
Я кисти б взял бестрепетной рукою
И, выпив вмиг шампанского стакан,
Трудиться б стал я с жаркой головою,
Как Тициан иль пламенный Албан.
Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венок душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан обхватил Киприды б пояс злат.
И кистью б был счастливей я стократ!

Иль краски б взял Вернета иль Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина;
На небосклон палящих, южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышет ветерок,
На серебре, вкруг скал блестящей пены,
Зефирами колеблемый челнок.
Нарисовал бы в нем я Кантемиру,
Ее красы... и рад бы бросить лиру,
От чистых муз навеки удалясь.
Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плесть пустился.
М<артынов> пусть пленяет кистью нас,
А я — я вновь взмостился на Парнас.
Исполнившись иройскою отвагой,
Опять беру чернильницу с бумагой
И стану вновь я песни продолжать.

Что делает теперь седой Панкратий?
Что делает и враг его косматый?
Уж перестал Феб землю освещать;
Со всех сторон уж тени налетают;
Туман сокрыл вид рощиц и лесов;
Уж кое-где и звездочки блистают...
Уж и луна мелькнула сквозь лесов...
Ни жив, ни мертв сидит под образами
Чернец, молясь обеими руками.

И вдруг бела, как вновь напавший снег
Москвы реки на каменистый брег,
Как легка тень, в глазах явилась юбка...
Монах встает, как пламень покраснев,
Как модинки прелестной ала губка,
Схватил кувшин, весь гневом возгорев,
И всей водой он юбку обливает.
О чудо!.. вмиг сей призрак исчезает —
И вот пред ним с рогами и с хвостом,
Как серый волк, щетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
«Ура! — вскричал монах с усмешкой злою, —
Поймал тебя, подземный чародей.
Ты мой теперь, не вырвешься, злодей.
Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутыль, закупорю тебя,
Сейчас ее в колодез брошу я.
Ага, Мамон! дрожишь передо мною».
— «Ты победил, почтенный старичок, —
Так отвечал смирьнехонько Молок. —
Ты победил, но будь великодушен,
В гнилой воде меня не потопи.
Я буду ввек за то тебе послушен,
Спокойно ешь, спокойно ночью спи,
Уж соблазнять тебя никак не стану».
— «Всё так, всё так, да полезай в бутыль,
Уж от тебя, мой друг, я не отстану,
Ведь плутни все твои я не забыл».
— «Прости меня, доволен будешь мною,
Богатства все польют к тебе рекою,
Как Банкова, я в знать тебя пущу,
Достану дом, куплю тебе кареты,
Придут к тебе в переднюю поэты;
Всех кланяться заставлю богачу,
Сниму клобук, по моде причешу.
Всё променяв на длинный фрак с штанами,
Поскачешь ты гордиться жеребцами,
Народ, смеясь, колесами давить
И аглинской каретой всех дивить.
Поедешь ты потеть у Шиловского,
За ужином дремать у Горчакова,
К Нарышкиной подправливать жилет.
Потом всю знать (с министрами, с князьями
Ведь будешь жить, как с кровными друзьями)
Ты позовешь на пышный свой обед».
— «Не соблазнишь! тебя я не оставлю,
Без дальних слов сей час в бутыль иди».
— «Постой, постой, голубчик, погоди!
Я жен тебе и красных дев доставлю».
— «Проклятый бес! как? и в моих руках

Осмелился ты думать о женах!
Смотри какой! но нет, работник ада,
Ты не прельстишь Панкратья суетой.
За всё, про всё готова уж награда,
Раскаешься, служитель беса злой!»
— «Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим.
Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Иерусалим».
При сих словах Монах себя не вспомнил.
«В Иерусалим!» — дивясь он бесу молвил.
— «В Иерусалим! — да, да, свезу тебя».
— «Ну, естьли так, тебя избавлю я».

Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Иерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним.
Но ты меня не слушаешь, Панкратий,
Берешь седло, берешь чепрак, узду.
Уж под тобой бодрится чорт проклятый,
Готовится на адскую езду.
Лети, старик, сев на плеча Молока,
Толкай его и в зад и под бока,
Лети, спеши в священный град востока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный Ад дорога широка.

НЕСЧАСТИЕ КЛИТА.

Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет,
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышет;
Мера простая сия всё портит, по мнению Клита,
Смысл затмевает стихов и жар охлаждает пиита.
Спорить о том я не смею, пусть он безвинных поносит,
Ямб охладил рифмача, гекзаметры ж он заморозит.

1814

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

Арист! и ты в толпе служителей Парнасса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей,
И с строгой критикой вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай;
Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают — и целый свет забудет.
Быть может и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою навек соединясь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды*
Сокрыт другой отец второй «Телемахиды».
Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздных дань поэтам справедлива;
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшись бесславия! — Что, естьли Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит — спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвечать готов;
«Пожалуй, — скажешь мне, — не трать излишних слов;
Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне, как хочет, целый свет,
Сердись, кричи, бранись, — а я таки поэт».

Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштеину французов побеждать.
Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь, и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!

* Т. е. в школе.

Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать.

Положим, что, на Пинд взобравшися счастливо,
Поэтом можешь ты назваться справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и спишь?
Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камоэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да что же, — говоришь, — судя о всех так строго,
Перебирая всё, как новый Ювенал,
Ты о Поэзии со мною толковал;
А сам, поссорившись с Парнасскими сестрами,
Мне проповедовать пришел сюда стихами?
Что сделалось с тобой? В уме ли ты, иль нет?»
Арист, без дальных слов, вот мой тебе ответ:

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, — сказали простяки, —
Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь,
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...»
— «Послушайте,— сказал священник мужикам,—
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне — не подражайте».

И мне то самое пришлося отвечать;
Я не хочу себя нимало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихой век без горя, без заботы,

Своими одами журналы не тягчит,
И над экспромптами недели не сидит!
Не любит он гулять по высотам Парнасса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса;
Его с пером в руке Рамаков не страшит;
Спокоен, весел он. Арист, он — не пиит.

Но полно рассуждать — боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Теперь, любезный друг, я дал тебе совет,
Оставишь ли свирель, умолкнешь, или нет?..
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным — хорошо, спокойным — лучше вдвое.

КОЛЬНА.
(ПОДРАЖАНИЕ ОССИАНУ).

(Фингал послал Тоскара воздвигнуть на берегах источника Кроны памятник победы, одержанной им некогда на сем месте. Между тем, как он занимался сим трудом, Карул, соседственный государь, пригласил его к пиршеству; Тоскар влюбился в дочь его Кольну; нечаянный случай открыл взаимные их чувства и осчастливил Тоскара).

Источник быстрый Каломоны,
Бегущий к дальним берегам,
Я зрю, твои взмущенны волны
Потоком мутным по скалам
При блеске звезд ночных сверкают
Сквозь дремлющий, пустынный лес,
Шумят и корни орошают
Сплетенных в темный кров древес.
Твой мшистый брег любила Кольна,
Когда по небу тень лилась;
Ты зрел, когда, в любви невольна,
Здесь другу Кольна отдалась.

В чертогах Сельмы царь могущих
Тоскару юному вешал:
«Гряди во мрак лесов дремучих,
Где Крона катит черный вал,
Шумящей прохлажден осиной. —
Там ряд является могил;
Там с верной, храброю дружиной
Полки врагов я расточил,
И много, много сильных пало;
Их гробы черный вран стрежет.
Гряди — и там, где их не стало,
Воздвигни памятник побед!»
Он рек, и в путь безвестный, дальный
Пустился с бардами Тоскар,
Идет во мгле ночи печальной,
В вечерний хлад, в полдневный жар. —
Денница красная выводит
Златое утро в небеса,
И вот уже Тоскар подходит
К местам, где в темные леса
Бежит седой источник Кроны
И кроется в долины сонны. —
Воспели барды гимн святой;
Тоскар обломок гор кремнистых
Усильно мощною рукой

Влечет из бездны волн сребристых,
И с шумом на высокой брег
В густой и дикой злак поверг;
На нем повесил черны латы,
Покрытый кровью предков меч,
И круглый щит, и шлем пернатый,
И обратил он к камню речь:

«Вещай, сын шумного потока,
О храбрых поздним временам!
Да в страшный час, как ночь глубока
В туманах ляжет по лесам,
Пришлец, дорогой утомленный,
Возлегши под надежный кров,
Воспомнит веки отдаленны
В мечтаньи сладком легких снов!
С рассветом алыя денницы,
Лучами солнца пробужден,
Он узрит мрачные гробницы...
И грозным видом поражен,
Вопросит сын иноплеменный:
«Кто памятник воздвиг надменный?»
И старец, летами согбен,
Речет: «Тоскар наш незабвенный,
Герой умчавшихся времен!»

Небес сокрылся вечный житель,
Заря потухла в небесах;
Луна в воздушную обитель
Спешит на темных облаках;
Уж ночь на холме — берег Кроны
С окрестной рощею заснул:
Владыко сильный Каломоны,
Иноплеменных друг, Карул
Призвал Морвенского героя
В жилище Кольны молодой
Вкусить приятности покоя
И пить из чаши круговой.
. . . .
. . . .
Близь пепелища все воссели;
Веселья барды песнь воспели;
И в пене кубок золотой
Кругом несется чередой. —
Печален лишь пришелец Лоры,
Главу ко груди преклонил;
Задумчиво он страстны взоры
На нежну Кольну устремил —
И тяжко грудь его вздыхает,
В очах веселья блеск потух,
То огнь по членам пробегает,
То негою томится дух:
Тоскует, втайне ощущая
Волненье сильное в крови

На юны прелести взирая,
Он полну чашу пьет любви.

Но вот уж дуб престал дымиться,
И тень мрачнее становится,
Чернеет тусклый небосклон,
И царствует в чертогах сон.
. . . .
. . . .
Редеет ночь — заря багряна
Лучами солнца возжена;
Пред ней златится твердь румяна:
Тоскар покинул ложе сна;
Быстротекущей Каломоны
Идет по влажным берегам,
Спешит узреть долины Кроны
И внемлет плещущим волнам.
И вдруг из сени темной рощи,
Как в час весенней полунощи
Из облак месяц золотой,
Выходит ратник молодой. —
Меч острый на бедре сияет,
Копье десницу вооружает;
Надвинут на чело шелом,
И гибкой стан покрыт щитом;
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренний в долине пар.

«О юный ратник! — рек Тоскар, —
С каким врагом тебе сражаться?
Ужель и в сей стране война
Багрит ручьев струисты волны?
Но всё спокойно — тишина
Окрест жилища нежной Кольны».
«Спокойны дебри Каломоны,
Цветет отчизны край златой;
Но Кольна там не обитает,
И ныне по стезе глухой
Пустыню с милым протекает,
Пленившим сердце красотой».
«Что рек ты мне, младой воитель?
Куда сокрылся похититель?
Подай мне щит твой!» — И Тоскар
Приемлет щит, пылая мщеньем.
Но вдруг исчез геройства жар;
Что зрит он с сладким восхищеньем?
Не в силах в страсти воздохнуть,
Пылая вдруг восторгом новым...
Лилейна обнажилась грудь,
Под грозным дышуща покровом...
— «Ты ль это?...» — возопил герой,
И трепетно рукой дрожащей
С главы снимает шлем блестящий —
И Кольну видит пред собой.

ЭВЛЕГА.

Вдали ты зришь утес уединенный;
Пещеры в нем изрылась глубина;
Темнеет вход, кустами окруженный,
Вблизи шумит и пенится волна.
Вечор, когда туманилась луна,
Здесь милого Эвлега призывала;
Здесь тихий глас горам передавала
Во тьме ночной печальна и одна:

«Приди, Одульф, уж роща побледнела.
На дикой мох Одульфа ждать я села,
Пылает грудь, за вздохом вздох летит.
О! сладко жить, мой друг, душа с душою.
Приди, Одульф, забудусь я с тобою,
И поцелуй любовью возгорит.

Беги, Осгар, твои мне страшны взоры,
Твой грозен вид, и хладны разговоры.
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой в ночи со мною дремлет,
Уж на заре другой меня объемлет,
И сладостен его мне поцелуй.

Что ж медлит он свершить мои надежды?
Для милого я сбросила одежды!
Завистливый покров у ног лежит.
Но чу!... идут — так! это друг мой нежный.
Уж начались восторги страсти нежной,
И поцелуй любовью возгорит».

Идет Одульф; во взорах — упоенье,
В груди — любовь, и прочь бежит печаль;
Но близ его во тьме сверкнула сталь,
И вздрогнул он — родилось подозренье:
«Кто ты? — спросил, — почто ты здесь? Вещай,
Ответствуй мне, о сын угрюмой ночи!»

«Бессильный враг! Осгара убегай!
В пустынной тьме что ищут робки очи?
Страшись меня, я страстью воспален:
В пещере здесь Эвлега ждет Осгара!»
Булатный меч в минуту обнажен,
Огонь летит струями от удара...

Услышала Эвлега стук мечей
И бросила со страхом хлад пещерный.
«Приди узреть предмет любви твоей! —
Вскричал Одульф подруге нежной, верной.—
Изменница! ты здесь его зовешь?
Во тьме ночной вас услаждает нега,
Но дерзкого в Валгалле ты найдешь!»

Он поднял меч... и с трепетом Эвлега
Падет на дерн, как клок летучий снега,
Мятелицей отторженный со скал!
Друг на друга соперники стремятся,
Кровавый ток по камням побежал:
В кустарники с отчаяньем катятся.
Последний глас Эвлегу призывал,
И смерти хлад их ярость оковал.

ОСГАР.

По камням гробовым, в туманах полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лоре путник шел, напрасно томны очи
Ночлега мирного искали в тьме густой.
Пещеры нет пред ним, на береге угрюмом
Не видит хижины, наследья рыбаря;
В дали дремучий бор качают ветры с шумом,
Луна за тучами, и в море спит заря.

Идет, и на скале, обросшей влажным мохом,
Зрит барда старого — веселье прошлых лет:
Склонясь седым челом над воющим потоком,
В безмолвии времен он созерцал полет.
Зубчатый меч висел на ветьви мрачной ивы.
Задумчивый певец взор тихий обратил
На сына чуждых стран, и путник боязливый
Содрогся в ужасе и мимо поспешил.

«Стой, путник! стой! — вещал певец веков минувших: —
Здесь пали храбрые, почти их бранный прах!
Почти геройства чад, могилы сном уснувших!»
Пришлец главой поник — и, мнилось, на холмах
Восставший ряд теней главы окровавленны
С улыбкой гордою на странника склонял.
«Чей гроб я вижу там?» — вещал иноплеменный
И барду посохом на берег указал.

Колчан и шлем стальной, к утесу пригвожденный,
Бросали тусклый луч, луною озлатясь.
«Увы! здесь пал Осгар! — рек старец вдохновенный.—
О! рано юноше настал последний час!
Но он искал его: я зрел, как в ратном строе
Он первыя стрелы с весельем ожидал
И рвался из рядов, и пал в кипящем бое:
Покойся, юноша! ты в брани славной пал.

Во цвете нежных лет любил Осгар Мальвину,
Не раз он в радости с подругою встречал
Вечерний свет луны, скользящий на долину,
И тень, упадшую с приморских грозных скал.
Казалось, их сердца друг к другу пламенели;
Одной, одной Осгар Мальвиною дышал;
Но быстро дни любви и счастья пролетели,
И вечер горести для юноши настал.

41 Однажды, в темну ночь зимы порой унылой,
Осгар стучится в дверь красавицы младой
И шепчет: «Юный друг! не медли, здесь твой милый!»
Но тихо в хижине. Вновь робкою рукой
Стучит и слушает: лишь ветры с свистом веют.
«Ужели спишь теперь, Мальвина? — мгла вокруг,
Валится снег, власы в тумане леденеют.
Услышь, услышь меня, Мальвина, милый друг!»

49 Он в третий раз стучит, со скрыпом дверь шатнулась.
Он входит с трепетом. Несчастный! что ж узрел?
Темнеет взор его, Мальвина содрогнулась,
Он зрит — в объятиях изменницы Звигнел!
И ярость дикая во взорах закипела;
Немеет и дрожит любовник молодой.
Он грозный меч извлек, и нет уже Звигнела,
И бледный дух его сокрылся в тьме ночной!

57 Мальвина обняла несчастного колена,
Но взоры отвратив: «Живи! — вещал Осгар, —
Живи, уж я не твой, презренна мной измена,
Забуду, потушу к неверной страсти жар».
И тихо за порог выходит он в молчанье,
Окован мрачною, безмолвною тоской —
Исчезло сладкое навек очарованье!
Он в мире одинок, уж нет души родной.

65 Я видел юношу: поникнув головою,
Мальвины имя он в отчаяньи шептал;
Как сумрак, дремлющий над бездною морскою,
На сердце горестном унынья мрак лежал.
На друга детских лет взглянул он торопливо;
Уже недвижный взор друзей не узнавал;
От пиршеств удален, в пустыне молчаливой
Он одиночеством печаль свою питал.

73 И длинный год провел Осгар среди мучений.
Вдруг грянул трубный глас! Оденов сын, Фингал,
Вел грозных на мечи, в кровавый пыл сражений.
Осгар послышал весть и бранью воспылал.
Здесь меч его сверкнул, и смерть пред ним бежала;
Покрытый ранами, здесь пал на груду тел.
Он пал — еще рука меча кругом искала,
И крепкий сон веков на сильного слетел.

81 Побегли вспять враги — и тихий мир герою!
И тихо все вокруг могильного холма!
Лишь в осень хладную, безмесячной порою,
Когда вершины гор тягчит сырая тьма,
В багровом облаке, одеянна туманом,
Над камнем гробовым уныла тень сидит,
И стрелы дребезжат, стучит броня с колчаном,
И клен, зашевелясь, таинственно шумит».

РАССУДОК И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой,
«Постой,— кричал,— прелестная! постой,
Скажи: «Люблю» — и бегать за тобой
Не стану я — клянуся в том Кипридой!»
«Молчи, молчи!» — Рассудок говорил,
А плут Эрот: «Скажи: «ты сердцу мил!»

7 «Ты сердцу мил!» — пастушка повторила,
И их сердца огнем любви зажглись,
И пал к ногам красавицы Дафнис,
И страстный взор Дорида потупила.
«Беги, беги!» — Рассудок ей твердил,
А плут Эрот: «Останься!» — говорил.

13 Осталася — и трепетной рукою
Взял руку ей счастливый пастушок.
«Взгляни, — сказал, — с подругой голубок
Там обнялись под тенью лип густою!»
«Беги! беги!» — Рассудок повторил,
«Учись от них!» — Эрот ей говорил.

19 И нежная улыбка пробежала
Красавицы на пламенных устах,
И вот она с томлением в глазах
К любезному в объятия упала...
«Будь счастлива!» — Эрот ей прошептал,
Рассудок что ж? Рассудок уж молчал.

К СЕСТРЕ.

Ты хочешь, друг бесценный,
Чтоб я, поэт младой,
Беседовал с тобой
И с лирою забвенной,
Мечтами окриленный,
Оставил монастырь
И край уединенный,
Где непрерывный мир
Во мраке опустился
И в пустыни глухой
Безмолвно воцарился
С угрюмой тишиной.[1]
. . . .
И быстрою стрелой
На невской брег примчуся,
С подругой обнимуся
Весны моей златой,
И, как певец Людмилы,
Мечты невольник милый,
Взошед под отчий кров,
Несу тебе не злато
(Чернец я небогатый),
В подарок пук стихов.

Тайком взошед в диванну,
Хоть помощью пера,
О, как тебя застану,
Любезная сестра?
Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака ли читаешь,
Жанлиса ль пред тобой?
Иль с резвым Гамильтоном
Смеешься всей душой?
Иль с Греем и Томсоном
Ты пренеслась мечтой

[1] *После этого стиха нескольких стихов не сохранилось. Ред.*

В поля, где от дубравы
В дол веет ветерок,
И шепчет лес кудрявый,
И мчится величавый
С вершины гор поток?
Иль моську престарелу,
В подушках поседелу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лелея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?
Иль звучным фортепьяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь?
Пиччини и Рамо?

Но вот уж я с тобою,
И в радости немой
Твой друг расцвел душою,
Как ясный вешний день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тень.

Но это лишь мечтанье!
Увы, в монастыре,
При бледном свеч сиянье,
Один пишу к сестре.
Все тихо в мрачной кельи:
Защелка на дверях,
Молчанье, враг веселий,
И скука на часах!
Стул ветхой, необитый,
И шаткая постель,
Сосуд, водой налитый,
Соломенна свирель —
Вот все, что пред собою
Я вижу, пробужден.
Фантазия, тобою
Одной я награжден,
Тобою пренесенный
К волшебной Иппокрене,
И в келье я блажен.

Что было бы со мною,
Богиня, без тебя?
Знакомый с суетою,
Приятной для меня,
Увлечен в даль судьбою,
Я вдруг в глухих стенах,
Как Леты на брегах,

Явился заключенным,
На веки погребенным,
И скрыпнули врата,
Сомкнувшися за мною,
И мира красота
Оделась черной мглою!..
С тех пор гляжу на свет,
Как узник из темницы
На яркий блеск денницы.
Светило ль дня взойдет,
Луч кинув позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце помраченно
Не радует оно.
Иль позднею порою,
Как луч на небесах,
Покрытых чернотою,
Темнеет в облаках, —
С унынием встречаю
Я сумрачную тень
И с вздохом провожаю
Скрывающийся день!..
Сквозь слез смотрю в решетки,
Перебирая четки.

Но время протечет,
И с каменных ворот
Падут, падут затворы,
И в пышный Петроград
Через долины, горы
Ретивые примчат;
Спеша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Под стол клобук с веригой —
И прилечу расстригой
В объятия твои.

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК.

Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных,
[Тюльпанов гордо наклоненных,]
Душистых ландышей, ясминов и лилей,
[Которых ты всегда] любила
[И прежде всякой день] носила
На мраморной груди твоей —
Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена!.....
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок! —
Пускай уже седой профессор Геттингена,
На старой кафедре согнувшися дугой,
Вперив в латинщину глубокой разум свой,
Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос иссохшею рукой;
Пускай младой драгун усатый
[Поутру, сидя у] окна,
С остатком утреннего сна,
Из трубки пенковой дым гонит сероватый;
Пускай красавица шестидесяти лет,
У Граций в отпуску, и у любви в отставке,
Которой держится вся прелесть на подставке,
Которой без морщин на теле места нет,
Злословит, молится, зевает
И с верным табаком печали забывает,—
А ты, прелестная!.. но если уж табак
Так нравится тебе — о пыл воображенья! —
Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточеньи,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б в сердечном восхищеньи
Рассыпался на грудь под шелковый платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.
Не будет этого никак.
Судьба завистливая, злая!
Ах, отчего я не табак!...

ЭПИГРАММА.

Арист нам обещал трагедию такую,
Что все от жалости в театре заревут,
Что слезы зрителей рекою потекут.
Мы ждали драму золотую.
И что же? дождались — и, нечего сказать,
Достоинству ее нельзя убавить весу,
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалкую пиесу.

КОЗАК.

Раз, полуношной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой козак.

Черна шапка на бекрене,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две, три избушки,—
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы,—
Думал хват Денис:—
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул Донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна сребрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девица-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,

Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напои коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выдти мне из дому,
Коню дать воды».

«Ах! небось, девица красна,
С милым подружись!»
«Ночь красавицам опасна».
«Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал козак.

Поскакали, полетели.
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

Козакъ.

(подражаніе Малороссійскому)

Разъ полунощной порою,
Сквозь туманъ и мракъ,
Ѣхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой козакъ.

Черна шапка на бекрени,
Весь жупанъ въ пыли,
Пистолеты при коленѣ,
Сабля до земли.

Мѣткаго копья лунаго
Свѣтится конецъ;
Въ грудь упершись бородою,
Задремалъ Донецъ...

Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся въ даль.

"Козак". Автограф 1814 г.
(Пушкинский Дом Академии Наук СССР, Ленинград).

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный философ,
Вельможе знатному с поклоном
Подносит оду в двести строф;
Но я, любезный Горчаков,
Не просыпаюсь с петухами,
И напыщенными стихами,
Набором громозвучных слов,
Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро,
И в лиру превращать не смею
Мое — гусиное перо!
Нет, нет, любезный князь, не оду
Тебе намерен посвятить;
Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду,
И в след Державину парить?
Пишу своим я складом ныне
Кой-как стихи на именины.

Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу,
Или богатства, громких дней,
Крестов, алмазных звезд, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлечен был в путь кровавый,
Чтоб в лаврах и венцах сиял,
Чтоб в битвах гром из рук метал,
И чтоб победа за тобою,
Как древле Невскому герою,
Всегда, везде летела вслед?
Не сладострастия поэт
Такою песенкой поздравит,
Он лучше муз навек оставит!

Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомцем нежным Эпикура
Провел меж Вакха и Амура!
А там — когда Стигийской брег
Мелькнет в туманном отдаленьи,
Дай бог, чтоб в страстном упоеньи,
Ты с томной сладостью в очах,
Из рук младого Купидона
Вступая в мрачный чолн Харона,
Уснул..... Ершовой на грудях!

ОПЫТНОСТЬ.

Кто с минуту переможет
Хладным разумом любовь,
Бремя тягостных оков
Ей на крылья не возложит.
Пусть не смейся, не резвись,
С строгой мудростью дружись;
Но с рассудком вновь заспоришь,
Хоть не рад, но дверь отворишь,
Как проказливый Эрот
Постучится у ворот.

Испытал я сам собою
Истину сих правых слов.
«Добрый путь! прости, любовь!
За богинею слепою,
Не за Хлоей, полечу,
Счастье, счастье ухвачу!» —
Мнил я в гордости безумной.
Вдруг услышал хохот шумный,
Оглянулся... и Эрот
Постучался у ворот.

Нет! мне, видно, не придется
С богом сим в размолвке жить,
И покамест жизни нить
Старой Паркой *там* прядется,
Пусть владеет мною он!
Веселиться — мой закон.
Смерть откроет гроб ужасный,
Потемнеют взоры ясны,
И не стукнется Эрот
У могильных уж ворот!

БЛАЖЕНСТВО.

В роще сумрачной, тенистой,
Где, журча в траве душистой,
Светлый бродит ручеек,
Ночью на простой свирели
Пел влюбленный пастушок;
Томный гул унылы трели
Повторял в глуши долин....

Вдруг из глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Резвых Фавнов господин,
Выбежал Эрмиев сын.
Розами рога обвиты,
Плющ на черных волосах,
Козий мех, вином налитый,
У Сатира на плечах.
Бог лесов, в дугу склонившись
Над искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушал песенки ночной,
В лад качая головой.—

«Дни, протекшие в весельи!
(Пел в тоске пастух младой)
Отчего, явясь мечтой,
Вы, как тень, от глаз исчезли
И покрылись вечной тьмой?

Ах! когда во мраке нощи,
При таинственной луне,
В темну сень прохладной рощи,
Сладко спящей в тишине,
Медленно, рука с рукою,
С нежной Хлоей приходил,
Кто сравниться мог со мною?
Хлое был тогда я мил!

А теперь мне жизнь — могила,
Белый свет душе постыл,

Грустен лес, поток уныл....
Хлоя — другу изменила!...
Я для милой.... уж не мил!...»

Звук исчез свирели тихой;
Смолк певец — и тишина
Воцарилась в роще дикой;
Слышно, плещет лишь волна,
И колышет повиликой
Тихо-веющий зефир...
Древ оставя сень густую,
Вдруг является Сатир.
Чашу дружбы круговую
Пенистым сребря вином,
Рек с осклабленным лицом:
«Ты уныл, ты сердцем мрачен;
Посмотри ж, как сок прозрачен
Блещет, осветясь луной!
Выпей чашу — и душой
Будешь так же чист и ясен.
Верь мне: — стон в бедах напрасен.
Лучше, лучше веселись,
В горе с Бахусом дружись!»
И пастух, взяв чашу в руки,
Скоро выпил всё до дна.
О могущество вина!
Вдруг сокрылись скорби, муки,
Мрак душевный вмиг исчез!
Лишь фиял к устам поднес,
Всё мгновенно пременилось,
Вся природа оживилась,
Счастлив юноша в мечтах!
Выпив чашу золотую,
Наливает он другую;
Пьет уж третью.... но в глазах
Вид окрестный потемнился —
И несчастный.... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, Сатир, меня,—
Говорит пастух со вздохом,—
Как могу бороться с роком?
Как могу счастливым быть?
Я не в силах вечно пить».
— «Слушай, юноша любезный,
Вот тебе совет полезный:
Миг блаженства *век* лови;
Помни дружбы наставленья:
Без вина здесь нет веселья,
Нет и счастья без любви;
Так поди ж теперь с похмелья
С Купидоном помирись;
Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды
Снова счастьем насладись!»

ЛАИСА ВЕНЕРЕ, ПОСВЯЩАЯ ЕЙ СВОЕ ЗЕРКАЛО.

Вот зеркало мое — прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будет ввек,
Седого времени не страшна ей обида:
Она — не смертный человек;
Но я, покорствуя судьбине,
Не в силах зреть себя в прозрачности стекла,
Ни той, которой я была,
Ни той, которой ныне.

К НАТАШЕ.

Вянет, вянет лето красно;
Улетают ясны дни;
Стелется туман ненастный
Ночи в дремлющей тени;
Опустели злачны нивы,
Хладен ручеек игривый;
Лес кудрявый поседел;
Свод небесный побледнел.

9 Свет-Наташа! где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца разделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней — позднею порой
Не встречаюсь я с тобой.

17 Скоро, скоро холод зимный
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ.

Друзья! досужный час настал;
Все тихо, всё в покое;
Скорее скатерть и бокал!
Сюда вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья! почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякой случай изберем
Скорее президента.
В награду пьяным — он нальет
И пунш, и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой!
Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale!
Ты Эпикуров младший брат,
Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам.

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей;
Бутыль вином налита,
За здравье нашей Музы пей,
Парнасской волокита.

Остряк любезный! по рукам!
Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм
На недруга и друга.

А ты, красавец молодой,
Сиятельный повеса!
Ты будешь Вакха жрец лихой,
На прочее — завеса!
Хотя студент, хотя я пьян,
Но скромность почитаю;
Придвинь же пенистый стакан,
На брань благословляю.

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —
И тотчас помиримся.—

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышешь,
Забавный, право, ты поэт,
Хоть плохо басни пишешь;
С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев,—
Рассудок! бог с тобою!

А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здравие Платова,
В козачью шапку пунш нальем —
И пить давайте снова!..

Приближься, милый наш певец,
Любимый Аполлоном!
Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном.
Как сладостно в стесненну грудь
Томленье звуков льется!..
Но мне ли страстью воздохнуть?
Нет! пьяный лишь смеется!

Не лучше ль, Роде записной,
В честь Вакховой станицы
Теперь скрыпеть тебе струной
Расстроенной скрыпицы?

Запойте хором, господа,
Нет нужды, что нескладно;
Охрипли? — это не беда:
Для пьяных всё ведь ладно!

Но что?... я вижу всё вдвоем;
Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом;
Покрылись очи мраком...
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вакха ради...
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради...
Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

БОВА.

(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ).

Часто, часто я беседовал
С болтуном страны Эллинския
И не смел осиплым голосом
С Шапеленом и с Рифматовым
Воспевать героев севера.
Несравненного Виргилия
Я читал и перечитывал,
Не стараясь подражать ему
В нежных чувствах и гармонии.
Разбирал я немца Клопштока
И не мог понять премудрого!
Не хотел я воспевать, как он;
Я хочу, чтоб меня поняли
Все от мала до великого.
За Мильтоном и Камоэнсом
Опасался я без крил парить;
Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками,
С сатаною обитать в раю,
Иль святую богородицу
Вместе славить с Афродитою.
Не бывал я греховодником!
Но вчера, в архивах рояся,
Отыскал я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизис остроумия,
Словом: Жанну Орлеанскую.
Прочитал,— и в восхищении
Про Бову пою царевича.

О Вольтер! о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом некиим,
В Риме дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который на Радищева

Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею Музою!
Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?

Не запомню, сколько лет спустя
После рождества Спасителя,
Царь Дадон со славой царствовал
В Светомире, сильном городе.
Царь Дадон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного,
Бендокира *Слабоумного*.
(Так бывало верноподданны
Величали королей своих,
Если короли беспечные,
Не в постеле и не ночкою
Почивали с камергерами).
Царь Дадон не Слабоумного
Был достоин злого прозвища,
Но тирана неусыпного,
Хотя, впрочем, не имел его.
Лень мне все его достоинства
И пороки вам показывать:
Вы слыхали, люди добрые,
О царе, что двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещеный потопил в крови,
Не щадил и некрещеного,
И в ничтожество низверженный
Александром, грозным ангелом,
Жизнь проводит в унижении
И, забытый всеми, кличется
Ныне Эльбы императором: —
Вот таков-то был и царь Дадон.

Раз, собрав бородачей совет
(Безбородых не любил Дадон),
На престоле пригорюнившись,
Произнес он им такую речь:
«Вы, которые советами
Облегчили тяжесть скипетра,
Усладили участь царскую
(Не горька она была ему),
Мудрые друзья, сподвижники!
К вам прибегнуть я решаюся:
Что мне делать ныне? — Слушайте».

Все привстали, важно хмуряся,
Низко, низко поклонилися
И, подправя ус и бороду,
Сели на скамьи дубовые.

«Вам известно,— продолжал Дадон,—
Что искусством и неправдою
Я достиг престола шаткого
Бендокира Слабоумного,
Сочетался с Милитрисою,
Милой женкой Бендокировой,
И в темницу посадил Бову,
Принца крови, сына царского.
Легче, легче захватить было
Слабоумного златой венец,
Чем, надев венец на голову,
За собою удержать его.
Вот уже народ бессмысленный,
Ходя в праздники по улицам,
Меж собой не раз говаривал:
Дай бог помочь королевичу.
Ведь Бова уже не маленькой,
Не в отца своей головушкой,
Нужды нет, что за решеткою,
Он опасен моим замыслам.
Что мне делать с ним? скажите мне,
Не оставить ли в тюрьме его?»

Всё собранье призадумалось,
Все в молчаньи потупили взор.
То-то, право, золотой совет!
Не болтали здесь, а думали:
Арзамор, муж старый, опытный,
Рот открыл было (советовать
Знать хотелось поседелому),
Громко крякнул, но одумался
И в молчаньи закусил язык.
Ко лбу перст приставя тщательно,
Лекарь славный, Эскулапа внук,
Эзельдорф, обритый шваб, зевал,
Табакеркою поскрыпывал,
Но молчал,— своей премудрости
Он пред всеми не показывал.
Вихромах, Полкан с Дубынею,
Стража трона, славны рыцари,
Все сидели, будто вкопаны.
Громобурь, известный силою,
Но умом непроницательный,
Думал, думал и нечаянно
Задремал... и захрапел в углу.
Что примера лучше действует?
Что людьми сильней ворочает?
Вот зевнули под перчаткою
Храбрый Мировзор с Ивашкою,
И Полкан, и Арзамор седой...
И ко груди преклонилися
Тихо головами буйными...
Глядь, с Дадоном задремал совет...
Захрапели много-мыслящи!

Долго спать было советникам,
Если б немцу не пришлось из рук
Табакерку на пол выронить.
Табакерка покатилася
И о шпору вдруг ударилась
Громобуря, крепко спавшего,
Загремела, раздвоилася,
Отлетела в разны стороны...
Храбрый воин пробуждается,
Озирает всё собрание...
Между тем табак рассыпался,
К носу рыцаря подъемлется,
И чихнул герой с досадою,
Так что своды потрясаются,
Окны все дрожат и сыплются,
И на петлях двери хлопают...
Пробуждается собрание!

«Что тут думать,— закричал герой: —
Царь! Бова тебе не надобен,
Ну, и к чорту королевича!
Решено: ему в живых не быть.
После, братцы, вы рассудите,
Как с ним надобно разделаться».
Тем и кончил: храбры воины
Речи любят лаконически.
«Ладно! мы тебя послушаем,—
Царь промолвил, потянувшися,—
Завтра, други, мы увидимся,
А теперь ступайте все домой».

Оплошал Дадон отсрочкою.
Не твердил он верно в азбуке:
Не откладывай до завтрого,
Что сегодня можешь выполнить.
Разошлися все придворные.
Ночь меж тем уже сгушалася,
Царь Дадон в постелю царскую
Вместе с милой лег супругою,
С несравненной Милитрисою,
Но спиной оборотился к ней:
В эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотелося.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая девица,
Ангел станом, взором, личиком,
Белой ручкой, нежной ножкою,
С госпожи сняв платье шелково,
Юбку, чепчик, ленты, кружева,
Всё под ключ в комоде спрятала
И пошла тихонько в девичью.
Там она сама разделася,
Подняла с трудом окошечко
И легла в постель пуховую,

Ожидая друга милого,
Светозара, пажа царского:
К темной ночке обещался он
Из окна прыгнуть к ней в комнату.
Ждет, пождет девица красная;
Нет, как нет всё друга милого.
Чу! бьет полночь — что же Зоинька?
Видит — входят к ней в окошечко...
Кто же? друг ли сердца нежного?
Нет! совсем не то, читатели!
Видит тень иль призрак старого
Венценосца, с длинной шапкою,
В балахоне вместо мантии,
Опоясанный мочалкою,
Вид невинный, взор навыкате,
Рот разинут, зубы скалятся,
Уши длинные, ослиные
Над плечами громко хлопают;
Зоя видит и со трепетом
Узнает она, читатели,
Бендокира Слабоумного.

Трепетна, смятенья полная,
Стала на колени Зоинька,
Съединила ручку с ручкою,
Потупила очи ясные
Прочитала скорым шопотом
То, что век не мог я выучить:
Отче наш и *Богородице*,
И тихохонько промолвила:
«Что я вижу? Боже! Господи....
О Никола! Савва мученик!
Осените беззащитную.
Ты ли это, царь наш батюшка?
Отчего, скажи, оставил ты
Ныне царствие небесное?»

Глупым смехом осветившися,
Тень рекла прекрасной Зоиньке:
«Зоя, Зоя, не страшись, мой свет,
Не пугать тебя мне хочется,
Не на то сюда явился я
С того света привидением.—
Весело пугать живых людей,
Но могу ли веселиться я,
Естьли сына Бендокирова,
Милого Бову царевича,
На костре изжарят завтра же?»

Бедный царь заплакал жалобно.
Больно стало доброй девушке.
«Чем могу, скажи, помочь тебе,
Я во всем тебе покорствую».
— «Вот что хочется мне, Зоинька!
Из темницы сына выручи,

И сама в жилище мрачное
Сядь на место королевича,
Пострадай ты за невинного.
Поклонюсь тебе низехонько
И скажу: *спасибо, Зоинька!*»

Зоинька тут призадумалась:
За *спасибо* в темну яму сесть!
Это жестко ей казалося.
Но, имея чувства нежные,
Зоя втайне согласилася
На такое предложение.

Так, ты прав, оракул Франции,
Говоря, что жены, слабые
Против стрел Эрота юного,
Все имеют душу добрую,
Сердце нежно непритворное.
«Но скажи, о царь возлюбленный! —
Зоя молвила покойнику: —
Как могу (ну, посуди ты сам)
Пренестись в темницу мрачную,
Где горюет твой любезный сын?
Пятьдесят отборных воинов
Днем и ночью стерегут его.
Мне ли, слабой робкой женщине,
Обмануть их очи зоркие?»
«Будь покойна, случай найдется,
Поклянись лишь только милая,
Не отвергнуть сего случая,
Если сам тебе представится».
«Я клянусь!» — сказала девица.
Вмиг исчезло привидение,
Из окошка быстро вылетев.
Воздыхая тихо Зоинька
Опустила тут окошечко
И в постеле успокоившись
Скоро, скоро сном забылася.

К БАТЮШКОВУ.

Философ резвый и пиит,
Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых Аонид,
Почто на арфе златострунной
Умолкнул, радости певец?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Расстался с Фебом наконец?

Уже с венком из роз душистых,
Меж кудрей вьющихся, златых,
Под тенью тополов ветвистых,
В кругу красавиц молодых,
Заздравным не стучишь фиалом,
Любовь и Вакха не поешь,
Довольный счастливым началом,
Цветов Парнасских вновь не рвешь;
Не слышен наш Парни Российской!...
Пой, юноша — Певец Тиисской
В тебя влиял свой нежный дух.
С тобою твой прелестный друг,
Лилета, красных дней отрада:
Певцу любви любовь награда.
Настрой же лиру. По струнам
Летай игривыми перстами,
Как вешний Зефир по цветам,
И сладострастными стихами,
И тихим шепотом любви
Лилету в свой шалаш зови.
И звезд ночных при бледном свете,
Плывущих в дальной вышине,
В уединенном кабинете,
Волшебной внемля тишине,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливец милый, орошай;
Но, упоен любовью страстной,
И нежных муз не забывай;

Любви нет боле счастья в мире:
Люби — и пой ее на лире.

Когда ж к тебе в досужный час
Друзья, знакомые сберутся,
И вины пенные польются,
От плена с треском свободясь:
Описывай в стихах игривых
Веселье, шум гостей болтливых
Вокруг накрытого стола,
Стакан, кипящий пеной белой,
И стук блестящего стекла.
И гости дружно стих веселый,
Бокал в бокал ударя в лад,
Нестройным хором повторят.

Поэт! В твоей предметы воле,
Во звучны струны смело грянь,
С Жуковским пой кроваву брань
И грозну смерть на ратном поле.
И ты в строях ее встречал,
И ты, постигнутый судьбою,
Как Росс, питомцем славы пал!
Ты пал, и хладною косою
Едва скошенный не увял!... *

Иль, вдохновенный Ювеналом,
Вооружись сатиры жалом,
Подчас прими ее свисток,
Рази, осмеивай порок,
Шутя, показывай смешное
И, естьли можно, нас исправь.
Но Тредьяковского оставь
В столь часто рушимом покое.
Увы! довольно без него
Найдем бессмысленных поэтов,
Довольно в мире есть предметов,
Пера достойных твоего!

Но что!... цевницею моею,
Безвестный в мире сем поэт,
Я песни продолжать не смею.
Прости — но помни мой совет:
Доколе музами любимый,
Ты Пиэрид горишь огнем,
Доколь, сражен стрелой незримой,
В подземный ты не снидешь дом,
Мирские забывай печали.
Играй: тебя младой Назон,
Эрот и Грации венчали,
А лиру строил Аполлон.

---

* Кому неизвестны *Воспоминания на 1807 год?*

ЭПИГРАММА.

(ПОДРАЖАНИЕ ФРАНЦУЗСКОМУ).

Супругою твоей я так пленился,
Что естьли б три в удел достались мне,
Подобные во всем твоей жене,
То даром двух я б отдал сатане,
Чтоб третью лишь принять он согласился.

К Н. Г. ЛОМОНОСОВУ.

И ты, любезный друг, оставил
Надежну пристань тишины,
Челнок свой весело направил
По влаге бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно светят небеса,
Ладья крылатая пустилась —
Расправит *счастье* паруса.
Дай бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал,
Чтоб бурный вихорь не вздувал
Пред челноком шумящи воды!
Дай бог, под вечер к берегам
Тебе пристать благополучно
И отдохнуть спокойно там
С *любовью, дружбой* неразлучно!
Нет! ты не можешь их забыть!
Но что! Не скоро, может быть,
Увижусь я, мой друг, с тобою
Укромной хаты в тишине;
За чашей пунша круговою
Подчас воспомнишь обо мне;
Когда ж пойду на новоселье
(Заснуть ведь общий всем удел),
Скажи: „дай бог ему веселье!
Он в жизни хоть любить умел".

НА РЫБУШКИНА.

Бывало, прежних лет герой,
Окончив славну брань с противной стороной,
Повесит меч войны средь отческия кущи;
А трагик наш Бурун, скончав чернильный бой,
Повесил уши.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей бегущий в сень дубравы,
Чуть дышет ветерок, уснувший на листах,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в сребристых облаках.

9 Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вкруг.
Алеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тополом сплелась младая ива
И отразилася в кристале зыбких вод;
Царицей средь полей лилея горделива
В роскошной красоте цветет.

17 С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы Росской храм?

25 Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царско-сельской сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Увы! промчалися те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

33 Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Воззрев вокруг себя, со вздохом Росс вещает:
«Исчезло всё, Великой нет!»
И в думу углублен, над злачными брегами
Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух.
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищеньи дух.

41 Он видит, окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширяяся крылами,
Над ним сидит орел младой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикраты обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

49 В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, Кагульской брег, поносен!
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о Росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

57 О громкий век военных споров,
Свидетель славы Россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцов и Суворов,
Потомки грозные Славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась дивился мир;
Державин и Петров Героям песнь брянцали
Струнами громозвучных лир.

65 И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать — есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич — и вскоре лютой брани
Зарделась грозная заря.

73 И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
Дымится кровию земля;
И селы мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделося вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плут.

Идут — их силе нет препоны,
Всё рушат, всё свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно,
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи....
Но клики раздались!... идут в дали туманной! —
Звучат кольчуги и мечи!...

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь Богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За веру, за царя.

Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет, все местью, славой дышут,
Восторг во грудь их перешел.
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,
И се — пылает брань; на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

Сразились.— Русской — победитель!
И вспять бежит надменный Галл;
Но сильного в боях небесный Вседержитель
Лучем последним увенчал,
Не здесь его сразил воитель поседелый;
О Бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! на башнях Галл кремля!...

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни:
Вотще лишь гневом дух пылал!...

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь Русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Всё пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал, и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней нощи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях брега и светлы рощи:
Всё мертво, всё молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престает в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть сретают,
А с тыла гонит Россов меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О Галлы хищные! и вы в могилы пали. —
О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечем низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже Росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленьи,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

Достойный внук Екатерины!
Почто небесных Аонид,
Как наших дней певец, славянской Бард дружины,
Мой дух восторгом не горит?
О, естьли б Аполлон пиитов дар чудесный
Влиял мне ныне в грудь! Тобою восхищен,
На лире б возгремел гармонией небесной
И воссиял во тьме времен.

О Скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу друзей твоих, с душой воспламененной,
Взгреми на арфе золотой!
Да снова стройный глас Герою в честь прольется,
И струны трепетны посыплют огнь в сердца,
И Ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного Певца.

РОМАНС.

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо — лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье,
Вздохнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих —
Откроешь очи и тоскуя
Ко груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Стыд вечный мне вина моя —
Меня навеки ты забудешь;
Тебя не позабуду я;
Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!» —
Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей! —
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокой,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокой...
Прости, прости тогда меня...

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца.

Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца? —
Утешь тогда страдальца муки,
Скажи «ее на свете нет —
Лаура не снесла разлуки
И бросила пустынный свет».—

41 Но что сказала я?... быть может,
Виновную ты встретишь мать —
Твой скорбный взор меня встревожит!
Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый
Моею тронулся мольбой...
Но, может быть, пройдешь ты мимо —
Навек расстались я с тобой.

49 Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей —
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

57 Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
С волненьем сына ухватила
И к ней приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

ЛЕДА.

(КАНТАТА).

Средь темной рощицы, под тенью лип душистых,
В высоком тростнике, где частым жемчугом
Вздувалась пена вод сребристых,
Колеблясь тихим ветерком,
Покров красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежал,
И прелести ее поток волной игривой
С весельем орошал.

Житель рощи торопливый,
Будь же скромен, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Изменить страшитесь ей!

Леда робостью трепещет,
Тихо дышет снежна грудь,
Ни волна вокруг не плещет,
Ни зефир не смеет дуть.

В роще шорох утихает,
Всё в прелестной тишине;
Нимфа далее ступает,
Робкой вверившись волне.

Но что-то меж кустов прибрежных восшумело,
И чувство робости прекрасной овладело;
Невольно вздрогнула, не в силах воздохнуть.
И вот пернатых царь из-под склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
К красавице плывет — веселья полна грудь;
С шумящей пеною отважно волны гонит,
Крылами воздух бьет,
То в кольцы шею вьет,
То гордую главу смирясь пред Ледой клонит.
Леда смеется.
Вдруг раздается
Радости клик.

Вид сладострастный!
К Леде прекрасной
Лебедь приник.
Слышно стенанье,
Снова молчанье.
Нимфа лесов
С негою сладкой
Видит украдкой
Тайну богов.

Опомнясь наконец красавица младая
Открыла тихий взор, в томленьях воздыхая,
И что ж увидела? — На ложе из цветов
Она покоится в объятиях Зевеса;
Меж ними юная любовь, —
И пала таинства прелестного завеса.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды:

В темной рощице таится
Часто пламенный Эрот;
С хладной струйкою катится,
Стрелы прячет в пене вод.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды.

STANCES.

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclose,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore
Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'Hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose!
L'aimable fille des amours
Tombe fanée, à peine éclose;
Il a fui, le temps des beaux jours!

Eudoxie! aimez, le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

MON PORTRAIT.

Vous' me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson,
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

9 Onc il ne fut de babillard,
Ni docteur en Sorbonne —
Plus ennuyeux et plus braillard,
Que moi-même en personne.

Ma taille à celles des plus longs
Ne peut être égalée;
J'ai le teint frais, les chevenz blonds
Et le tête bouclée.

17 J'aime et le monde et son fracas,
Je hais la solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encor...
Si n'étais au Lycée.

25 Après celà, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie.
Ma foi, voilà Pouchkine.

1815

ГОРОДОК.

(К ***).

Прости мне, милый друг,
Двухлетнее молчанье:
Писать тебе посланье
Мне было недосуг.
На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великой град Петра,
От утра до утра
Два года всё кружился
Без дела в хлопотах,
Зевая, веселился
В театре, на пирах;
Не ведал я покоя,
Увы! ни на часок,
Как будто у налоя
В великой четверток
Измученный дьячок.
Но слава, слава богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь;
Уж вытолкал за дверь
Заботы и печали,
Которые играли,
Стыжусь, столь долго мной;
И в тишине святой
Философом ленивым,
От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливом.
Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы

С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной,
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет;
На улице карет
Не слышит стук докучный;
Здесь грома вовсе нет;
Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой,
Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожною клюкой
В калитку постучится...

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленький Эрот;
Блажен, кто на просторе
В укромном уголке
Не думает о горе,
Гуляет в колпаке,
Пьет, ест, когда захочет,
О госте не хлопочет!
Никто, никто ему
Лениться одному
В постеле не мешает;
Захочет — Аонид
Толпу к себе сзывает;
Захочет — сладко спит,
На *Рифмова* склоняясь
И тихо забываясь.
Так я, мой милый друг,
Теперь расположился;
С толпой бесстыдных слуг
Навеки распростился;
Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.

Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут.
Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Издетства стал пиит;
Всех больше перечитан,
Всех менее томит;
Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьоста, Тасса внук —
Скажу ль?... отец Кандида —
Он всё; везде велик
Единственный старик!
На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных Граций —
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем.
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекший в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!
Ты здесь — и Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя.—
Но вот наперсник милый
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!
Воспитанны Амуром
Вержье, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят
И сон от глаз отводят
Под зимний вечерок).
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фон-Визин и Княжнин.
За ними, хмурясь важно,

Их грозный Аристарх
Является отважно
В шестнадцати томах.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видеть вкус,
Но часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

Кладбище обрели
На самой нижней полки
Все школьнически толки,
Лежащие в пыли,
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопенья,
Известные творенья
Увы! одним мышам.
Мир вечный и забвенье
И прозе и стихам!
Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненьи...
Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненьи,
Презревшие печать.
Хвала вам, чады славы,
Враги Парнасских уз!
О князь, наперсник Муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знанье света
И слога чистоту,
И в резвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гуртом потопил;
И ты, замысловатый
Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец;
И ты, шутник бесценный,

Который Мельпомены
Котурны и кинжал
Игривой Тальи дал!
Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я с *Чернавкой*
Подщипа слезы льет;
Здесь Князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятеньи
Плененные цари,
Забыв войну, сраженьи,
Играют в кубари...
Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнасса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик — Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть право не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

О вы, в моей пустыне
Любимые творцы!
Займите же отныне
Беспечности часы.
Мой друг! весь день я с ними,
То в думу углублен,
То мыслями своими
В Элизий пренесен.
Когда же на закате
Последний луч зари
Потонет в ярком злате,
И светлые цари
Смеркающейся ночи
Плывут по небесам,
И тихо дремлют рощи,
И шорох по лесам,
Мой гений невидимкой
Летает надо мной;

И я в тиши ночной
Сливаю голос свой
С пастушьею волынкой.
Ах! счастлив, счастлив тот,
Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
«Бессмертен ввек пиит!»

Но ею мне ль гордиться,
Но мне ль бессмертьем льститься?...
До слез я спорить рад,
Не бьюсь лишь об заклад,
Как знать, и мне, быть может,
Печать свою наложит
Небесный Аполлон;
Сияя горним светом,
Бестрепетным полетом
Взлечу на Геликон.
Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой
Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире воздохнет.

Покаместь, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижу я под окном
С бумагой и с пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я ныне вдохновен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто ж ее сестрой,
Любовию младой
Напрасно пламенею?
Иль юности златой
Вотще даны мне розы,
И лить навеки слезы
В юдоле, где расцвел
Мой горестный удел?...
Певца сопутник милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью
И с чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвения тропой;

И в час безмолвной ночи,
Когда ленивый мак
Покроет томны очи,
На ветреных крылах
Примчись в мой домик тесный,
Тихонько постучись,
И в тишине прелестной
С любимцем обнимись!
Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огнь в сердца,
И Граций стан прелестный
И снег ее лица;
Представь, что, на коленях
Покоясь у меня,
В порывистых томленьях
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устах,
Горит лицо прекрасной,
И слезы на глазах!...
Почто стрелой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманет — и пропал
Беглец невозвратимый!
Не слышит плач и стон,
И где крылатый сон?
Исчезнет обольститель,
И в сердце грусть-мучитель.

Но всё ли, милый друг,
Быть счастья в упоеньи?
И в грусти томный дух
Находит наслажденье:
Люблю я в летний день
Бродить один с тоскою,
Встречать вечерню тень
Над тихою рекою
И с сладостной слезою
В даль сумрачну смотреть;
Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близь озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставя злак прибрежный,
Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.
Или, для развлеченья,
Оставя книг ученье,

В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Со всех она сторон,
Всё сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку
Играя разломал,—
Старушка всё расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает всё свое;
А я сижу смиренно
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда *Свистова*
В столице я внимал,
Когда свои творенья
Он с жаром мне читал,
Ах! видно, бог пытал
Тогда мое терпенье!

Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,
Уволенный от службы
Майором отставным,
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откушать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С Очаковской медалью
На раненой груди,
Воспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел на встречу славы,
Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый
С булатным палашом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать,

Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою,
Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю,
А с ними крючковатый
Подьяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот.

Но, друг мой, естьли вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами,
(И слово уж сдержу)
Я с сельскими попами
Молебен отслужу.

ВОДА И ВИНО.

Люблю я в полдень воспаленный
Прохладу черпать из ручья
И в роще тихой, отдаленной
Смотреть, как плещет в брег струя.
Когда ж вино в края поскачет,
Напенясь в чаше круговой,
Друзья, скажите,— кто не плачет,
Заране радуясь душой?

9 Да будет проклят дерзновенный,
Кто первый грешною рукой,
Нечестьем буйным ослепленный,
О страх!... смесил вино с водой!
Да будет проклят род злодея!
Пускай не в силах будет пить,
Или, стаканами владея,
Лафит с Цымлянским различить!

ИЗМЕНЫ.

«Всё миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.
Так я премены
Сладость вкусил;
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Всё позабудь;
В новой сей доле
Счастливо будь.
Только весною
Зефир младою
Розой пленен;
В юности страстной
Был я прекрасной
В сеть увлечен.
Нет, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встречу конец.
Ах! для тебя ли,
Юный певец,
Прелесть Елены
Розой цветет?..
Пусть весь народ,
Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой;
В мирном жилище,
На пепелище,
В чаше простой
Стану в смиреньи
Черпать забвенье

И — для друзей
Резвой рукою
Двигать струною
Арфы моей».

В скучной разлуке
Так я мечтал,
В горести, в муке
Себя услаждал;
В сердце возженный
Образ Елены
Мнил истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумал любить.
Как ветерочек
Ранней порой
Гонит листочек
С резвой волной,
Так непрестанно
Непостоянный
Страстью играл,
Лилу, Темиру,
Всех обожал,
Сердце и лиру
Всем посвящал.—
Что же? — напрасно
С груди прекрасной
Шаль я срывал.
Тщетны измены!
Образ Елены
В сердце пылал!
Ах! возвратися,
Радость очей,
Хладна, тронися
Грустью моей.—
Тщетно взывает
Бедный певец!
Нет! не встречает
Мукам конец...
Так! до могилы
Грустен, унылый,
Крова ищи!
Всеми забытый,
Терном увитый
Цепи влачи.........

К ЛИЦИНИЮ.

(С ЛАТИНСКОГО).

Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице,
Увенчан лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой.
Смотри, как все пред ним усердно спину клонят,
Как ликторов полки народ несчастный гонят.
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
С покорностью ему умильный мещут взгляд,
Ждут в тайном трепете улыбку, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья;
И дети малые, и старцы с сединой
Стремятся все за ним и взором и душой,
И даже след колес, в грязи напечатленный,
Как некий памятник им кажется священный.

О Ромулов народ! пред кем ты пал во прах?
Пред кем восчувствовал в душе столь низкой страх?
Квириты гордые под иго преклонились!..
Кому ж, о небеса! кому поработились?..
Скажу ль — Ветулию! — Отчизне стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей,
Любимец деспота Сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит.
Ветулий, римлян царь!... О срам! о времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком, с руками за спиною,
В изорванном плаще и с нищенской клюкою,
Поникнув головой, нахмурившись идет?
Не ошибаюсь я, философ то Дамет.
«Дамет! куда, скажи, в одежде столь убогой
Средь Рима пышного бредешь своей дорогой?»

«Куда? не знаю сам. Пустыни я ищу,
Среди разврата жить уж боле не хочу;
Япетовых детей пороки, злобу вижу,
Навек оставлю Рим: я людства ненавижу».

Лициний, добрый друг! не лучше ли и нам,
Отдав поклон мечте, Фортуне, суетам,
Седого стоика примером научиться?
Не лучше ль поскорей со градом распроститься,
Где всё на откупе: законы, правота,
И жены, и мужья, и честь, и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Других неопытных в любовну ловит сеть;
Нам стыдно слабости с морщинами иметь.
Летит от старика любовь в толпе веселий.
Пускай бесстыдный Клит, вельможей раб Корнелий,
Оставя ложе сна с запевшим петухом,
От знатных к богачам бегут из дома в дом;
Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода,
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний, поспешим далеко от забот,
Безумных гордецов, обманчивых красот,
Докучных риторов, Парнасских Геростратов;
В деревню пренесем отеческих пенатов;
В тенистой рощице, на берегу морском
Найти нетрудно нам красивый, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в тиши уединенья,
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в камельке,
Воспомнив старину за дедовским фиялом,
Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом,
В гремящей сатире порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О Рим! о гордый край разврата, злодеянья,
Придет ужасный день — день мщенья, наказанья;
Предвижу грозного величия конец,
Падет, падет во прах вселенныя венец!
Народы дикие, сыны свирепой брани,
Войны ужасной меч прияв в кровавы длани,
И горы, и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокой;
И путник, обратив на груды камней око,
Речет задумавшись, в мечтаньях углублен:
«Свободой Рим возрос — а рабством погублен».

К Лицинию

Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице
Увенчан лаврами, в блестящей багрянице
Спесиво развалясь Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой
Смотри, как все пред ним усердно спину клонят
Как ликторы шумя народ несчастный гонят
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
[illegible] умильный [illegible] взгляд
Ждут в тайном трепете улыбки, глаз движенья
Как будто дивного богов благословенья
И дети малые и старцы в сединах
[illegible]
И даже след колес в грязи напечатленный
Как некий памятник почетный и священный.
О Ромулов народ, [illegible]
[illegible]
Квириты гордые под иго преклонились!...
Кому ж, о небо!! кому поработились?
Скавру? — Ветулию! отраде гнусных жен
Развратный юноша [illegible]
Любимец деспота сенатом [illegible] правит
На Рима [illegible]
Ветулий, Римлян царь!.. о стыд! о времена!
Иль вселенная на гибель предана?—

"К Лицинию". Автограф 1815 г.
(Центрархив, Москва).

БАТЮШКОВУ.

В пешерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещен,
И светлой Иппокреной
С издетства напоенный,
Под кровом вешних роз,
Поэтом я возрос.

9 Веселый сын Эрмия
Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрестанно;
Нескладно хоть играл,
Но Музам не скучал.

17 А ты, певец забавы
И друг Пермесских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы
Стезею полетев,
Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.

25 Дано мне мало Фебом:
Охота, скудный дар.
Пою под чуждым небом,
Вдали домашних Лар,
И. с дерзостным Икаром
Страшась летать не даром,
Бреду своим путем:
Будь всякой при своем.

НАПОЛЕОН НА ЭЛЬБЕ (1815).

Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала
Туманная луна;
Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.
В уме губителя теснились мрачны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь ковал
И, к дальним берегам возведши взор угрюмый,
Свирепо прошептал:

«Вокруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн...

О, скоро ли, напенясь под рулями,
Меня помчит покорная волна,
И спящих вод прервется тишина?...
Волнуйся, ночь, над Эльбскими скалами!
Мрачнее тмись за тучами, луна!

Там ждут меня бесстрашные дружины.
Уже сошлись, уже сомкнуты в строй!
Уж мир лежит в оковах предо мной!
Прейду я к вам сквозь черные пучины
И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнет брань! за галльскими орлами,
С мечом в руках победа полетит,
Кровавый ток в долинах закипит,
И троны в прах низвергну я громами
И сокрушу Европы дивный щит!...

Но вкруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн...

О счастье! злобный обольститель,
И ты, как сладкой сон, сокрылось от очей,

Средь бурей тайный мой хранитель
И верный пестун с юных дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело
И скрыло дерзостной рукою
В венцах лавровое чело!
Давно ли с трепетом народы
Несли мне робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымились громы вкруг меня,
И слава в блеске над главою
Неслась, прикрыв меня крылом?...
Но туча грозная нависла над Москвою,
И грянул мести гром!...
Полнощи царь младой! — ты двигнул ополченья,
И гибель вслед пошла кровавым знаменам,
Отозвалось могущего паденье,
И мир земле, и радость небесам,
А мне — позор и заточенье!
И раздроблен мой звонкой щит,
Не блещет шлем на поле браней;
В прибрежном злаке меч забыт
И тускнет на тумане.
И тихо всё кругом. В безмолвии ночей
Напрасно чудится мне смерти завыванье,
И стук блистающих мечей,
И падших ярое стенанье —
Лишь плещущим волнам внимает жадный слух;
Умолк сражений клик знакомый,
Вражды кровавой гаснут громы,
И факел мщения потух.
Но близок час! грядет минута роковая!
Уже летит ладья, где грозный трон сокрыт;
Кругом простерта мгла густая,
И, взором гибели сверкая,
Бледнеющий мятеж на палубе сидит.
Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай — твой бич восстал — и всё падет во прах,
Всё сгибнет, и тогда, в всеобщем разрушенье,
Царем воссяду на гробах!»

Умолк. На небесах лежали мрачны тени,
И месяц, дальних туч покинув темны сени,
Дрожащий, слабый свет на запад изливал —
Восточная звезда играла в океане,
И зрелася ладья, бегущая в тумане
Под сводом Эльбских грозных скал.
И Галлия тебя, о хищник, осенила;
Побегли с трепетом законные цари.
Но зришь ли? Гаснет день, мгновенно тьма сокрыла
Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина над бездною седою,
Мрачится неба свод, гроза во мгле висит,
Всё смолкло... трепещи! погибель над тобою,
И жребий твой еще сокрыт!

К ПУЩИНУ.

(4 МАЯ).

Любезный именинник,
О Пущин дорогой!
Прибрел к тебе пустынник
С открытою душой;
С пришельцем обнимися —
Но доброго певца
Встречать не суетися
С парадного крыльца.
Он гость без этикета,
Не требует привета
Лукавой суеты;
Прими ж его лобзанья
И чистые желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостям пирушку;
На столик вощаной
Поставь пивную кружку
И кубок пуншевой.
Старинный собутыльник!
Забудемся на час,
Пускай ума светильник
Погаснет ныне в нас;
Пускай старик крылатый
Летит на почтовых:
Нам дорог миг утраты
В забавах лишь одних!

Ты счастлив, друг сердечный!
В спокойствии златом
Течет твой век беспечный,
Проходит день за днем;
И ты в беседе Граций,
Не зная черных бед,
Живешь, как жил Гораций,
Хотя и не поэт.
Под кровом небогатым
Ты вовсе не знаком
С зловещим Гипократом,
С нахмуренным попом;

Не видишь у порогу
Толпящихся забот;
Нашли к тебе дорогу
Веселость и Эрот;
Ты любишь звон стаканов
И трубки дым густой,
И демон метроманов
Не властвует тобой.
Ты счастлив в этой доле.
Скажи, чего же боле
Мне другу пожелать?
Придется замолчать....

Дай бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,
Сказал тебе стихами:
Вот кубок; наливай!
Веселье! будь до гроба
Сопутник верный наш,
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш!

К ГАЛИЧУ.

Пускай угрюмый рифмотвор,
Повитый маком и крапивой,
Холодных од творец ретивый,
На скучный лад сплетая вздор,
Зовет обедать генерала,—
О Галич, верный друг бокала
И жирных утренних пиров,
Тебя зову, мудрец ленивый,
В приют поэзии счастливый,
Под отдаленный неги кров.
Давно в моем уединеньи,
В кругу бутылок и друзей,
Не зрели кружки мы твоей,
Подруги долгих наслаждений,
Острот и хохота гостей.
В тебе трудиться нет охоты.
Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок.
Зайди к жиду Золотареву,
В его, всем общий, уголок;
Мы там, собравшися в кружок,
Прольем вина струю багрову,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое.

И гордый на столе пирог
Друзей стесненными рядами,
Сверкая светлыми ножами,
С тобою храбро осадим
И мигом стены разгромим;
Когда ж, вином отягощенный,
С главой, в колени преклоненной,
Захочешь в мире отдохнуть
И, опускаяся в подушку,
Дабы спокойнее заснуть,
Уронишь налитую кружку
На старый бархатный диван,—
Тогда послания, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты

Покинут скромный наш карман,
И крепок сон ленивца будет!..
Но рюмок звон тебя разбудит,
Ты вскочишь с бодрой головой,
Оставишь смятую подушку,
Подымешь милую подружку —
И в келье снова пир горой.

О Галич, время невозвратно,
И близок, близок грозный час,
Когда, послыша славы глас,
Покину кельи кров приятный,
Татарской сброшу свой халат.
Простите, девственные Музы!
Прости, приют младых отрад!
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных Муз —
В числе воюющих корнетов!
О Галич, Галич! поспешай!
Тебя зовут и сон ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок полный через край!

МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна,
На холме тьма седеет,
На воды пала тишина.
С долины ветер веет,
Молчит певица вешних дней
В пустыне темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тих полет полнощи;

И мирный неги уголок
Ночь сумраком одела,
В камине гаснет огонек,
И свечка нагорела;
Стоит богов домашних лик
В кивоте небогатом,
И бледный теплится ночник
Пред глиняным Пенатом.

Главою на руку склонен,
В забвении глубоком,
Я в сладки думы погружен
На ложе одиноком;
С волшебной ночи темнотой,
При месячном сияньи,
Слетают резвою толпой
Крылатые мечтаньи,

И тихой, тихой льется глас;
Дрожат златые струны.
В глухой, безмолвный мрака час
Поет мечтатель юный;
Исполнен тайною тоской,
Молчаньем вдохновенный,
Летает резвою рукой
На лире оживленной.

Блажен, кто в низкой свой шалаш
В мольбах не просит Счастья!
Ему Зевес надежный страж
От грозного ненастья;

На маках лени, в тихой час,
Он сладко засыпает,
И бранных труб ужасный глас
Его не пробуждает.

Пускай, ударя в звучный щит
И с видом дерзновенным,
Мне Слава издали грозит
Перстом окровавленным,
И бранны вьются знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за Славой.

Нашел в глуши я мирный кров
И дни веду смиренно;
Дана мне лира от богов,
Поэту дар бесценный;
И Муза верная со мной:
Хвала тебе, богиня!
Тобою красен домик мой
И дикая пустыня.

На слабом утре дней златых
Певца ты осенила,
Венком из миртов молодых
Чело его покрыла,
И, горним светом озарясь,
Влетала в скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью.

О, будь мне спутницей младой
До самых врат могилы!
Летай с мечтаньем надо мной,
Расправя легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Пленяйте ум... обманом,
И милой жизни светлу даль
Кажите за туманом!

И тих мой будет поздний час;
И смерти добрый гений
Шепнет, у двери постучась:
«Пора в жилище теней!..»
Так в зимний вечер сладкой сон
Приходит в мирны сени,
Венчанный маком, и склонен
На посох томной лени...

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ. ДРУЗЬЯМ.

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихой берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь...
Прости навек, очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приближьтесь, о друзья мои,
Благоговенье и вниманье! —
Певец решился умереть. —
Итак, с вечернею луною,
В саду нельзя ли дерн одеть
Узорной белой пеленою?
На темный берег сонных вод,
Где мы вели беседы наши,
Не льзя ль, устроя длинный ход,
Нести наполненные чаши?
Зовите на последний пир
Спесивой Семелеи сына,
Эрота, друга наших лир,
Богов и смертных властелина.
Пускай веселье прибежит,
Махая резвою гремушкой,
И нас от сердца рассмешит
За полной пенистою кружкой.
Пускай игривою толпой
Слетят родные наши музы;
Им первый кубок круговой,
Друзья! священны нам их узы;
До ранней утренней звезды,
До тихого лучей рассвета
Не выйдут из руки поэта
Фиалы братской череды;
В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди.
В последний раз, томимый нежно,
Не вспомню вечность и друзей;
В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней!

Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой,
И белый топол озарится,
Покрытый утренней росой,
Подайте грозд Анакреона;
Он был учителем моим;
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона...
Простите, милые друзья,
Подайте руку; до свиданья!
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру,
Тебе дарю я лень и лиру;
Да будут Музы над тобой.....
Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пущин, ветреный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец!
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, *ей*!..

На тихой праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;
Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить....
Стекитесь резвою толпою,
Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
«Здесь дремлет Юноша-Мудрец,
Питомец Нег и Аполлона».

К НЕЙ.

Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сон;
Скажи — увижу ли.... на долгую ль разлуку
Я роком осужден?

Ужели никогда на друга друг не взглянет,
Иль вечной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда нас утро не застанет
В объятиях любви?

Эльвина, почему в часы глубокой ночи
Я не могу тебя с весельем обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

И в радости немой, в восторгах наслажденья
Твой шопот сладостный и тихой стон внимать,
И тихо в скромной тьме для неги пробужденья
Близ милой засыпать?

К МОЛОДОЙ АКТРИСЕ.

Ты не наследница Клероны,
Не для тебя свои законы
Владелец Пинда начертал;
Тебе не много бог послал,
Твой голосок, телодвиженья,
Немые взоров обращенья
Не стоят, признаюсь, похвал
И шумных плесков удивленья;
Жестокой суждено судьбой
Тебе актрисой быть дурной.
Но, Клоя, ты мила собой.
Тебе во след толпятся смехи,
Сулят любовникам утехи —
Итак, венцы перед тобой,
И несомнительны успехи.

Ты пленным зрителя ведешь,
Когда без такта ты поешь,
Недвижно стоя перед нами,
Поешь — и часто не в попад.
А мы усердными руками
Все громко хлопаем; кричат:
«Bravo! bravissimo! чудесно!»
Свистки сатириков молчат,
И все покорствуют прелестной.

Когда в неловкости своей,
Ты сложишь руки у грудей,
Или подымешь их и снова
На грудь положишь, застыдясь;
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для нас,
В любви без чувства уверяешь;
Или без памяти в слезах,
Холодный испуская *ах!*
Спокойно в кресла упадаешь,
Краснея и чуть-чуть дыша,—
Все шепчут: *ах! как хороша!*
Увы! другую б освистали:
Велико дело красота.

О Клоя, мудрые солгали:
Не всё на свете суета.

Пленяй же, Клоя, красотою;
Стократ блажен любовник тот,
Который нежно пред тобою,
Осмелясь, о любви поет;
В стихах и прозою на сцене
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвечать,
Не смея молвить об измене;
Блажен, кто может роль забыть
На сцене с миленькой актрисой,
Жать руку ей, надеясь быть
Еще блаженней за кулисой!

ВОСПОМИНАНИЕ.

(К ПУЩИНУ).

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом, пенистом вине?

Как, укрывшись молчаливо
В нашем темном уголке,
С Вакхом нежились лениво,
Школьной стражи вдалеке?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье —
Пламя трубок грошевых?

Закипев, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали...

И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно —
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.

Убегаем торопливо —
Вмиг исчез минутный страх!
Щек румяных цвет игривый,
Ум и сердце на устах,

Хохот чистого веселья,
Неподвижный, тусклый взор
Изменяли час похмелья,
Сладкой Вакха заговор.

О друзья мои сердечны!
Вам клянуся, за столом
Всякой год в часы беспечны
Поминать его вином.

ПОСЛАНИЕ К ГАЛИЧУ.

Где ты, ленивец мой?
Любовник наслажденья!
Ужель уединенья
Не мил тебе покой?
Ужели мне с тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать
И больше не видать
Парнасского бродяги?
На Пинде мой сосед,
И ты от Муз укрылся,
Минутный домосед,
С пенатами простился!
Уж темный уголок
И садик опустели,
Где мы под вечерок
За рюмками шумели;
Где Ком нас угощал
Форелью, пирогами,
И пенистый бокал
Нам Бахус подавал.
Бегут за днями дни
Без дружеских собраний;
Веселых пирований
Веселые сыны
С тобой разлучены;
И шумные беседы,
И долгие обеды
Не столь оживлены.
Один в каморке тесной
Вечерней тишиной
Хочу, мудрец любезный,
Беседовать с тобой.
Уж темна ночь объемлет
Брега спокойных вод;
Мурлыча, в келье дремлет
Спесивый, старый кот.
Покамест сон прелестный,
Под сенью тихих крил,
В обители безвестной

Меня не усыпил,
Морфея в ожиданьи,
В постеле я лежу
И беглое посланье
Без строгого старанья
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Где Фебовы сестрицы
Мне с негой вьют досуг,
Скажи — среди столицы
Чем занят ты, мой друг?
Ужель приют поэта
Теперь средь вихря света,
Вдали родных полей
И ближних, и друзей?
Ужель в театре шумном,
Где дюжий Аполлон
Партером полуумным
Прославлен, оглушен,
Измученный напевом
Бессмысленных стихов,
Ты спишь под страшным ревом
Актеров и смычков?
Или, мудрец придворный,
С улыбкою притворной
Пред лентою цветной
Поникнув головой,
С вертушкою слепой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столом
В куплете заказном
Трусливо величаешь?..
Нет, добрый Галич мой!
Поклону ты не сроден.
Друг мудрости прямой
Правдив и благороден;
Он любит тишину;
Судьбе своей послушный,
На барскую казну
Взирает равнодушно,
Рублям откупщика
Смеясь веселым часом,
Не снимет колпака
Философ пред Мидасом.
Пускай не дружен он
С Фортуною коварной,
Но Вакхом награжден
Философ благодарный,
Когда сей бог младой
Вечернею порой
Лафит и грог янтарный
С улыбкой на устах
В стекле ему подносит
И каплю выпить просит.

Качаясь на ногах.
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведет,
И дружба молодая
Венки ему плетет.
И счастлив он, признаться,
На деле, не в мечтах,
Когда минуты мчатся
Веселья на крылах;
Когда друзья-поэты
С утра до ночи с ним
Шумят, поют куплеты,
Пьют *мозель* разогретый,
Приятелям своим
Послания читают
И трубку разжигают
Безрифминым лихим!..

Оставь же город скучный,
С друзьями съединись
И с ними неразлучно
В пустыне уживись.
Беги, беги столицы,
О Галич мой, сюда!
Здесь розовой денницы
Не видя никогда,
Ленясь под одеялом,
С Тибурским мудрецом
Мы часто за бокалом
Проснемся — и заснем.
Смотри: тебе в награду
Наш Дельвиг, наш поэт,
Несет свою балладу,
И стансы винограду,
И к лилии куплет.
И полон становится
Твой малый, тесный дом;
Вот с милым остряком
Наш песельник тащится
По лестнице с гудком,
И все к тебе нагрянем —
И снова каждый день
Стихами, прозой станем
Мы гнать печали тень.
Подруги молодые
Нас будут посещать;
Нам жизни дни златые
Не страшно расточать.
Поделимся с забавой
Мы веком остальным,
С волшебницею-славой
И с Вакхом молодым.

МОЯ ЭПИТАФИЯ.

Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый век,
Не делал доброго, однакож был душою,
Ей богу, добрый человек.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Последним сияньем за лесом горя,
Вечерняя тихо потухла заря,
Безмолвна долина глухая;
В тумане пустынном клубится река,
Ленивой грядою идут облака,
Меж ими луна золотая.

Чугунные латы на холме лежат,
Копье раздробленно, в перчатке булат,
И щит под шеломом заржавым,
Вонзилися шпоры в увлаженный мох: —
Лежат неподвижно, и месяца рог
Над ними в блистаньи кровавом.

Вкруг холма обходит друг сильного — конь;
В очах горделивых померкнул огонь —
Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень долин —
И смотрит на латы — конь верный один,
И дико трепещет, и стонет.

Во тьме заблудившись, пришелец идет,
С надеждою робость он в сердце несет —
Склонясь над дорожной клюкою,
На холм он взобрался, и в тусклую даль
Он смотрит, и сходит — и звонкую сталь
Толкает усталой ногою.

Хладеет пришелец — кольчуги звучат.
Погибшего грозно в них кости стучат,
По камням шелом покатился,
Скрывался в нем череп... при звуке глухом
Заржал конь ретивый — скок лётом на холм —
Взглянул... и главою склонился.

Уж путник далече в тьме бродит ночной,
Всё мнится, что кости хрустят под ногой...
Но утро денница выводит —
Сраженный во брани на холме лежит,
И латы недвижны, и шлем не стучит,
И конь вкруг погибшего ходит.

К ДЕЛЬВИГУ.

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник:
Жилец полей пустынных,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою,
И я главой поник
Пред милою мечтою;
Мой дядюшка-поэт
На то мне дал совет
И с музами сосватал.
Сначала я шалил,
Шутя стихи кроил,
А там их напечатал,
И вот теперь я брат
Бестолкову пустому,
Тому, сему, другому,
Да я ж и виноват!

Спасибо за посланье —
Но что мне пользы в том?
На грешника потом
Ведь станут в посмеянье
Указывать перстом! —
Изменник! с Аполлоном
Ты, видно, заодно;
А мне прослыть Прадоном
Отныне суждено.
Везде беды застану!
Увы, мне, метроману,
Куда сокроюсь я?
Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой в город шлют
И плод уединенья
Тисненью предают,—
Бумагу убивают!
Поэта окружают
С улыбкой остряки.
«Ах, сударь! мне сказали,
Вы пишете стишки;

Увидеть их не льзя ли?
Вы в них изображали,
Конечно, ручейки,
Конечно, василечик,
Иль тихой ветерочик,
И рощи, и цветки....»

О Дельвиг! начертали
Мне Музы мой удел;
Но ты ль мои печали
Умножить захотел?
В объятиях Морфея
Беспечный дух лелея,
Еще хоть год один
Позволь мне полениться
И негой насладиться,—
Я, право, неги сын!
А там, хоть нет охоты,
Но придут уж заботы
Со всех ко мне сторон:
И буду принужден
С журналами сражаться,
С газетой торговаться,
С Графовым восхищаться...
Помилуй, Аполлон!

РОЗА.

Где наша роза?
Друзья мои!
Увяла роза,
Дитя зари!...
Не говори:
Вот жизни младость,
Не повтори:
Так вянет радость,
В душе скажи:
Прости! жалею.....
И на лилею
Нам укажи.

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗ ПАРИЖА В 1815 ГОДУ.

Утихла брань племен; в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир,
На землю мрачную нисходит светлый Мир.
Свершилось!.. Русской царь, достиг ты славной цели!
Вотще надменные на родину летели;
Вотще впреди знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполин
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!
Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою,
Он землю русскую не взвидел под собою.—
Бежит... и мести гром слетел ему во след;
И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!

Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
В восторге пламенном летели вслед отца
И смертью роковой горели и дрожали;
И россы пред врагом твердыней грозной стали!...

«К мечам!» раздался клик, и вихрем понеслись;
Знамены, восшумев, по ветру развились;
Обнялся с братом брат; и милым дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились. Воспылал свободы ярый бой,
И смерть хватала их холодною рукой!...
А я.... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!....
Сыны Бородина, о Кульмские герои!

Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

О, сколь величествен, бессмертный, ты явился,
Когда на сильного с сынами устремился;
И, челы приподняв из мрачности гробов,
Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепию с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.... Ужели грозный пал?....
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?...»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукой,
И власть мятежная исчезла пред тобой!

И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный взгляд —
Все лица радостью, любовию блестят.
Внемли — повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По стогнам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!
Встречать вождя побед летят твои дружины.
Старик, счастливый век забыв Екатерины,
Взирает на тебя с безмолвною слезой.
Ты наш, о русской царь! оставь же шлем стальной
И грозный меч войны, и щит — ограду нашу;
Излей пред Янусом священну мира чашу,
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной!...
И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изощренный;
Суда летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан,
И юные сыны воинственных славян
Спокойной праздности с досадой предадутся,
И молча некогда вкруг старца соберутся,
Преклонят жадный слух, и ветхим костылем
И стан, и ратный строй, и дальний бор с холмом
На прахе начертит он медленно пред ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Им славу прошлых лет в рассказах оживит
И доброго царя в слезах благословит.

Итак я счастлив был, итак я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался лётом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкруг меня угрюмой скуки тень!...

СЛЕЗА.

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел,
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

«Скажи, что смотришь на дорогу? —
Мой храбрый вопросил.—
Еще по ней ты, слава богу,
Друзей не проводил».

К груди поникнув головою,
Я скоро прошептал:
«Гусар! уж нет ее со мною!...» —
Вздохнул — и замолчал.

Слеза повисла на реснице
И канула в бокал.—
«Дитя! ты плачешь о девице,
Стыдись!» — он закричал.

«Оставь, гусар... ох! сердцу больно.
Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,
Чтоб отравить бокал!....»

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

К БАР. М. А. ДЕЛЬВИГ.

Вам восемь лет, а мне семнадцать било.
И я считал когда-то восемь лет;
Они прошли.— В судьбе своей унылой,
Бог знает как, я ныне стал поэт.
Не возвратить уже того, что было,
Уже я стар, мне незнакома ложь:
Так верьте мне — мы спасены лишь верой.
Послушайте: Амур, как вы, хорош;
Амур дитя, Амур на вас похож —
В мои лета вы будете Венерой.
Но если только буду жив,
Всевышней благостью Зевеса,
И столько же красноречив —
Я напишу вам, баронесса,
В латинском вкусе мадригал,
Чудесный, вовсе без искусства —
Не много истинных похвал,
Но много истинного чувства.
Скажу я: «Ради ваших глаз,
О баронесса! ради балов,
Когда мы все глядим на вас,
Взгляните на меня хоть раз
В награду прежних мадригалов».
Когда ж Амур и Гименей
В прелестной Марии моей
Поздравят молодую даму —
Удастся ль мне под старость дней
Вам посвятить эпиталаму?

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

Помилуй, трезвый Аристарх
Моих бахических посланий,
Не осуждай моих мечтаний
И чувства в ветренных стихах:
Плоды веселого досуга,
Не для бессмертья рождены,
Но разве так сбережены
Для самого себя, для друга,
Или для Хлои молодой.
Помилуй, сжалься надо мной —
Не нужны мне твои уроки.
Я знаю сам свои пороки.
Конечно беден гений мой:
За рифмой часто холостой,
На зло законам сочетанья,
Бегут трестопные толпой
На *аю, ает* и на *ой*.—
Еще немногие признанья:
Я ставлю (кто же без греха?)
Пустые часто восклицанья,
И сряду лишних три стиха;
Нехорошо, но оправданья
Не льзя ли скромно принести?
Мои летучие посланья
В потомстве будут ли цвести?
Не думай, цензор мой угрюмый,
Что я, беснуясь по ночам,
Окован стихотворной думой,
Покоем жертвую стихам;
Что, бегая по всем углам,
Ерошу волосы клоками,
Подобно Фебовым жрецам
Сверкаю грозными очами,
Едва дыша, нахмуря взор,
И засветив свою лампаду,
За шаткой стол, кряхтя, засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу — трестопный вздор...
Так пишет (молвить не в укор)
Конюший дряхлого Пегаса

Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель отставной Парнасса,
Родитель старых стихов,
И од не слишком громозвучных,
И сказочек довольно скучных.

Люблю я праздность и покой,
И мне досуг совсем не бремя;
И есть и пить найду я время.
Когда ж нечаянной порой
Стихи кропать найдет охота,
На славу Дружбы иль Эрота,—
Тотчас я труд окончу свой.
Сижу ли с добрыми друзьями,
Лежу ль в постеле пуховой,
Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой,
Задумаюсь — взмахну руками,
На рифмах вдруг заговорю —
И никого уж не морю
Моими резвыми стихами...
Но ежели когда-нибудь,
Желая в неге отдохнуть,
Расположась перед камином,
Один, свободным господином,
Поймаю прежню мысль мою,—
То не для имени поэта
Мараю два иль три куплета,
И их вполголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Как я беседую с тобой?
Беспечный Пинда посетитель,
Я с Музой нежусь молодой...
Уж утра яркое светило
Поля и рощи озарило;
Давно пропели петухи;
В полглаза дремля — и зевая,
Шапеля в песнях призывая,
Пишу короткие стихи,
Среди приятного забвенья
Склонясь в подушку головой,
И в простоте, без украшенья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.
Под сенью лени неизвестной
Так нежился певец прелестный,
Когда Вер-Вера воспевал,
Или с улыбкой рисовал
В непринужденном упоеньи
Уединенный свой чердак.
В таком ленивом положеньи
Стихи текут и так и сяк.
Возможно ли в свое творенье,

Уняв веселых мыслей шум,
Тогда вперять холодный ум,
Отделкой портить небылицы,
Плоды бродящих резвых дум,
И сокращать свои страницы? —

Анакреон, Шолье, Парни,
Враги труда, забот, печали,
Не так, бывало, в прежни дни
Своих любовниц воспевали.
О вы, любезные певцы,
Сыны беспечности ленивой,
Давно вам отданы венцы
От музы праздности счастливой,
Но не блестящие дары
Поэзии трудолюбивой.
На верьх Фессальския горы
Вели вас тайные извивы;
Веселых Граций перст игривый
Младые лиры оживлял,
И ваши челы обвивал
Детей Пафосских рой шутливый.
И я — неопытный поэт —
Небрежный ваших рифм наследник,
За вами крадуся вослед...
А ты, мой скучный проповедник,
Умерь ученый вкуса гнев!
Поди, кричи, брани другого
И брось ленивца молодого,
Об нем тихонько пожалев.

ТЕНЬ ФОН-ВИЗИНА.

В раю, за грустным Ахероном,
Зевая в рощице густой,
Творец, любимый Аполлоном,
Увидеть вздумал мир земной.
То был писатель знаменитый,
Известный русской весельчак,
Насмешник, лаврами повитый,
Денис, невежде бич и страх.
«Позволь на время удалиться,—
Владыке ада молвил он,—
Постыл мне мрачный Флегетон,
И к людям хочется явиться».
«Ступай!» в ответ ему Плутон;
И видит он перед собою:
В ладье с мелькающей толпою
Гребет наморщенный Харон
Челнок ко брегу; с подорожной
Герой поплыл в ладье порожной
И вот — выходит к нам на свет.
Добро пожаловать, поэт!

Мертвец в России очутился,
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременился.
Всё идет той же чередой;
Всё так же люди лицемерят,
Всё те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят,
Как прежде все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя,
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;
Всё столько ж трусов и нахалов,

Рублевых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.

Вздохнул Денис: «О боже, боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой Петрушка:
Весь свет бездельная игрушка,
И нет в игрушке перемен.
Но где же братии-поэты,
Мои парнасские клевреты,
Питомцы Граций молодых? —
Желал бы очень видеть их».
Небес оставя светлы сени,
С крылатой шапкой на бекрене,
Богов посланник молодой
Слетает вдруг к нему стрелой.
«Пойдем,— сказал Эрмий поэту,—
Я здесь твоим проводником,
Сам Феб меня просил о том;
С тобой успеем до рассвету
Певцов российских посетить,
Иных — лозами наградить,
Других — венком увить свирели».
Сказал, взвились и полетели.

Уже сокрылся ясный день,
Уже густела мрачна тень,
Уж вечер к ночи уклонялся,
Мелькал в окошки лунный свет,
И всяк, кто только не поэт,
Морфею сладко предавался.
Эрмий с веселым мертвецом
Влетели на чердак высокой;
Там Кропов в тишине глубокой
С бумагой, склянкой и пером
Сидел в раздумьи за столом
На стуле ветхом и треногом
И площадным, раздутым слогом
На наши смертные грехи
Ковал и прозу и стихи.—
«Кто он?» — «Издатель «Демокрита»!
Издатель право пресмешной,
Не жаждет лавров он пиита,
Лишь был бы только пьян порой.
Стихи читать его хоть тяжко,
А проза, ох! горька для всех;
Но что ж? смеяться над бедняжкой,
Ей богу, братец, страшный грех;
Не лучше ли чердак оставить,
И далее полет направить
К певцам российским записным?» —
«Быть так, Меркурий, полетим».

И оба путника пустились
И в две минуты опустились
Хвостову прямо в кабинет.
Он не спал; добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,
Как божий мученик кряхтел,
Чертил, вычеркивал, потел,
Чтоб стать посмешищем народу.
Сидит; перо в его зубах,
На ленте Анненской табак,
Повсюду разлиты чернилы,
Сопит себе Хвостов унылый.
«Ба! в полночь кто катит ко мне?
Не брежу, полно ль, я во сне!
Что сталось с бедной головою!
Фон-Визин! ты ль передо мною?
Помилуй! ты... конечно он!»
— «Я, точно я, меня Плутон
Из мрачного теней жилища
С почетным членом адских сил
Сюда на время отпустил.
Хвостов! старинный мой дружище!
Скажи, как время ты ведешь?
Здорово ль, весело ль живешь?»
— «Увы! несчастному поэту,—
Нахмурясь отвечал Хвостов,—
Давно ни в чем удачи нету.
Скажу тебе без дальних слов:
По мне с парнасского задору
Хоть удавись — так в ту же пору.
Что я хорош, в том клясться рад,
Пишу, пою на всякой лад,
Хвалили гений мой в газетах,
В «Аспазии» боготворят.
А всё последний я в поэтах,
Меня бранит и стар и млад,
Читать стихов моих не хочут,
Куда ни сунусь, всюду свист —
Мне враг последний журналист,
Мальчишки надо мной хохочут.
Анастасевич лишь один,
Мой верный крестник, чтец и сын,
Своею прозой уверяет,
Что истукан мой увенчает
Потомство лавровым венцом.
Никто не думает о том.
Но я — поставлю на своем.
Пускай мой перукмахер снова
Завьет у бедного Хвостова
Его поэмой заказной
Волос остаток уж седой.
Геройской воружась отвагой,
И жизнь я кончу над бумагой
И буду в аде век писать

И притчи дьяволам читать».
Денис на то пожал плечами;
Курьер богов захохотал
И, над свечей взмахнув крылами,
Во тьме с Фон-Визиным пропал.
Хвостов не слишком изумился,
Спокойно свечку засветил —
Вздохнул, зевнул, перекрестился,
Свой труд доканчивать пустился,
По утру оду смастерил,
И ею город усыпил.

Меж тем поклон отдав Хвостову,
Творец, списавший Простакову,
Три ночи в мрачных чердаках
В больших и малых городах
Пугал российских стиходеев.
В своем *боскете* князь Шальной,
Краса писателей-Морфеев,
Сидел за книжкой записной,
Рисуя в ней цветки, кусточки,
И, движа вздохами листочки,
Мочил их нежною слезой;
Когда же призрак столь чудесный
Очам влюбленного предстал,
За платье ухватясь любезной,
О страх! он в обморок упал.
И ты Славяно-Росс надутый,
О Безглагольник пресловутый,
И ты едва не побледнел,
Как будто от Шишкова взгляда;
Из рук упала *Петриада,*
И дикой взор оцепенел.
И ты, попами воскормленный,
Дьячком псалтире обученный,
Ужасный критикам старик!
Ты видел тени грозный лик,
Твоя невинная другиня,
Уже поблекший цвет певиц,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страхом пала ниц.
И ежемесячный вздыхатель,
Что в свет бесстыдно издает
Кокетки старой кабинет,
Безграмотный школяр-писатель,
Был строгой тенью посещен;
Не спас ребенка Купидон;
Блюститель чести муз усердный
Его журил немилосердно
И уши выдрал бедняка;
Страшна Фон-Визина рука!

«Довольно! нет во мне охоты,—
Сказал он,— у худых писцов

Лишь время тратить; от зевоты
Я снова умереть готов;
Но где певец Екатерины?»
— «На берегах поет Невы».—
«Итак стигийския долины
Еще не видел он?» — «Увы!» —
«Увы? скажи, что значит это?»
— «Денис! полнощный лавр отцвел,
Прошла весна, прошло и лето,
Огонь поэта охладел;
Ты всё увидишь сам собою;
Слетим к певцу под сединою
На час послушать старика».
Они летят, и в три мига
Среди разубранной светлицы
Увидели певца Фелицы.
Почтенный старец их узнал.
Фон-Визин тотчас рассказал
Свои в том мире похожденья.
«Так ты здесь в виде привиденья?... —
Сказал Державин, — очень рад;
Прими мои благословенья.....
Брысь, кошка!.. сядь, усопший брат;
Какая тихая погода!.....
Но кстати вот на славу ода, —
Послушай, братец» — и старик,
Покашляв, почесав парик,
Пустился петь свое творенье,
Статей библейских преложенье;
То был из гимнов гимн прямой.
Чета бесплотных в удивленьи
Внимала молча песнопенье,
Поникнув долу головой:

«Открылась тайн священных дверь!...
Из бездн исходит Луцифер,
Смиренный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!...
Благословен господь наш бог!».....

«Ого! — насмешник мой воскликнул, —
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров;
Что сделалось с тобой, Державин?
И ты судьбой Невтону равен,
Ты бог — ты червь, ты свет — ты ночь...
Пойдем, Меркурий, сердцу больно;

Пойдем — бешуся я невольно».
И мигом отлетел он прочь.

«Какое чудное явленье!»
Фон-Визин спутнику сказал.
— «Оставь пустое удивленье, —
Эрмий с усмешкой отвечал. —
На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме россов
Татарин бритый возгремел,
И гневом Пиндар Холмогора,
И тайной завистью горел.
Но Феб услышал глас укора,
Его спокоить захотел,
И спотыкнулся мой Державин
Апокалипсис преложить —
Денис! он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?»

«Пора домой, — вещал Эрмию
Ужасный рифмачам мертвец, —
Оставим наскоро Россию;
Бродить устал я наконец».
Но вдруг близь мельницы стучащей,
Средь рощи сумрачной, густой,
На берегу реки шумящей
Шалаш является простой:
К калитке узкая дорога;
В окно склонился древний клен,
И Фальконетов Купидон
Грозит с усмешкой у порога.
«Конечно, здесь живет певец, —
Сказал обрадуясь мертвец, —
Взойдем!» Взошли и что ж узрели?
В приятной неге, на постеле
Певец Пенатов молодой
С венчанной розами главой,
Едва прикрытый одеялом
С прелестной Лилою дремал
И подрумяненный фиалом
В забвеньи сладостном шептал. —
Фон-Визин смотрит изумленный.
«Знакомый вид; но кто же он?
Уж не Парни ли несравненный,
Иль Клейст? иль сам Анакреон?»
«Он стоит их, — сказал Меркурий, —
Эрата, Грации, Амуры
Венчали миртами его,
И Феб цевницею златою
Почтил любимца своего;
Но лени связанный уздою,
Он только пьет, смеется, спит
И с Лилой нежится младою,

Забыв совсем, что он пиит». —
«Так я же разбужу повесу,»
Сказал Фон-Визин рассердясь
И в миг отдернул занавесу.
Певец, услыша вещий глас,
С досадой весь в пуху проснулся,
Лениво руки протянул,
На свет насилу проглянул,
Потом в сторонку обернулся
И снова крепким сном заснул.
Что делать нашему герою?
Повеся нос, итти к покою
И только про себя ворчать.
Я слышал, будто бы с досады
Бранил он русских без пощады
И вот изволил что сказать:
«Когда Хвостов трудиться станет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет,
И дело не пойдет на лад».

ГРОБ АНАКРЕОНА.

Всё в таинственном молчаньи,
Холм оделся темнотой,
Ходит в облачном сияньи
Полумесяц молодой.
Темных миртов занавеса
Наклонилася к водам;
В их сени, у входа леса,
Чью гробницу вижу там?
Розы юные алеют
Камня древнего кругом,
И Зефиры их не смеют
Свеять трепетным крылом.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине,
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, други! в вечном мире
Здесь Теосской спит мудрец.
Посмотрите: на гробнице
Сын отрад изображен.
Здесь на ветреной цевнице
Резвый наш Анакреон,
Красотой очарованный,
Нежно гимны ей поет,
Виноградом увенчанный,
В чашу сок его лиет.
Здесь он в зеркало глядится,
Говоря: «Я сед и стар;
Жизнью дайте ж насладиться —
Жизнь, увы! не вечный дар!..»
Здесь, на лиру кинув длани
И нахмуря важно бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь.—
Здесь готовится природе
Тяжкой долг он заплатить;
Старый пляшет в хороводе,

Жажду просит утолить;
Вкруг философа седого
Девы пляшут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
Вот и музы, и хариты
В гроб любимца увели,
Плющем, розами повиты,
Игры, смехи вслед ушли;
Он исчез, как наслажденье,
Как невнятный вздох любви.
Смертный! век твой — сновиденье:
Счастье резвое лови,
Наслаждайся! наслаждайся!
Чаще кубок наливай,
Страстью нежной утомляйся,
А за чашей отдыхай.

ПОСЛАНИЕ К ЮДИНУ.

Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья, цели
И тихой глас простой свирели
С улыбкой дружества внимать.
Но можно ль резвости поэту,
Невольнику мечты младой,
В картине быстрой и живой
Изобразить в порядке свету
Всё то, что в юности златой
Воображение мне кажет?

Теперь, когда в покое лень,
Укрыв меня в пустынну сень,
Своею цепью чувства вяжет,
И век мой тих, как ясный день,
Пустого неги украшенья
Не видя в хижине моей,
Смотрю с улыбкой сожаленья
На пышность бедных богачей
И, счастливый самим собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю *завтра*, ни *вчера*,
Доволен скромною Судьбою
И думаю: «К чему певцам
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирные пустые вазы,
Драгие куклы по углам?
К чему им сукны Альбиона
И пышные чехлы Лиона
На модных креслах и столах,
И ложе шалевое в спальней?
Не лучше ли в деревне дальней,
Или в смиренном городке,
Вдали столиц, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке,
С которым роскошь незнакома,
Где можно в праздник отдохнуть!»
О, если бы когда-нибудь
Сбылись поэта сновиденья!

Ужель отрад уединенья
Ему вкушать не суждено?
Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополы шумят —
Туда зарею поспешаю
С смиренным заступом в руках,
В лугах тропинку извиваю,
Тюльпан и розу поливаю —
И счастлив в утренних трудах;
Вот здесь под дубом наклоненным,
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружен мечтах.
Вблизи ручей шумит и скачет,
И мчится в влажных берегах,
И светлый ток с досадой прячет
В соседних рощах и лугах. —
Но вот уж полдень. — В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерьти лежит.
Соседи шумною толпою
Взошли, прервали тишину,
Садятся; чаш внимаем звону:
Все хвалят Вакха и Помону
И с ними красную весну...

Вот кабинет уединенный,
Где я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивых красот,
Вдали нахмуренных забот
И той волшебницы лукавой,
Которая весь мир вертит,
В трубу немолчную гремит,
И — помнится — зовется Славой —
Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и младой...
Вот мой камин — под вечер темный,
Осенней бурною порой,
Люблю под сению укромной
Пред ним задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать,
Или в минуту вдохновенья

Небрежно стансы намарать
И жечь потом свои творенья...
Вот здесь... но быстро привиденья,
Родясь в волшебном фонаре,
На белом полотне мелькают;
Мечты находят, исчезают,
Как тень на утренней заре. —
Меж тем, как в келье молчаливой
Во плен отдался я мечтам,
Рукой беспечной и ленивой
Разбросив рифмы здесь и там,
Я слышу топот, слышу ржанье. —
Блеснув узорным чепраком,
В блестящем ментии сияньи
Гусар промчался под окном...
И где вы, мирные картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты,
Огни во стане догорают;
Меж них, окутанный плащом,
С седым, усатым казаком
Лежу — вдали штыки сверкают,
Лихие ржут, бразды кусают,
Да изредка грохочет гром,
Летя с высокого раската...
Трепещет бранью грудь моя,
При блеске бранного булата,
Огнем пылает взор, — и я
Лечу на гибель супостата. —
Мой конь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком —
С размаха сыплются удары.
О вы, отеческие Лары,
Спасите юношу в боях!
Там свищет саблей он зубчатой,
Там кивер зыблется пернатый;
С черкесской буркой на плечах,
И молча преклонясь ко гриве,
Он мчит стрелой по скользкой ниве,
С цыгаррой дымною в зубах...

Но лаврами побед увиты,
Бойцы из чаши мира пьют.
Военной славою забытый,
Спешу в смиренный свой приют;
Нашед на поле битв и чести
Одни болезни, костыли,
На век оставил саблю мести...
Уж вижу в сумрачной дали
Мой тесный домик, рощи темны,
Калитку, садик, ближний пруд,
И снова я, философ скромный,
Укрылся в милый мне приют

И, мир забыв и им забвенный,
Покой души вкушаю вновь...

Скажи, о сердцу друг бесценный,
Мечта ль и дружба и любовь?
Доселе в резвости беспечной
Брели по розам дни мои;
В невинной ясности сердечной
Не знал мучений я любви,
Но быстро день за днем умчался;
Где ж детства ранние следы?
Прелестный возраст миновался,
Увяли первые цветы!
Уж сердце в радости не бьется
При милом виде мотылька,
Что в воздухе кружит и вьется
С дыханьем тихим ветерка,
И в беспокойстве непонятном
Пылаю, тлею, кровь горит,
И всё языком, сердцу внятным,
О нежной страсти говорит...
Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая <Сушкова>?
Везде со мною образ твой,
Везде со мною призрак милый:
Во тьме полуночи унылой,
В часы денницы золотой.
То на конце аллеи темной
Вечерней, тихою порой,
Одну, в задумчивости томной,
Тебя я вижу пред собой,
Твой шалью стан не покровенный,
Твой взор, на груди потупленный,
В щеках любви стыдливый цвет.
Всё тихо; брежжет лунный свет;
Нахмурясь топол шевелится,
Уж сумрак тусклой пеленой
На холмы дальние ложится,
И завес рощицы струится
Над тихо-спящею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты в рощице со мною,
На костыли мои склонясь,
Стоишь под ивою густою,
И ветер сумраков, резвясь,
На снежну грудь прохладой дует,
Играет локоном власов
И ногу стройную рисует
Сквозь белоснежный твой покров...
То часом полночи глубоким,
Пред теремом твоим высоким,
Угрюмой зимнею порой,

Я жду красавицу драгую —
Готовы сани; мрак густой;
Всё спит, один лишь я тоскую,
Зову часов ленивый бой...
И шорох чудится глухой,
И вот уж шопот слышу сладкой, —
С крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша; идет украдкой,
И дева друга обняла.
Помчались кони, вдаль пустились,
По ветру гривы распустились,
Несутся в снежной глубине,
Прижалась робко ты ко мне,
Чуть-чуть дыша; мы обомлели,
В восторгах чувства онемели...
Но что! мечтанья отлетели!
Увы! я счастлив был во сне...

В отрадной музам тишине
Простыми звуками свирели,
Мой друг, я для тебя воспел
Мечту, младых певцов удел.
Питомец Муз и вдохновенья,
Стремясь Фантазии вослед,
Находит в сердце наслажденья
И на пути грозящих бед.
Минуты счастья золотые
Пускай мне Клофо не совьет:
В мечтах все радости земные!
Судьбы всемощнее поэт.

К ЖИВОПИСЦУ.

Дитя Харит и вображенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;

Красу невинности небесной,
Надежды робкия черты,
Улыбку душеньки прелестной
И взоры самой красоты.

Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно воздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

1816

Заутра с свечкой грошевою
Явлюсь пред образом святым:
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косою:
Сазонов был моим слугою,
А Пешель — лекарем моим.

УСЫ.

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА.

Глаза скосив на ус кудрявый,
Гусар с улыбкой величавой
На палец завитки мотал;
Мудрец с обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохом усачу сказал:

7 «Гусар! всё тленно под луною;
Как волны следом за волною,
Проходят царства и века.
Скажи, где стены Вавилона?
Где драмы тощие Клеона?
Умчала всё времен река.

13 За уши ус твой закрученный,
Вином и ромом окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знает бритвы; выписною
Он вечно лоснится сурьмою,
Расправлен гребнем и рукой.—

19 Чтобы не смять уса лихого,
Ты к ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь,
В подушку носом лечь не смеешь,
И в крепком сне его лелеешь,
И утром вновь его завьешь.—

25 На долгих ужинах веселых,
В кругу гусаров поседелых
И черноусых удальцов,
Веселый гость, любовник пылкий,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавиц и усов.

31 Сраженья страшный час настанет,
В ряды ядро со треском грянет;
А ты, над ухарским седлом,

Рассудка, памяти не тратишь:
Сперва кудрявый ус ухватишь,
А саблю верную потом.

37 Окованный волшебной силой,
Наедине с красоткой милой
Ты маешься — одной рукой,
В восторгах неги сладострастной,
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный ус крутишь другой.

43 Гордись, гусар! но помни вечно,
Что всё на свете скоротечно —
Летят губительны часы,
Румяны щеки пожелтеют,
И черны кудри поседеют,
И старость выщиплет усы».

<ИЗ ПИСЬМА К КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.>

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи,
Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельской дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже... стадо с пастухом!
Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом,
И над славенскими глупцами
Смеется русскими стихами;
Блажен, кто шумную Москву
Для хижинки не покидает...
И не во сне, а на яву
Свою любовницу ласкает!..

<ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ПУШКИНУ.>

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтоб в наши грешны времена
Воскресла предков добродетель;
Чтобы Шихматовым на зло
Воскреснул новый Буало —
Расколов, глупости свидетель;
А с ним побольше серебра
И золота et caetera.

Но да не будет воскресенья
Усопшей прозы и стихов.
Да не воскреснут от забвенья
Покойный господин Бобров,
Хвалы газетчика достойный,
И Николев, поэт покойный,
И беспокойный граф Хвостов,
И все, которые на свете
Писали слишком мудрено,
То есть, и хладно и темно,
Что очень стыдно и грешно!

ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно битвы мчался гром,
Тупился меч окровавленный,
И смерть погибельным крылом
Шумела грозно над вселенной!

Свершилось... взорами царей
Европы твердый мир основан;
Оковы свергнувший злодей
Могущей бранью снова скован.

Узрел он в пламени Москву —
И был низвержен ужас мира,
Покрыло падшего главу
Благословенного порфира.

И мглой повлекся окружен;
Притек, и с буйной вдруг изменой
Уж воздвигал свой шаткой трон...
И пал отторжен от вселенной.

Утихло всё.— Не мчится гром,
Не блещет меч окровавленный,
И брань погибельным крылом
Не мчится грозно над вселенной.

Хвала, о юноша герой!
С героем дивным Альбиона
Он верных вел в последний бой
И мстил за лилии Бурбона.

Пред ним мятежных гром гремел,
Текли во след щиты кровавы;
Грозой он в бранной мгле летел
И разливал блистанье славы.

Его текла младая кровь,
На нем сияет язва чести:
Венчай, венчай его, любовь!
Достойный был он воин мести.

СОН.

(ОТРЫВОК).

Пускай Поэт с кадильницей наемной
Гоняется за счастьем и молвой,
Мне страшен свет, проходит век мой темный
В безвестности, заглохшею тропой.
Пускай певцы гремящими хвалами
Полубогам бессмертие дают,
Мой голос тих, и звучными струнами
Не оглашу безмолвия приют.
Пускай любовь Овидии поют,
Мне не дает покоя Цитерея,
Счастливых дней Амуры мне не вьют:
Я сон пою, бесценный дар Морфея —
И научу, как должно в тишине
Покоиться в приятном, крепком сне.

Приди, о Лень! приди в мою пустыню.
Тебя зовут прохлада и покой;
В одной тебе я зрю свою богиню;
Готово всё для гостьи молодой.
Всё тихо здесь — докучный шум укрылся
За мой порог; на светлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И в темный ниш, где сумрак воцарился,
Чуть крадется неверный свет дневной.
Вот мой диван. Приди ж в обитель мира;
Царицей будь, я пленник ныне твой.
Всё, всё твое: вот краски, кисть и Лира,—
Учи меня, води моей рукой.

А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли
Конечно сон спокойный предпочли,
О мудрецы! дивиться вам умея,
Для вас одних я ныне трон Морфея
Поэзии цветами обовью,
Для вас одних блаженство воспою.
Внемлите же с улыбкой снисхожденья
Моим стихам, урокам наслажденья.

В назначенный природой неги час
Хотите ли забыться каждый раз
В ночной тиши, средь общего молчанья,
В объятиях игривого мечтанья?
Спешите же под сельской мирный кров,
Там можно жить и праздно и беспечно,
Там прямо рай; но прочь от городов,
Где крик и шум ленивцев мучит вечно.
Согласен я: в них можно целый день
С прелестницей ловить веселья тень;
В платок зевать, блистая в модном свете;
На бале в ночь вертеться на паркете,
Но можно ли вкушать отраду снов?
Настала тень,— уснуть лишь я готов,
Обманутый призраками ночными,
И вот уже, при свете фонарей,
На бешеной четверке лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится *Спесь* под окнами моими.
Я дремлю вновь, вновь улица дрожит —
На скучный бал *Рассеянье* летит....
О боже мой! ужели здесь ложатся,
Чтобы всю ночь бессонницей терзаться?
Еще стучат, а там уже светло,
И где мой сон? не лучше ли в село?
Там рощица листочков трепетаньем,
В лугу поток таинственным журчаньем,
Златых полей, долины тишина:
В деревне всё к томленью клонит сна.
О сладкой сон, ничем не возмущенный!
Один петух, зарею пробужденный,
Свой резкой крик подымет, может быть;
Опасен он — он может разбудить.
Итак, пускай, в сералях удаленны,
Султаны кур гордятся заключенны
Иль поселян сзывают на поля:
Мы спать хотим, любезные друзья.
Стократ блажен, кто может сном забыться
Вдали столиц, карет и петухов!
Но сладостью веселой ночи снов
Не думайте вы даром насладиться
Средь мирных сёл, без всякого труда.
Что ж надобно? — Движенье, господа!

Похвальна лень, но есть всему пределы.
Смотрите: Клит, в подушках поседелый,
Размученный, изнеженный, больной,
Весь век сидит с подагрой и тоской.
Наступит день; несчастный, задыхаясь,
Кряхтя, ползет с постели на диван;
Весь день сидит; когда ж ночной туман
Подернет свет, во мраке расстилаясь,
С дивана Клит к постеле поползет.
И как же ночь несчастный проведет?

В покойном сне, в приятном сновиденье?
Нет! сон ему не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроет томны очи,
И медленной проходят чередой
Для бедного часы угрюмой ночи.
Я не хочу, как общий друг Бершу,
Предписывать вам тяжкие движенья:
Упрямый плуг, охоты наслажденья.
Нет, в рощи я ленивца приглашу:
Друзья мои, как утро здесь прекрасно!
В тиши полей, сквозь тайну сень дубрав,
Как юный день сияет гордо, ясно!
Светлеет всё; друг друга перегнав,
Журчат ручьи, блестят брега безмолвны;
Еще роса над свежей муравой;
Златых озер недвижно дремлют волны.
Друзья мои! возьмите посох свой,
Идите в лес, бродите по долине,
Крутых холмов устаньте на вершине,
И в долгу ночь глубок ваш будет сон.

Как только тень оденет небосклон,
Пускай войдет отрада жизни нашей,
Веселья бог с широкой, полной чашей,
И царствуй, Вакх, со всем двором своим.
Умеренно пируйте, други, с ним:
Стакана три шипящими волнами
Румяных вин налейте вы полней;
Но толстый Ком с надутыми щеками,
Не приходи стучаться у дверей.
Я рад ему, но только за обедом,
И дружески я в полдень уберу
Его дары; но, право, ввечеру
Гораздо я дружней с его соседом.
Не ужинать — святой тому закон,
Кому всего дороже легкий сон.
Брегитесь вы, о дети мудрой лени!
Обманчивой успокоенья тени.
Не спите днем: о горе, горе вам,
Когда дремать привыкли по часам!
Что ваш покой? бесчувствие глубоко.
Сон истинный от вас уже далёко.
Не знаете веселой вы мечты;
Ваш целый век — несносное томленье,
И скучен сон, и скучно пробужденье,
И дни текут средь вечной темноты.

Но ежели в глуши, близ водопада,
Что под горой клокочет и кипит,
Прелестный сон, усталости награда,
При шуме волн на дикой брег слетит,
Покроет взор туманной пеленою,
Обнимет вас, и тихою рукою

На мягкой мох преклонит, осенит:
О! сладостно близ шумных вод забвенье.
Пусть долее продлится ваш покой,
Завидно мне счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вам порой
Дня зимнего, при позднем, тихом свете,
Сидеть одним, без свечки в кабинете:
Всё тихо вкруг; березы больше нет;
Час-от-часу темнеет окон свет;
На потолке какой-то призрак бродит;
Бледнеет угль, и синеватый дым,
Как легкий пар, в трубу виясь уходит;
И вот, жезлом невидимым своим
Морфей на всё неверный мрак наводит.
Темнеет взор; «Кандид» из ваших рук,
Закрывшися, упал в колени вдруг;
Вздохнули вы; рука на стол валится,
И голова с плеча на грудь катится,
Вы дремлете! над вами мира кров:
Нежданный сон приятней многих снов!

Душевных мук волшебный исцелитель,
Мой друг Морфей, мой давный утешитель!
Тебе всегда я жертвовать любил,
И ты жреца давно благословил:
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный неги час,
Когда, в углу под вечер притаясь,
Я призывал и ждал тебя в покое...
Я сам не рад болтливости своей,
Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шопотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало,—
Всё в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал — и тихо наконец
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;

В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

Но вы прошли, о ночи безмятежны!
И юности уж возраст наступил...
Подайте мне Альбана кисти нежны,
И я мечту младой любви вкусил.
И где ж она? Восторгами родилась,
И в тот же миг восторгом истребилась.
Проснулся я; ищу на небе день,
Но всё молчит; луна во тьме сокрылась,
И вкруг меня глубокой ночи тень.
Но сон мой тих! беспечный сын Парнаса
В ночной тиши я с рифмою не бьюсь,
Не вижу ввек ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый двор каких-то старых муз.

Я не герой, по лаврам не тоскую;
Спокойствием и негой не торгую,
Не чудится мне ночью грозный бой;
Я не богач — и лаем пес привратный
Не возмущал мечты моей приятной;
Я не злодей, с волненьем и тоской
Не зрю во сне кровавых приведений,
Убийственных детей предрассуждений,
И в поздний час ужасный бледный *Страх*
Не хмурится угрюмо в головах.

КЖ. В. М. ВОЛКОНСКОЙ.

On peut très bien. mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon,
Mais pour une grâce, — oh, mon Dieu, non.

ЭКСПРОМПТ НА АГАРЕВУ.

В молчаньи пред тобой сижу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того уж верно не скажу,
Что говорит воображенье.

ОКНО.

Недавно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видел — дева у окна
Одна задумчиво сидела,
Дышала в тайном страхе грудь,
Она с волнением глядела
На темный под холмами путь.

Я здесь! — шепнули торопливо.
И дева трепетной рукой
Окно открыла боязливо.....
Луна покрылась темнотой.—
«Счастливец! — молвил я с тоскою:
Тебя веселье ждет одно.
Когда ж вечернею порою
И мне откроется окно?»

К ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэт!... В тиши Парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени:
Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.
Страшусь, неопытный, бесславного паденья,
Но пылкого смирить не в силах я влеченья,
Не грозный приговор на гибель внемлю я:
Сокрытого в веках священный судия, *
Страж верный прошлых лет, наперсник Муз любимый
И бледной зависти предмет неколебимый
Приветливым меня вниманьем ободрил;
И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил;
И славный старец наш, царей певец избранный,**
Крылатым Гением и Грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, незнаемое мной.
И ты, природою на песни обреченный!
Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?
Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струей —
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела,—
Нет, нет! решился я — без страха в трудный путь.
Отважной верою исполнилася грудь.
Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья!....
Вы цель мне кажете в туманах отдаленья,
Лечу к *безвестному* отважною мечтой,
И, мнится, Гений ваш промчался надо мной!

Но что? Под грозною Парнасскою скалою
Какое зрелище открылось предо мною?
В ужасной темноте пещерной глубины
Вражды и Зависти угрюмые сыны,
Возвышенных творцов Зоилы записные
Сидят — Бессмыслицы дружины боевые.
Далеко диких лир несется резкой вой,
Варяжские стихи визжит Варягов строй.

---

* Карамзин.
** Державин.

Смех общий им ответ; над мрачными толпами
Во мгле два призрака склонилися главами.
Один на груды сел и прозы и стихов —
Тяжелые плоды полунощных трудов,
Усопших од, поэм забвенные могилы!
С улыбкой внемлет вой стопосложитель хилый:
Пред ним растерзанный стенает Тилимах;
Железное перо скрыпит в его перстах
И тянет за собой Гекзаметры сухие,
Спондеи жесткие и Дактилы тугие.
Ретивой Музою прославленный певец,
Гордись — ты Мевия надутый образец!
Но кто другой, в дыму безумного куренья,
Стоит среди толпы друзей непросвещенья?
Торжественной хвалы к нему несется шум:
А он — он рифмою попрал и Вкус и Ум;
Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом
И с Пинда сброшенный и проклятый Расином?
Ему ли, карлику, тягаться с исполином?
Ему ль оспоривать тот лавровый венец,
В котором возблистал бессмертный наш певец,
Веселье россиян, полунощное диво?*.....
Нет! в тихой Лете он потонет молчаливо,
Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?
Страшилась Грация цинической свирели,
И персты грубые на лире костенели.
Пусть будет Мевием в речах превознесен —
Явится Депрео, исчезнет Шапелен.

И что ж? всегда смешным останется смешное;
Невежду пестует Невежество слепое.
Оно сокрыло их во мрачный свой приют;
Там прозу и стихи отважно все куют,
Там все враги Наук, все глухи — лишь не немы,
Те слогом Никона печатают поэмы,
Одни славянских од громады громоздят,
Другие в бешеных Трагедиях хрипят,
Тот, верный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зевающую Музу,
Бессмертных Гениев сорвать с Парнасса мнит.
Рука содрогнулась, удар его скользит,
Вотще бросается с завистливым кинжалом,
Куплетом ранен он, низвержен в прах Журналом,—
При свистах Критики к собратьям он бежит....
И маковый венец Феспису ими свит.
Все, руку положив на том «Тилимахиды»,
Клянутся отомстить сотрудников обиды,
Волнуясь восстают неистовой толпой.

* Ломоносов.

Беда, кто в свет рожден с *чувствительной* душой!
Кто тайно мог пленить красавиц нежной лирой,
Кто смело просвистал шутливою сатирой,
Кто выражается правдивым языком,
И русской Глупости не хочет бить челом!.....
Он враг Отечества, он сеятель разврата!
И речи сыплются дождем на сопостата.

И вы восстаньте же, Парнасские жрецы,
Природой и трудом воспитанны певцы
В счастливой ереси и Вкуса и Ученья,
Разите дерзостных друзей Непросвещенья.
Отмститель Гения, друг истинны, поэт!
Лиющая с небес и жизнь и вечный свет,
Стрелою гибели десница Аполлона
Сражает наконец ужасного Пифона.
Смотрите: поражен враждебными стрелами,
С потухшим факелом, с недвижными крылами
К вам Озерова дух взывает: други! месть!..
Вам оскорбленный вкус, вам Знанья дали весть —
Летите на врагов: и Феб и Музы с вами!
Разите варваров кровавыми стихами;
Невежество, смирясь, потупит хладный взор,
Спесивых риторов безграмотный собор....

Но вижу: возвещать нам истинны опасно,
Уж Мевий на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговор талантам возгремел.
Гонения терпеть ужель и мой удел?
Что нужды? смело *в даль*, дорогою прямою,
Ученью руку дав, поддержанный тобою,
Их злобы не страшусь; мне твердый Карамзин,
Мне ты пример. Что крик безумных сих дружин?
Пускай беседуют отверженные Феба;
Им прозы, ни стихов не послан дар от неба.
Их слава — им же стыд; творенья — смех уму;
И в тьме возникшие низвергнутся во тьму.

ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с образом любовницы драгой
Последнее слетело сновиденье.
С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, блистает бледный день —
А вкруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее.... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной;
Я звал ее — и глас уединенный
Пустых долин позвал ее в дали.
К ручью пришел, мечтами привлеченный;
Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них образ незабвенный.—
Уж нет ее!... До сладостной весны
Простился я с блаженством и с душою. —
Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых;
Там день и ночь кружится желтый лист,
Стоит туман на волнах охладелых,
И слышится мгновенный ветра свист.
Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели моей тоски, забавы!
Забыты вы.... до сладостной весны!

РАЗЛУКА.

Когда пробил последний счастью час,
Когда в слезах над бездной я проснулся,
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся —
Да! помню всё; я сердцем ужаснулся,
Но заглушал несносную печаль;
Я говорил: «Не вечная разлука
Все радости уносит ныне в даль.
Забудемся, в мечтах потонет мука;
Уныние, губительная скука
Пустынника приют не посетят;
Мою печаль усладой Муза встретит;
Утешусь я — и дружбы тихой взгляд
Души моей холодный мрак осветит».

Как мало я любовь и сердце знал!
Часы идут, за ними дни проходят,
Но горестям отрады не приводят
И не несут забвения фиал.
О милая, повсюду ты со мною:
Но я уныл и в тайне я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною —
Я всё тебя, прелестный друг, ищу;
Засну ли я, лишь о тебе мечтаю, —
Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голос слышен мне.
Рассеянный сижу между друзьями,
Невнятен мне их шумный разговор,
Гляжу на них недвижными глазами,
Не узнает уж их мой хладный взор!

И ты со мной, о Лира, приуныла,
Наперсница души моей больной! —
Твоей струны печален звон глухой,
И лишь любви ты голос не забыла!....
О верная, грусти, грусти со мной,
Пускай твои небрежные напевы
Изобразят уныние мое,
И, слушая брящание твое,
Пускай вздохнут задумчивые девы.

ИСТИННА.

Издавна мудрые искали
Забытых Истинны следов
И долго, долго толковали
Давнишни толки стариков.
Твердили: «Истинна нагая
В колодез убралась тайком»,
И, дружно воду выпивая,
Кричали: «Здесь ее найдем!»

Но кто-то, смертных благодетель
(И чуть ли не старик Силен),
Их важной глупости свидетель,
Водой и криком утомлен,
Оставил невидимку нашу,
Подумал первый о вине
И, осушив до капли чашу,
Увидел Истинну на дне.

НА ПУЧКОВУ.

Зачем кричишь ты, что ты *дева*
На каждом девственном стихе?
О, вижу я, певица Эва,
Хлопочешь ты о женихе.

ДЯДЕ, НАЗВАВШЕМУ СОЧИНИТЕЛЯ БРАТОМ.

Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм бахических — шатаясь на Пегасе —
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет — вы мне совсем не брат;
Вы дядя мне и на Парнасе.

НАЕЗДНИКИ.

Глубокой ночи на полях
Давно лежали покрывала,
И слабо в бледных облаках
Звезда пустынная сияла.
При умирающих огнях,
В неверной темноте тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченных высотах.
Всё спит; лишь волн мятежный ропот
Разносится в тиши ночной,
Да слышен из дали глухой
Булата звон и конской топот.—
Толпа наездников младых
В дубраве едет молчаливой,
Дрожат и пышут кони их,
Главой трясут нетерпеливой.
Уж полем всадники спешат,
Дубравы кров покинув зыбкой,
Коней ласкают и смирят
И с гордой шепчутся улыбкой.—
Их лица радостью горят,
Огнем пылают гневны очи;
Лишь ты, воинственный поэт,
Уныл, как сумрак полуночи,
И бледен, как осенний свет.
С главою, мрачно преклоненной,
С укрытой горестью в груди,
Печальной думой увлеченный,
Он едет молча впереди.—

«Певец угрюмый, что с тобою?
Один пред боем ты уныл;
Поник бесстрашною главою,
Бразды и саблю опустил!
Ужель, невольник праздной неги,
Отрадней мир душе твоей,
Чем наши бурные набеги
И ночью бранный стук мечей?—
Стезя войны пускай опасна,
Завиден гордый наш удел.

Тебе ли ныне смерть ужасна?
Ты ввек средь боев не бледнел.
Тебя мы зрели под мечами
С спокойным, дерзостным челом,
Всегда меж первыми рядами,
Всё там, где битвы падал гром.
С победным съединяясь кликом,
Твой голос нашу славу пел —
А ныне ты в уныньи диком,
Как беглый ратник, онемел».—

Но медленно певец печальный
Главу и взоры приподнял,
Взглянул угрюмо в сумрак дальный
И вздохом грудь поколебал.

«Глубокой сон в долине бранной;
Одни мы мчимся в тьме ночной,
Предчувствую конец желанный!
Меня зовет последний бой!
Расторгну цепь судьбы жестокой,
Влечу я с братьями в огонь,
Влечу грозой! — и одинокой
В долину выбежит мой конь.

О вы, которым здесь со мною
Предел могильный положен,
Скажите: милая слезою
Ваш усладит ли долгой сон?
Но для меня никто не дышит,
Меня настигнет тишина...
Эльвина смерти весть услышит
И втайне не вздохнет она.—

А вы, хранимые Судьбами
Для счастья жизненных отрад,
Пускай любовницы слезами
Благословится ваш возврат!
За чашей сладкого спасенья,
О братья! вспомните певца,
Его любовь, его мученья
И славу грозного конца!»

ЭЛЕГИЯ.

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда робкая лелеет;
Кого луны туманный луч
Ведет в полночи сладострастной;
Кому тихонько верный ключ
Отворит дверь его прекрасной!

9 Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
Услышу старости угрозы,
Но я, любовью позабыт,
Моей любви забуду ль слезы!

МЕСЯЦ.

Зачем из облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки, сквозь окна,
Сиянье тусклое наводишь?
Явленьем пасмурным своим
Ты будишь грустные мечтанья,
Любви напрасные страданья
И гордым разумом моим
Чуть усыпленные желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Уж не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сиянье
Твоих таинственных лучей
Сквозь темный ясень проницало,
И бледно, бледно озаряло
Красу любовницы моей.
Что вы, восторги сладострастья,
Пред тайной прелестью отрад
Прямой любви, прямого счастья?
Примчатся ль радости назад?
Почто, минуты, вы летели
Тогда столь быстрой чередой?
И тени легкие редели
Пред неожиданной зарей?
Зачем ты, месяц, укатился
И в небе светлом утонул?
Зачем луч утренний блеснул?
Зачем я с милою простился?

ПЕВЕЦ.

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой —
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Прискорбную ль улыбку замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,—
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихой глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз —
Вздохнули ль вы?

К СНУ.

Знакомец милый и старинный,
О сон, хранитель добрый мой!
Где ты? Под кровлею пустынной
Мне ложе стелет уж покой
В безмолвной тишине ночной.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови,
До утра только дай отраду
Моей мучительной любви.
Сокрой от памяти унылой
Разлуки грустный приговор,
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла,
И ты мои покинешь очи,—
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи.

СЛОВО МИЛОЙ.

Я Лилу слушал у клавира;
Ее прелестный, томный глас
Волшебной грустью нежит нас,
Как ночью веянье Зефира.
Упали слезы из очей,
И я сказал певице милой:
«Волшебен голос твой унылый,
Но слово милыя моей
Волшебней нежных песен Лилы».

Любовь одна — веселье жизни хладной,
Любовь одна — мучение сердец.
Она дарит один лишь миг отрадный,
А горестям не виден и конец.
Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на-лету;
Кто к радостям и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту!

Но кто любви не жертвовал собою?
Вы, чувствами свободные певцы!
Пред милыми смирялись вы душою,
Вы пели страсть — и гордою рукою
Красавицам несли свои венцы.
Слепой Амур, жестокий и пристрастный,
Вам терния и мирты раздавал;
С Пермесскими царицами согласный,
Иным из вас на радость указал;
Других навек печалями связал
И в дар послал огонь любви несчастной.

Наследники Тибулла и Парни!
Вы знаете бесценной жизни сладость;
Как утра луч, сияют ваши дни.
Певцы любви! младую пойте радость,
Склонив уста к пылающим устам,
В объятиях любовниц умирайте;
Стихи любви тихонько воздыхайте!...
Завидовать уже не смею вам.

Певцы любви! вы ведали печали,
И ваши дни по терниям текли;
Вы свой конец с волненьем призывали;
Пришел конец, и в жизненной дали
Не зрели вы минутную забаву;
Но, не нашед блаженства ваших дней,
Вы встретили по крайней мере славу,
И мукою бессмертны вы своей!

Не тот удел судьбою мне назначен:
Под сумрачным навесом облаков,

В глуши долин, в печальной тьме лесов,
Один, один брожу уныл и мрачен.
В вечерний час над озером седым
В тоске, слезах, нередко я стенаю;
Но ропот волн стенаниям моим
И шум дубрав в ответ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сон,
Поэзии зажжется ль упоенье,—
Родится жар, и тихо стынет он:
Бесплодное проходит вдохновенье.
Пускай она прославится другим,
Один люблю,— он любит и любим!..
Люблю, люблю!.. но к ней уж не коснется
Страдальца глас; она не улыбнется
Его стихам небрежным и простым.
К чему мне петь? под кленом полевым
Оставил я пустынному зефиру
Уж навсегда покинутую лиру,
И слабый дар как легкий скрылся дым.

ЭЛЕГИЯ.

Я видел смерть; она в молчаньи села
У мирного порогу моего;
Я видел гроб; открылась дверь его;
Душа, померкнув, охладела...
Покину скоро я друзей,
И жизни горестной моей
Никто следов уж не приметит;
Последний взор моих очей
Луча бессмертия не встретит,
И погасающий светильник юных дней
Ничтожества спокойный мрак осветит.
. . . .
Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала —
Где вера тихая меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!

Прости, светило дня, прости, небес завеса,
Немая ночи мгла, денницы сладкий час,
Знакомые холмы, ручья пустынный глас,
Безмолвие таинственного леса,
И всё. . . . прости в последний раз.

А ты, которая была мне в мире богом,
Предметом тайных слез и горестей залогом,
Прости! минуло всё..... Уж гаснет пламень мой,
Схожу я в хладную могилу,
И смерти сумрак роковой
С мученьями любви покроет жизнь унылу.

А вы, друзья, когда лишенный сил,
Едва дыша, в болезненном бореньи,
Скажу я вам: «О други! я любил!...»
И тихой дух умрет в изнеможеньи,
Друзья мои,— тогда подите к ней;
Скажите: взят он вечной тьмою...
И, может быть, об участи моей
Она вздохнет над урной гробовою.

ЖЕЛАНИЕ.

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье —
Пускай умру, но пусть умру любя!

ДРУЗЬЯМ.

К чему, веселые друзья,
Мое тревожить вам молчанье?
Запев последнее прощанье,
Уж Муза смолкнула моя:
Напрасно лиру брал я в руки
Бряцать веселье на пирах
И на ослабленных струнах
Искал потерянные звуки.....
Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И на любовь устремлены
Огнем исполненные очи;
Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

ЭЛЕГИЯ.

Я думал, что любовь погасла навсегда,
Что в сердце злых страстей умолкнул глас мятежный,
Что дружбы наконец отрадная звезда
Страдальца довела до пристани надежной.
Я мнил покоиться близ верных берегов,
Уж издали смотреть, указывать рукою
На парус бедственный пловцов,
Носимых яростной грозою.
И я сказал: «Стократ блажен,
Чей век, свободный и прекрасный,
Как век весны промчался ясной
И страстью не был омрачен,
Кто не страдал в любви напрасной,
Кому неведом грустный плен.
Блажен! но я блаженней боле.
Я цепь мученья разорвал,
Опять я дружбе — я на воле —
И жизни сумрачное поле
Веселый блеск очаровал!»
Но что я говорил..... несчастный!
Минуту я заснул в неверной тишине,
Но мрачная любовь таилася во мне,
Не угасал мой пламень страстный.
Весельем позванный в толпу друзей моих,
Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!... я молчал; усталая рука
Лежала, томная, на лире непослушной,
Я всё еще горел — и в грусти равнодушной
На игры младости взирал из далека.
Любовь, отрава наших дней,
Беги с толпой обманчивых мечтаний.
Не сожигай души моей,
Огонь мучительных желаний.
Летите, призраки ..... Амур, уж я не твой,
Отдай мне радости, отдай мне мой покой...
Брось одного меня в бесчувственной природе,
Иль дай еще летать Надежды на крылах,
Позволь еще заснуть и в тягостных цепях
Мечтать о сладостной свободе.

НАСЛАЖДЕНЬЕ.

В неволе скучной увядает
Едва развитый жизни цвет,
Украдкой младость отлетает,
И след ее — печали след.
С минут бесчувственных рожденья
До нежных юношества лет
Я всё не знаю наслажденья,
И счастья в томном сердце нет.

9 С порога жизни в отдаленье
Нетерпеливо я смотрел:
«Там, там, — мечтал я, — наслажденье!»
Но я за призраком летел.
Златые крылья развивая,
Волшебной нежной красотой
Любовь явилась молодая
И полетела предо мной.

17 Я вслед.... но цели отдаленной,
Но цели милой не достиг!....
Когда ж весельем окриленный
Настанет счастья быстрый миг?
Когда в сияньи возгорится
Светильник тусклый юных дней
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

К МАШЕ.

Вчера мне Маша приказала
В куплеты рифмы набросать
И мне в награду обещала
Спасибо в прозе написать.

Спешу исполнить приказанье,
Года не смеют погодить:
Еще семь лет — и обещанье
Ты не исполнишь, может быть.

9 Вы чинно, молча, сложа руки,
В собраньях будете сидеть
И, жертвуя богине Скуки,
С воксала в маскерад лететь —

И уж не вспомните поэта!...
О Маша, Маша, поспеши —
И за четыре мне куплета
Мою награду напиши!

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК.

Кубок янтарный
Полон давно —
Пеною парной
Блещет вино;
Света дороже
Сердцу оно;
Ну! за кого же
Выпью вино?

Пейте за славу,
Славы друзья!
Браней забаву
Любит не я.
Это веселье
Не веселит,
Дружбы похмелье
Грома бежит.

Вы, Геликона
Давни жильцы!
За Аполлона
Пейте, певцы!
Резвой Камены
Ласки — беда;
Ток Иппокрены,
Други, вода.

Пейте за радость
Юной любви —
Скроется младость,
Дети мои...
Кубок янтарный
Полон давно.
Я — благодарный —
Пью за вино.

ПОСЛАНИЕ ЛИДЕ.

Тебе, наперсница Венеры,
Тебе, которой Купидон
И дети резвые Цитеры
Украсили цветами трон,
Которой нежные примеры,
Улыбка, взоры, нежный тон
Красноречивей, чем Вольтеры,
Нам проповедают закон
И Аристипов, и Глицеры, —
Тебе приветливый поклон,
Любви венок и лиры звон.
Презрев Платоновы химеры,
Твоей я святостью спасен,
И стал апостол мудрой веры
Анакреонов и Нинон:
Всего.... но лишь известной меры.—
Я вижу: хмурится Зенон,
И вся его седая свита:
И мудрый друг вина Катон,
И скучный раб Эпафродита,
Сенека, даже Цицерон
Кричат: «Ты лжешь, профан! мученье —
Прямое смертных наслажденье!»
Друзья, согласен: плач и стон
Стократ, конечно, лучше смеха;
Терпеть великая утеха;
Совет ваш вовсе не смешон:
Но мне он, слышите ль, не нужен,
За тем, что слишком он мудрен;
Дороже мне хороший ужин
Философов трех целых дюжин;
Я вами, право, не прельщен.—
Собор угрюмый рассержен.
Но пусть кричат на супостата,
Их спор — лишь времени утрата:
Кто их примером обольщен?
Люблю я доброго Сократа!
Он в мире жил, он был умен;
С своею важностью притворной
Любил пиры, театры, жен;

Он, между проччим, был влюблен
И у Аспазии в уборной
(Тому свидетель сам Платон),
Невольник робкий и покорный,
Вздыхал частехонько в хитон,
И ей с улыбкою придворной
Шептал: «Всё призрак, ложь и сон:
И мудрость, и народ, и Слава;
Что ж истинно? одна Забава,
Поверь: одна любовь не сон!»
Так ладан жег прекрасной он,
И ею..... бедная Ксантипа!
Твой муж, совместник Аристипа,
Бывал до неба вознесен.
Меж тем, на милых грозно лая,
Злой Циник, негу презирая,
Один всех радостей лишен,
Дышал от мира отлучен.
Но с бочкой странствуя пустою
Вослед за Мудростью слепою,
Пустой чудак был ослеплен;
И воду черпая рукою,
Не мог зачерпнуть счастья он.

АМУР И ГИМЕНЕЙ.

(СКАЗКА).

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вас новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слепого мальчика с повязкой?
Слепого?... вот помилуй, Феб!
Амур совсем, друзья, не слеп,
Но шалости — его забавы:
Ему хотелось — о лукавый! —
Чтоб, людям нá смех и на зло,
Его Дурачество вело.
Дурачество ведет Амура;
Но скоро богу моему
Наскучила богиня дура,
Не знаю верно почему.
Задумал новую затею:
Повязку с милых сняв очей,
Идет проказник к Гименею...
А что такое Гименей?
Он из Кипридиных детей,
Бедняжка, дряхлый и ленивый,
Холодный, грустный, молчаливый,
Ворчит и дремлет целый век,
И впрочем — добрый человек,
Да нрав имеет он ревнивый. —
От ревности печальный бог
Спокойно и заснуть не мог;
Всё трусил маленького брата,
За ним подсматривал тайком
И караулил сопостата,
Шатаясь вечно с фонарем.
Вот мальчик мой к нему подходит
И речь коварную заводит:
«Помилуй, братец Гименей!
Что это? Я стыжусь, любезный,
И нашей ссоры бесполезной,
И вечной трусости твоей:
Ну, помиримся, будь умней;
Забудем наш раздор постылый,

Но только навсегда — смотри!
Возьми ж повязку в память, милый,
А мне фонарь свой подари».
И что ж? Поверил бог унылый;
Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он силы
Обнову брату затянул.
С тех пор таинственные взоры
Не страшны больше красотам,
Не страшны грустные дозоры,
Ни пробужденья по ночам.
Спокоен он, но брат коварный,
Шутя над честью и над ним,
Войну ведет, неблагодарный,
С своим союзником слепым.
Лишь сон на смертных налетает,
Амур в молчании ночном
Фонарь любовнику вручает,
И сам счастливца провождает
К уснувшему супругу в дом;
Сам от беспечного Гимена
Он охраняет тайну дверь...
Пожалуйста, мой друг Елена,
Премудрой повести поверь!

ФИАЛ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье
Ходил я в древний Пафос,
Поверьте мне, я видел
В уборной у Венеры
Фиал Анакреона.
Он Вакхом был наполнен
Светлеющею влагой —
Кругом висели розы,
Зеленый плющ и мирты,
Сплетенные рукою
Царицы наслаждений.
На краюшке я видел
Коварного Амура —
Смотрел он пригорюнясь
На пенистую влагу.
«Что смотришь ты, проказник,
На пенистую влагу? —
Спросил я Купидона,—
Скажи, что так утихнул?
Иль хочется зачерпнуть
Тебе вина златого,
Да ручка не достанет?»
«Нет,— отвечал малютка,—
Резвясь, я в это море
Колчан, и лук, и стрелы
Все бросил не нарочно,
А плавать не умею:
Вон, вон на дне блистают;
Ох, жалко мне — послушай,
Достань мне их оттуда!»
«О, нет,— сказал я богу,—
Спасибо, что упали;
Пускай там остаются».

К ШИШКОВУ.

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь в владения свои,
В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой,
Где нежился Шолье с Мелецким и Парни?
Тебе, балованный питомец Аполлона,
С их пеньем соглашать игривую свирель:
Веселье резвое и Нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
И ныне, в юности прекрасной,
С тобою верные сопутницы твои.
Бряцай, о Трубадур, на арфе сладострастной
Мечтанье раннее любви,
Пой сердца юного кипящее желанье,
Красавицы твоей упорство, трепетанье,
Со груди сорванный завистливый покров,
Стыдливости последнее роптанье
И страсти торжество на ложе из цветов,—
Пой, в неге устремив на деву томны очи,
Ее волшебные красы,
В объятиях любви утраченные ночи —
Блаженства быстрые часы...
Мой друг, *она* — твоя, *она* твоя награда,
Таинственной любви бесценная отрада!
Дерзну ль тебя я воспевать,
Когда гнетет меня страданье,
Когда на каждое мечтанье
Унынье черную кладет свою печать.
Нет, нет! Друзей любить открытою душою,
В молчаньи чувствовать, пленяться красотою —
Вот жребий мой: ему я следовать готов,
Покорствую судьбам, но сжалься надо мною,
Не требуй от меня стихов.
Не вечно нежиться в прелестном ослепленьи,
Уж хладной истинны докучный вижу свет.
По доброте души я верил в упоеньи
Волшебнице-Мечте, шепнувшей: ты поэт,—
И, презря мудрости угрозы и советы,
С небрежной легкостью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, с веселыми друзьями

Бывало пел вино водяными стихами,
В дурных стихах дурных писателей бранил,
Иль Дружбе плел венок — и дружество зевало
И сонные стихи впросонках величало,
И даже,— каюсь я,— пустынник согрешил,—
Я первой пел любви невинное начало,
Но так таинственно, с таким разбором слов,
С такою скромностью стыдливой,
Что, не краснея боязливо,
Меня бы выслушал и девственный К<озлов>.
Но скрылись от меня парнасские забавы!..
Не долго был я усыплен,
Не долго снились мне мечтанья Муз и Славы:
Я строгим *опытом* невольно пробужден.
Уснув меж розами, на тернах я проснулся,
Увидел, что еше не гения печать —
Охота смертная на рифмах лепетать,
Сравнив стихи твои с моими, улыбнулся —
И полно мне писать.

ПРОБУЖДЕНИЕ.

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокой
Во тьме глубокой
Я пробужден!...
Кругом постели
Немая ночь;
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья;
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь!
Пусть упоенный,
Усну я вновь,
Обвороженный,
И поутру,
Вновь утомленный,
Пускай умру,
Непробужденный!...

1817

К КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои гусарские грехи.
Прослыть апостолом Зенонова ученья,
Быть может, хорошо — но ни тебе, ни мне.
Я знаю, что страстей волненья
И шалости, и заблужденья
Пристали наших дней блистательной весне.
Пускай умно, хотя неосторожно,
Дурачиться мы станем иногда —
Пока без лишнего стыда
Дурачиться нам будет можно.
Всему пора, всему свой миг,
Всё чередой идет определенной:
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Насытясь жизнию у юных дней в гостях,
Простимся навсегда с Веселием шумливым,
С Венерой пылкою, и с Вакхом прихотливым,
Вздохнем об них, как о друзьях,
И Старость удивим поклоном молчаливым.
Теперь в беспечности живи,
Люби друзей, храни об них воспоминанье,
Молись и Кому и Любви,
Минуту юности лови
И черни презирай ревнивое роптанье.
Она не ведает, что можно дружно жить
С стихами, с картами, с Платоном и с бокалом,
Что резвых шалостей под легким покрывалом
И ум возвышенный и сердце можно скрыть.

ЭЛЕГИЯ.

Опять я ваш, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.
Всё те же вы, но сердце уж не то же:
Уже не вы ему всего дороже,
Уж я не тот... невидимой стезей —
Ушла пора веселости беспечной,
Ушла навек, и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.—
Веселие рассталося с душой.
Отверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смех, и резвость, и покой —
Я всё забыл: печали молчаливой
Покров лежит над юною главой...
Напрасно вы беседою шутливой
И нежностью души красноречивой
Мой тяжкой сон хотите перервать,
Всё кончилось,— и резвости счастливой
В душе моей изгладилась печать.
Чтоб удалить угрюмые страданья,
Напрасно вы несете лиру мне:
Минувших дней погаснули мечтанья,
И умер глас в бесчувственной струне.
Перед собой одну печаль я вижу!
Мне страшен мир, мне скучен дневный свет;
Пойду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак — я радость ненавижу;
Во мне застыл ее минутный след.
Опали вы, листы вчерашней розы!
Не доцвели до месячных лучей.
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольно льются слезы,
И вяну я на темном утре дней.

О Дружество! предай меня забвенью;
В безмолвии покорствую судьбам,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустыням и слезам.

"К молодой вдове". Автограф 1817 г.
(Центрархив, Москва).

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ.

Лида, друг мой неизменный,
Почему сквозь легкой сон
Часто, негой утомленный,
Слышу я твой тихой стон?
Почему, в любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взор недвижный, боязливый
Устремляешь в темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморок любви,
Иногда я замечаю
Слезы тайные твои?
Ты рассеянно внимаешь
Речи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладен взор твоих очей...
О бесценная подруга!
Вечно ль слезы проливать,
Вечно ль мертвого супруга
Из могилы вызывать?
Верь мне: узников могилы
Там объемлет вечный сон;
Им не мил уж голос милый,
Не прискорбен скорби стон;
Не для них — весенни розы,
Сладость утра, шум пиров,
Откровенной дружбы слезы
И любовниц робкий зов...
Рано друг твой незабвенный
Вздохом смерти воздохнул
И блаженством упоенный
На груди твоей уснул.
Спит увенчанный счастливец;
Верь любви — невинны мы.
Нет, разгневанный ревнивец
Не придет из вечной тьмы;
Тихой ночью гром не грянет,
И завистливая тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

БЕЗВЕРИЕ.

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленье:
Имеет он права на ваше снисхожденье,
На слезы жалости; внемлите брата стон,
Несчастный не злодей, собою страждет он.
Кто в мире усладит души его мученья?
Увы! он первого лишился утешенья!
Взгляните на него — не там, где каждый день
Тщеславие на всех наводит ложну тень,
Но в тишине семьи, под кровлею родною,
В беседе с дружеством иль темною мечтою.
Найдите там его, где илистый ручей
Проходит медленно среди нагих полей;
Где сосен вековых таинственные сени,
Шумя, на влажный мох склонили вечны тени.
Взгляните — бродит он с увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой,
То грусти слезы льет, то слезы сожаленья.
Напрасно ищет он унынью развлеченья;
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вкруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет божества, а сердце не находит.

Настигнет ли его глухих Судеб удар,
Отъемлется ли вдруг минутный счастья дар,
В любви ли, в дружестве обнимет он измену
И их почувствует обманчивую цену:
Лишенный всех опор отпадший веры сын
Уж видит с ужасом, что в свете он один,
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира...

Несчастия, Страстей и Немощей сыны,
Мы все на страшный гроб родясь осуждены.
Всечасно бренных уз готово разрушенье;
Наш век — неверный день, всечасное волненье.
Когда, холодной тьмой объемля грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час,
Ужасно чувствовать слезы последней Муку —
И с миром начинать безвестную разлуку!
Тогда, беседуя с отвязанной душой,
О Вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь,
И ободренную с Надеждой отпускаешь...

Но, други! пережить ужаснее друзей!
Лишь Вера в тишине отрадою своей
Живит унывший дух и сердца ожиданье.
«Настанет! — говорит,— назначено свиданье!»

А он (слепой мудрец!), при гробе стонет он,
С усладой бытия несчастный разлучен,
Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает... нет ответа!

Видали ль вы его в безмолвных тех местах,
Где кровных и друзей священный тлеет прах?
Видали ль вы его над хладною могилой,
Где нежной Делии таится пепел милый?
К почившим позванный вечерней тишиной,
К кресту приникнул он бесчувственной главой,
Стенанья изредка глухие раздаются,
Он плачет — но не те потоки слез лиются,
Которы сладостны для страждущих очей
И сердцу дороги свободою своей;
Но слез отчаянья, но слез ожесточенья.
В молчаньи ужаса, в безумстве исступленья,
Дрожит, и между тем под сенью темных ив,
У гроба матери колена преклонив,
Там дева юная в печали безмятежной
Возводит к небу взор болезненный и нежный,
Одна, туманною луной озарена,
Как ангел горести является она;
Вздыхает медленно, могилу обнимает —
Всё тихо вкруг его, а, кажется, внимает.
Несчастный на нее в безмолвии глядит,
Качает головой, трепещет и бежит,
Спешит он далее, но вслед унынье бродит.

Во храм ли вышнего с толпой он молча входит,
Там умножает лишь тоску души своей.
При пышном торжестве старинных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,
Тревожится его безверия мученье.
Он бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.
«Счастливцы! — мыслит он,— почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном и строгом,
С одной лишь верою повергнуться пред богом!»

Напрасный сердца крик! нет, нет! не суждено
Ему блаженство знать! Безверие одно,
По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
Влечет несчастного до хладных врат могилы.
И что зовет его в пустыне гробовой —
Кто ведает? но там лишь видит он покой.

К ДЕЛЬВИГУ.

Блажен, кто с юных лет увидел пред собою
Извивы темные двухолмной высоты,
Кто жизни в тайный путь с невинною душою
Пустился пленником мечты!
Наперснику богов безвестны бури злые,
Над ним их промысел, безмолвною порой
Его баюкают Камены молодые
И с перстом на устах хранят певца покой.
Стыдливой Грации внимает он советы
И, чувствуя в груди огонь еще младой,
Восторженный поет на лире золотой.
О Дельвиг! счастливы поэты!

Мой друг, и я певец! и мой смиренный путь
В цветах украсила богиня песнопенья,
И мне в младую боги грудь
Влияли пламень вдохновенья.
В младенчестве моем я чувствовать умел,
Всё жизнью вкруг меня дышало,
Всё резвый ум обворожало.
И первую черту я быстро пролетел.
С какою тихою красою
Минуты детства протекли;
Хвала, о боги! вам, вы мошною рукою
От ярых гроз мирских невинность отвели.
Но всё прошло — и скрылись в темну даль
Свобода, радость, восхищенье;
Другим и юность наслажденье:
Она мне мрачная печаль!
Так рано зависти увидеть зрак кровавый
И низкой клеветы во мгле сокрытый яд.
Нет, нет! ни счастием, ни славой
Не буду ослеплен. Пускай они манят
На край погибели любимцев обольщенных.
Исчез священный жар!
Забвенью сладких песней дар
И голос струн одушевленных!
Во прах и лиру и венец!
Пускай не будут знать, что некогда певец,
Враждою, завистью на жертву обреченный,
Погиб на утре лет.
Как ранний на поляне цвет,
Косой безвременно сраженный.
И тихо проживу в безвестной тишине;
Потомство грозное не вспомнит обо мне,
И гроб несчастного, в пустыне мрачной, дикой,
Забвенья порастет ползущей повиликой!

СТАНСЫ.

(ИЗ ВОЛЬТЕРА).

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне протекши дни,
С моей вечернею зарею
Мое ты утро съедини!

Мой век невидимо проходит,
Из круга Смехов и Харит
Уж Время скрыться мне велит
И за руку меня выводит —

Не даст оно пощады нам.
Кто применяться не умеет
Своим изменчивым годам,
Тот их несчастья лишь имеет.

Счастливцам резвым, молодым
Оставим страсти заблужденья;
Живем мы в мире два мгновенья —
Одно рассудку отдадим.

Вы, услаждавшие печали
Минутной младости моей,
Любовь, мечтанья первых дней —
Ужель навек вы убежали?

Нам должно дважды умирать:
Проститься с сладостным мечтаньем —
Вот Смерть ужасная страданьем!
Что значит после не дышать?

На пасмурном моем закате,
Среди пустынной темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманов милыя мечты.

Тогда на голос мой унылый
Мне Дружба руку подала,
Она Любви подобна милой
В одной лишь нежности была.

Я ей принес увядши розы
Отрадных юношества дней,
И вслед пошел, но лил я слезы,
Что мог итти вослед лишь ей!

ПОСЛАНИЕ В. Л. ПУШКИНУ.

Скажи, парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник
Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?
Ужели тот, кто иногда
Жжет ладан Аполлону даром,
За честь не смеет без стыда
Жечь порох на войне с гусаром
И, если можно, города?
Беллона, Муза и Венера,
Вот, кажется, святая вера
Дней наших всякого певца.
Я шлюсь на русского Буфлера
И на Дениса храбреца,
Но не на Глинку офицера,
Довольно плоского певца;
Не нужно мне его примера...
Ты скажешь: «Перестань, болтун!
Будь человек, а не драгун;
Парады, караул, ученья —
Всё это оды не внушит,
А только душу иссушит,
И к Марину для награжденья,
Быть может, прямо за Коцит
Пошлют читать его творенья.
Послушай дяди, милый мой:
Ступай себе к слепой Фемиде
Иль к дипломатике косой!
Кропай, мой друг, посланья к Лиде,
Оставь военные грехи
И в сладостях успокоенья
Пиши сенатские решенья
И пятистопные стихи;
И не с гусарского корнета,—
Возьми пример с того поэта,
С того, которого рука
Нарисовала Ермака
В снегах незнаемого света,
И плен могучего Мегмета,
И мужа модного рога,

Который, милостию бога,
Министр и сладостный певец,
Был строгой чести образец,
Как образец он будет слога».
Всё так, почтенный дядя мой,
Почтен, кто глупости людской
Решит запутанные споры;
Умен, кто хитрости рукой
Переплетает меж собой
Дипломатические вздоры
И правит нашею судьбой.
Смешон, конечно, мирный воин,
И эпиграммы самой злой
В известных «Святках» он достоин.
Но что прелестней и живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней бранных дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав и нег и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В тибурских сумрачных лесах;
Не знают света принужденья,
Не ведают, что́ скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла.
Но вы, враги трудов и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вам на-ухо: вы правы,
И с вами соглашаюсь я!
Бог создал для себя природу,
Свой рай и счастие глупцам,
Злословие, мужчин и моду,
Конечно, для забавы дам,
Заботы знатному народу,
Дурачество для всех,— а нам
Уединенье и свободу!

ПИСЬМО К ЛИДЕ.

Лишь благосклонный мрак раскинет
Над нами тихой свой покров,
И время к полночи придвинет
Стрелу медлительных часов,
Когда не спит в тиши природы
Одна счастливая любовь:
Тогда моей темницы вновь
Покину я немые своды...
Летучих остальных минут
Мне слишком тягостна потеря —
Но скоро Аргусы заснут,
Замкам предательным поверя,
И я в обители твоей...
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смелым, трепетным рукам,
По воспаленному дыханью
И жарким, ласковым устам
Узнай любовника — настали
Восторги, радости мои!..
О Лида, если б умирали
С блаженства, неги и любви!

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встречаюсь я с осьмнадцатой весной.
В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимая шум дубравный,
Над озером иду рука с рукой.
Где вы, лета беспечности недавной?
С надеждами во цвете юных лет,
Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый, и славный, —
Моя стезя печальна и темна;
И нежная краса тебе дана,
И нравиться блестящий дар природы,
И быстрый ум, и верный, милый нрав;
Ты сотворен для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забав.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора.
Спеши любить и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастлив осторожно;
Амур велит: и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу венчай...
О, скольких слез, предвижу, ты виновник!
Измены друг и ветреный любовник,
Будь верен всем — пленяйся и пленяй.

А мой удел... но пасмурным туманом
Зачем же мне грядущее скрывать?
Увы! нельзя мне вечным жить обманом
И счастья тень, забывшись, обнимать.
Вся жизнь моя — печальный мрак ненастья.
Две-три весны, младенцем, может быть,
Я счастлив был, не понимая счастья;
Они прошли, но можно ль их забыть?
Они прошли, и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный навек, —
На краткий путь, усыпанный цветами,
Которым я так весело протек,

Я слезы лью, я трачу век напрасно,
Мучительным желанием горя.

Твоя заря — заря весны прекрасной;
Моя ж, мой друг, — осенняя заря.
Я знал любовь, но не знавал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.
Безумный сон покинул томны вежды,
Но мрачные я грезы не забыл.
Душа полна невольной, грустной думой;
Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на час — и одинок умру.
И не придет друг сердца незабвенный
В последний миг мой томный взор сомкнуть,
И не придет на холм уединенный
В последний раз с любовию вздохнуть!
Ужель моя пройдет пустынно младость?
Иль мне чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не ведая, чтó радость?
Зачем же жизнь дана мне от богов?
Чего мне ждать? В рядах забытый воин,
Среди толпы затерянный певец,
Каких наград я в будущем достóин
И счастия какой возьму венец?

Но что?.. Стыжусь!.. Нет, ропот — униженье.
Нет, праведно богов определенье!
Ужель лишь мне не ведать ясных дней?
Нет! и в слезах сокрыто наслажденье,
И в жизни сей мне будет утешенье:
Мой скромный дар и счастие друзей.

В АЛЬБОМ.

Пройдет любовь, умрут желанья;
Разлучит нас холодный свет;
Кто вспомнит тайные свиданья,
Мечты, восторги прежних лет?..
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им минутный след.

В АЛЬБОМ ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

Мой друг! неславный я поэт,
Хоть христианин православный.
Душа бессмертна, слова нет,
Моим стихам удел неравный —
И песни Музы своенравной,
Забавы резвых, юных лет,
Погибнут смертию забавной,
И нас не тронет здешний свет!

Ах! ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души моей
Бессмертие своих творений.

Не властны мы в судьбе своей,
По крайней мере, нет сомненья,
Сей плод небрежный вдохновенья,
Без подписи, в твоих руках
На скромных дружества листках
Уйдет от общего забвенья...
Но пусть напрасен будет труд,
Твоею дружбой оживленный —
Мои стихи пускай умрут —
Глас сердца, чувства неизменны
Наверно их переживут!

ТОВАРИЩАМ.

Промчались годы заточенья
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И Царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...
Равны мне писари, уланы,
Равны Законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассесора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока ленивому возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ БОЛЬНИЦЫ.

Вот здесь лежит больной студент;
Его судьба неумолима.
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима!

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ.

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На-время улети в лицейский уголок
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья...
Что было и не будет вновь...
И с тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой друг, она прошла... но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О милый, вечен он!

КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

В последний раз, в тиши уединенья,
Моим стихам внимает наш Пенат!
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья!
Итак, они прошли — лета соединенья; —
Итак, разорван он — наш братский верный круг!
Прости!... хранимый тайным небом,
Не разлучайся, милый друг,
С фортуной, дружеством и Фебом, —
Узнай любовь — неведомую мне —
Любовь надежд, восторгов, упоенья:
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости.... где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я!
И пусть.... (услышит ли Судьба мои молитвы?)
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

К ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

К ПИСЬМУ.

В нем радости мои; когда померкну я,
Пускай оно груди бесчувственной коснется:
    Быть может, милые друзья,
    Быть может сердце вновь забьется.

СНОВИДЕНИЕ.

Недавно, обольщен прелестным сновиденьем,
В венце сияющем, царем я зрел себя;
        Мечталось, я любил тебя —
        И сердце билось наслажденьем.
Я страсть у ног твоих в восторгах изъяснял.
Мечты! ах! отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
        Я только — царство потерял.

ОНА.

«Печален ты; признайся, что с тобой».
— Люблю, мой друг! — «Но кто ж тебя пленила?»
— Она. — «Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лила?»
— О, нет! — «Кому ж ты жертвуешь душой?»
— Ах! *ей!* — «Ты скромен, друг сердечный!
Но почему ж ты столько огорчен?
И кто виной? Супруг, отец, конечно...»
— Не то, мой друг! — «Но что ж?» — *Я ей* не *он.*

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

(1813—1817)

СТАРИК.

(ИЗ МАРОТА).

Уж я не тот Философ страстный,
Что прежде так любить умел,
Моя весна и лето красно
Ушли — за тридевять земель!
Амур, свет возраста златого!
Богов тебя всех боле чтил;
Ах! естьли б я родился снова,
Уж так ли бы тебе служил.

К ДЕЛИИ.

О Делия драгая!
Спеши, моя краса;
Звезда любви златая
Взошла на небеса;
Безмолвно месяц покатился;
Спеши, твой Аргус удалился,
И сон сомкнул его глаза.

Под сенью потаенной
Дубравной тишины,
Где ток уединенный
Сребристыя волны
Журчит с унылой Филомелой,
Готов приют любви веселый
И блеском освещен луны.

Накинут тени ночи
Покровы нам свои,
И дремлют сени рощи,
И быстро миг любви
Летит, — я весь горю желаньем,
Спеши, о Делия! свиданьем,
Спеши в объятия мои.

ДЕЛИЯ.

Ты ль передо мною,
Делия моя!
Разлучен с тобою —
Сколько плакал я!
Ты ль передо мною,
Или сон мечтою
Обольстил меня?

Ты узнала ль друга?
Он не то, что был;
Но тебя, подруга!
Всё ж не позабыл —
И твердит унылый:
«Я любим ли милой,
Как бывало был?»

Что теперь сравнится
С долею моей!
Вот слеза катится
По щеке твоей —
Делия стыдится?...
Что теперь сравнится
С долею моей!

ФАВН И ПАСТУШКА.

КАРТИНЫ.

I.

С пятнадцатой весною,
Как лилия с зарею,
Красавица цветет;
И томное дыханье,
И взоров томный свет,
И груди трепетанье,
И розы нежный цвет —
Всё юность изменяет.
Уж Лилу не пленяет
Веселый хоровод:
Одна у сонных вод,
В лесах она таится,
Вздыхает и томится,
И с нею там Эрот.
Когда же ночью темной
Ее в постеле скромной
Застанет тихий сон,
С волшебницей мечтою;
И тихою тоскою
Исполнит сердце он —
И Лила в сновиденьи
Вкушает наслажденье
И шепчет «О Филон!»

II.

Кто там, в пещере темной,
Вечернею порой,
Окован ленью томной
Покоится с тобой?
Итак, уж ты вкусила
Все радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волнение в крови,
И с трепетом, смятеньем,
С пылающим лицом,
Ты дышешь упоеньем
Амура под крылом.
О жертва страсти нежной,
В безмолвии гори!

Покойтесь безмятежно
До пламенной зари.
Для вас поток игривый
Угрюмой тьмой одет,
И месяц молчаливый
Туманный свет лиет;
Здесь розы наклонились
Над вами в темный кров;
И ветры притаились,
Где царствует любовь. . . .

III.

Но кто там, близ пещеры,
В густой траве лежит?
На жертвенник Венеры
С досадой он глядит;
Нагнулась меж цветами
Косматая нога;
Над грустными очами
Нависли два рога.
То Фавн, угрюмый житель
Лесов и гор крутых,
Докучливый гонитель
Пастушек молодых.
Любимца Купидона —
Прекрасного Филона
Давно соперник он....
В приюте сладострастья
Он слышит вздохи счастья
И неги томный стон.
В безмолвии несчастный
Страданья чашу пьет,
И в ревности напрасной
Горючи слезы льет.
Но вот ночей царица
Скатилась за леса,
И тихая денница
Румянит небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавн в дремучий бор
Бежит сокрыть печали
В ущельях диких гор.

IV.

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
«О, скоро ль, мрак ночной,
С прекрасною луной
Ты небом овладеешь?
О, скоро ль, темный лес,

В туманах засинеешь
На западе небес?»
Но шорох за кустами
Ей слышится глухой,
И вдруг — сверкнул очами
Пред нею бог лесной!
Как вешний ветерочек,
Летит она в лесочек;
Он гонится за ней.
И трепетная Лила
Все тайны обнажила
Младой красы своей;
И нежна грудь открылась
Лобзаньям ветерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая над травой,
Пастушка робко дышет;
И Фавна за собой
Всё ближе, ближе слышит.
Уж чувствует она
Огонь его дыханья...
Напрасны все старанья:
Ты Фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:
Река — ее могила...
Нет! Лила спасена.

V.

Эроты златокрылы
И нежный Купидон
На помощь юной Лилы
Летят со всех сторон;
Все бросили Цитеру,
И мирных сёл Венеру
По трепетным волнам
Несут они в пещеру —
Любви пустынный храм.
Счастливец был уж там.
И вот уже с Филоном
Веселье пьет она,
И страсти легким стоном
Прервалась тишина....
Спокойно дремлет Лила
На розах нег и сна,
И луч свой угасила
За облаком луна.

VI.

Поникнув головою,
Несчастный бог лесов

Один с вечерней тьмою
Бродил у берегов:
«Прости, любовь и радость! —
Со вздохом молвил он: —
В печали тратить младость
Я роком осужден!»
Вдруг из лесу румяный,
Шатаясь, перед ним
Сатир явился пьяный
С кувшином круговым;
Он смутными глазами
Пути домой искал
И козьими ногами
Едва переступал;
Шел, шел и натолкнулся
На Фавна моего,
Со смехом отшатнулся,
Склонился на него. . . .

«Ты ль это, брат любезный? —
Вскричал Сатир седой: —
В какой стране безвестной
Я встретился с тобой?»
«Ах! — молвил Фавн уныло: —
Завяли дни мои!
Всё, всё мне изменило,
Несчастен я в любви».
«Что слышу? От Амура
Ты страждешь и грустишь,
Малютку-бедокура
И ты боготворишь?
Возможно ль? Так забвенье
В кувшине почерпай,
И чашу в утешенье
Наполни через край!»
И пена засверкала
И на краях шипит,
И с первого фиала
Амур уже забыт.

VII.

Кто ж, дерзостный, владеет
Твоею красотой?
Неверная, кто смеет
Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать
И с Лилою прекрасной
В восторгах умирать?
Итак, ты изменила?
Красавица, пленяй,
Спеши любить, о Лила!
И снова изменяй.

VIII.

Прошли восторги, счастье,
Как с утром легкий сон;
Где тайны сладострастья?
Где нежный Палемон?
О Лила! вянут розы
Минутныя любви:
Познай же грусть и слезы,
И ныне терны рви.
В губительном стремленьи
За годом год летит,
И старость в отдаленьи
Красавице грозит.
Амур уже с поклоном
Расстался с красотой,
И вслед за Купидоном
Веселья скрылся рой.
В лесу пастушка бродит
Печальна и одна:
Кого же там находит?
Вдруг Фавна зрит она.
Философ козлоногий
Под липою лежал
И пенистый фиал,
Венком украсив роги,
Лениво осушал.
Хоть Фавн и не находка
Для Лилы прежних лет,
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сеть:
Подкралась, устремила
На Фавна томный взор
И, слышал я, клонила
К развязке разговор.
Но Фавн с улыбкой злою,
Напеня свой фиал,
Качая головою,
Красавице сказал:
«Нет, Лила! я в покое —
Других, мой друг, лови;
Есть время для любви,
Для мудрости — другое.
Бывало я тобой
В безумии пленялся,
Бывало восхищался
Коварной красотой,
И сердце, тлея страстью,
К тебе меня влекло.
Бывало.... но, по счастью,
Что было — то прошло».

ПОГРЕБ.

О сжальтесь надо мною,
Товарищи друзья!
Красоткой удалою
В конец измучен я.

Всечасно я тоскую,
Горька моя судьба,
Несите ж круговую,
Откройте погреба.

9 Там, там во льду хранится
Бутылок гордый строй,
И портера таится
Боченок выписной.

Нам Либер, заикаясь,
К нему покажет путь,—
Пойдемте все, шатаясь,
Под бочками заснуть!

17 В них сердца утешенье,
Награда для певцов,
И мук любви забвенье,
И жар моих стихов.

И останешься с вопросом
На брегу замерзлых вод:
«Мамзель Шредер с красным носом
Милых Вельо не ведет?»

От всенощной вечор идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранилась;
Антипьевна отменно горячилась.
«Постой, — кричит, — управлюсь я с тобой;
Ты думаешь, что я уж позабыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшкою шалила?
Постой, о всем узнает муженек!»
— Тебе ль грозить! — Марфушка отвечает:
Ванюша — что? Ведь он еще дитя;
А сват Трофим, который у тебя
И день, и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна,
А всякого словами разобидишь;
В чужой.... соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна.

Я сам в себе уверен,
Я умник из глупцов,
Я маленькой Каверин,
Лицейской Молоствов.

COUPLETS.

Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traîne sa phrase,
Quand on écoute un perroquet,
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

9 Mais tête-à-tête avec sa belle,
Ou bien avec des gens d'esprit,
Le vrai bonheur se renouvelle,
On est content, l'on chante, on rit.
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir
A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

17 Amis, la vie est un passage
Et tout s'écoule avec le temps,
L'amour aussi n'est qu'un volage,
Un oiseau de notre printemps;
Trop tôt il fuit, riant sous cape —
C'est pour toujours, adieu l'Espoir!
On ne dit pas dès qu'il s'échappe:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

25 Le temps s'enfuit triste et barbare
Et tôt ou tard on va *là-haut.*
Souvent — le cas n'est pas si rare —
Hasard nous sauve du tombeau.
Des maux s'éloignent les cohortes
Et le squelette horrible et noir
S'en va frappant à d'autres portes:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

33 Mais quoi? je sens que je me lasse
En lassant mes chers auditeurs,
Allons, je descends du Parnasse —
Il n'est pas fait pour les chanteurs,
Pour des couplets mon feu s'allume,
Sur un refrain j'ai du pouvoir,
C'est bien assez — adieu, ma plume!
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

ЭПИГРАММА

«Скажи, что нового». — Ни слова.
«Не знаешь ли, где, как и кто?»
— О братец, отвяжись — я знаю только то,
Что ты дурак... но это уж не ново.

«Больны вы, дядюшка? Нет мочи,
Как беспокоюсь я! три ночи,
Поверьте, глаз я не смыкал».—
«Да, слышал, слышал: в банк играл».

НАДПИСЬ К БЕСЕДКЕ.

С благоговейною душой
Приближься, путник молодой,
Любви к пустынному приюту.
Здесь ею счастлив был я раз —
В восторге пламенном погас,
И время самое для нас
Остановилось на минуту.

Вот Виля — он любовью дышет,
Он песни пишет зло,
Как Геркулес, сатиры пишет,
Влюблен, как Буало.

НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКОГО

Ах! боже мой, какую
Я слышал весть смешную:
Разумник получил ведь ленту голубую.
— Бог с ним! я недруг никому:
Дай бог и царствие небесное ему.

НА БАБОЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ.

Прекрасная! пускай восторгом насладится
В объятиях твоих российский полубог.
Что с участью твоей сравнится?
Весь мир у ног его — здесь у твоих он ног.

Пожарский, Минин, Гермоген,
или Спасенная Россия.
Слог дурен, темен, напыщен —
И тяжки словеса пустые.

ЭПИГРАММА НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА.

Покойник Клит в раю не будет:
Творил он тяжкие грехи.—
Пусть бог дела его забудет,
Как свет забыл его стихи!

ПОРТРЕТ.

Вот карапузик наш, монах,
Поэт, писец и воин.
Всегда, за всё, во всех местах,
Крапивы он достоин:
С Мартыном поп он записной,
С Фроловым математик;
Вступает Энгельгардт-герой —
И вмиг он дипломатик.

СРАВНЕНИЕ.

Не хочешь ли узнать, моя драгая,
Какая разница меж Буало и мной?
У Депрео была лишь ,
А у меня : с ,

НА ПУЧКОВУ.

Пучкова, право, не смешна:
Пером содействует она
Благотворительным газет недельных видам,
Хоть в смех читателям, да в пользу инвалидам.

ТВОЙ И МОЙ.

Бог весть, за что философы, пииты
На *твой* и *мой* давным-давно сердиты.
Не спорю я с ученой их толпой,
Но и бранить причины не имею
То, что дарит мне радость и покой.
Что, ежели б ты не была *моею*?
Что, ежели б я не был, Ниса, *твой*?

Тошней идиллии и холодней чем ода,
От злости мизантроп, от глупости поэт —
Как страшно над тобой забавилась природа,
Когда готовила на свет.
Боишься ты людей, как черного недуга,
О жалкой образец уродливой мечты!
Утешься, злой глупец! иметь не будешь ты
Век ни любовницы ни друга.

ОТРЫВКИ

1814.

Мы недавно от печали,
Пущин, Пушкин, я, барон,
По бокалу осушали
И Фому прогнали вон.

1816.

НОЭЛЬ НА ЛЕЙБ-ГУСАРСКИЙ ПОЛК.[1]

В конюшнях Левашова
Рождается Христос.
Звезда сияет снова,
Всё с шумом понеслось.
. . . .
Иосиф отпер ворота:
«. . . потише, господа,
Ведь вы здесь не в харчевне».

Христос спросил косого:
«. . . . .»
. . . .
«Из Голубцовых я!»
. . . . вскричал Спаситель удивленный:
«. . . его обнять готов,
Он мне сказал: «я из глупцов»,
Вот малый откровенный».

. . . .
. . . .
Изрек хлыстом махая
Полковник филантроп.
. . . .
Я славной Пукаловой друг
. . . . — хоть тысячи услуг.
. . . .

Вдруг сабля застучала,
Сияет аксельбант,
Лихого генерала
Вбегает адъютант.
«. . . . . . . — мой генерал доволен,
Что, здесь . . . . Христос живет?
. . . . а сам он не придет,
От дев немного болен».

[1] *Многоточиями обозначен несохранившийся текст. Ред.*

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1816.

КУПЛЕТЫ.

НА СЛОВА «НИКАК НЕЛЬЗЯ — НУ ТАК И БЫТЬ».

Я прав, он виноват; решите,
Петра вот Первого указ,
Экстракт и опись и приказ,
В мою вы пользу рассудите,
Почтенный господин судья? —
— Никак нельзя!

Прикажете ль лошадок вятских
Четверку вам в конюшню свесть?
— Постойте... кажется мне... есть
Статья... да нет, ведь то в Сенатских;
Но, чтобы вас не погубить,
Ну так и быть.

Клит малый добрый, не деритесь,
Он вас обидеть не хотел,
И сделать этого б не смел.
За что вам драться? помиритесь,—
Дамону говорят друзья —
— Никак нельзя!

Но Клит идет, идет не струся,
Другой согнулся страшный ус.
Он с саблей — тут притих мой трус.
— По вашей просьбе помирюся,
И впрямь за что его убить?
Ну так и быть.

КУПЛЕТЫ.

НА СЛОВА «С ПОЗВОЛЕНИЯ СКАЗАТЬ».

С позволения сказать,
Я сердит на вас ужасно,
Нет! — вы просите напрасно;
Не хочу пера марать;
Можно ль честному поэту
Ставить к каждому куплету:
«С позволения сказать»?

С позволения сказать,
Престарелые красотки,
Пересчитывая четки,
Станут в запуски кричать:
«Это что?» — Да это скверно!
Сочинитель песни верно,
С позволения сказать......

С позволения сказать
Есть над чем и посмеяться;
Надо всем, друзья, признаться,
Глупых можно тьму сыскать
Между дам и между нами,
Даже, даже... меж царями,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Доктор мой кнута достоин,
Хоть он трус, хоть он не воин.
Но уж мастер воевать,
Лечит делом и словами,
Да потом и в гроб пинками,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Моськина, по мне, прекрасна.
Знаю, что она опасна:
Мужу хочется бодать;

Но гусары ведь невинны,
Что у мужа роги длинны,
С позволения сказать.

36 С позволения сказать,
Много в свете рифмодеев,
Всё ученых грамотеев,
Чтобы всякий вздор писать;
Но, в пример и страх Европы,
Многим можно б высечь <---->,
С позволения сказать.

Боже! царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли.
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Всё ниспошли.

Там — громкой славою,
Сильной державою
Мир он покрыл —
Здесь безмятежною
Сенью надежною,
Благостью нежною
Нас осенил.

Брани в ужасный час
Мощно хранил нас
Верная длань —
Глас умиления,
Благодарения,
Сердца стремления —
Вот наша дань.—

1817.

Гауншильд и Энгельгард,
  Карцов и Кошанский,
И танцмейстер Эбергард,
  И Эбергард Кавказский,
Все как отставной солдат
  Тянут песнь унылу:
«Господа <-------> ват,
  Господи, помилуй!»

9 Боже мой, ох, боже мой,
  Господи мой боже,
Вот приходит год шестой,
  И экзамен тоже;
Что ж? какой нам аттестат
  Выдали насилу?
«Господа <-------> ват,
  Господи, помилуй!»

DUBIA

24.

Двумъ А. П.

—овъ и Зерновъ лихой
Вы сходны межъ собою:
Зерновъ! хромаешь ты ногой,
—овъ головою.
Но что, найду ль довольно силъ
Сравненье кончить шпицомъ?
Тотъ въ кухнѣ носъ переломилъ,
А тотъ ————

Эпиграмма "Двум Александрам Павловичам"
Писарская копия "Собрания лицейских стихотворений".

(Пушкинский Дом Академии Наук СССР, Ленинград).

ДВУМ АЛЕКСАНДРАМ ПАВЛОВИЧАМ.

Романов и Зернов лихой,
Вы сходны меж собою:
Зернов! хромаешь ты ногой,
Романов головою.
Но что, найду ль довольно сил
Сравненье кончить шпицом?
Тот в кухне нос переломил,
А тот под Австерлицом.

ГАРАЛЬ И ГАЛЬВИНА.

Взошла луна над дремлющим заливом,
В глухой туман окрестности легли;
Полночный ветр качает корабли
И в парусе шумит нетерпеливом.
Взойдет заря — далек их будет строй.
Остри свой меч, воитель молодой!

Где ты, Гараль? Печальная Гальвина
Ждет милого в пещерной темноте.
Спеши, Гараль, к унылой красоте!
Заря блеснет,— и гордая дружина
Умчится вдаль, грозящая войной.
Где ты, где ты, воитель молодой?

Гальвина с ним. О, сколько слез печали,
И сколько слез восторгов и любви!
Но край небес бледнеет, и в дали
Редеет тень. Уж латы зазвучали;
Близка заря; несется шум глухой...
Что медлишь ты, воитель молодой?

Призывному Гальвина клику внемлет,
Тоски, надежд и робости полна,
Едва дыша, разлуки ждет она;
Но юноша на персях девы дремлет.
Призывы битв умолкли за горой,—
Не слышал их воитель молодой.

Уже суда покинуть брег готовы,
К ним юноши с веселием бегут;
Прощальну длань подругам подают;
Златой зари раскинулись покровы;
Но, утомлен любовью и тоской,
Покоится воитель молодой.

Пылает день. Он открывает очи.
Гальвина мнит ласкающей рукой
Сокрыть от глаз досадный свет дневной.
«Прости, пора! сокрылись тени ночи:
Спешу к мечам!» воскликнул — и стрелой
Летит на брег воитель молодой.

Но тихо всё, лишь у пустого брега
Подъемлется шумящая волна;
Лишь дева там, печальна и бледна,
И вдалеке плывут ладьи набега.
О, для чего печальной красотой
Пленялся ты, воитель молодой?

Она в слезах; в немой воитель думе.
«О милый друг! о жизнь души моей!
Что слава нам? что делать средь мечей?
Пускай другой несется в бранном шуме;
Но я твоя, ты вечно, вечно мой!..
Забудь войну, воитель молодой!»

Гараль молчал. Надменное ветрило
Его звало к брегам чужой земли;
Но с бурею так быстро корабли
Летели вдаль, и дева так уныло
Его влекла трепещущей рукой...
Всё, всё забыл воитель молодой!

И он у ног своей подруги нежной
Сказал: «Пускай гремят набег и брань:
Забыла меч ослабленная длань!»
Их дни слились в отраде безмятежной;
Лишь у брегов терзаемых волной
Дрожа, краснел воитель молодой.

Но быстро дни восторгов пролетели.
Бойцы плывут к брегам родной земли;
Сыны побед с добычей притекли,
И скальды им хваленья песнь воспели.
Тогда поник бесславною главой
На пиршествах воитель молодой.

Могучие наперсники судьбины
К ногам невест повергли меч и щит;
Кровавый меч героев не лежит
У ног одной оставленной Гальвины.
Красавица вздохнула, — и другой
Ее пленил воитель молодой.

С тех пор один бродил Гараль унылый;
Умолк его веселый прежде глас,
Лишь иногда в безмолвный ночи час
Уединен шептал он имя милой.
Война зажглась, — и встречи роковой
Пошел искать воитель молодой.

ИСПОВЕДЬ БЕДНОГО СТИХОТВОРЦА.

Священник.

Кто ты, мой сын?

Стихотворец.

Отец, я бедный однодворец,
Сперва подьячий был, а ныне стихотворец.
Довольно в целый год бумаги исчертил;
Пришел покаяться — я много нагрешил.

Священник.

Поближе; наперед скажи мне откровенно,
Намерен ли себя исправить непременно?

Стихотворец.

Отец, я духом слаб, не смею слова дать.

Священник.

Старался ль ты закон господний соблюдать
И кроме Вышнего не чтить другого бога?

Стихотворец.

Ах, с этой стороны я грешен очень много;
Мне богом было — *я*, любви предметом — *я*,
я заключалися и братья и друзья,
Лишь *я* был мой и царь и демон обладатель;
А что всего тошней, лишь *я* был мой читатель.

Священник.

Вторую заповедь исполнил ли, мой сын?

Стихотворец.

Кумиров у меня бывало не один:
Любил я золото и знатным поклонялся,
Во всякой песенке Глафирами пленялся,

Которых от роду хотя и не видал,
Но тем не менее безбожно обожал.

Священник.

А имя божие?

Стихотворец.

Когда не доставало
Иль рифмы иль стопы, то, признаюсь, бывало
И имя божие вклею в упрямый стих.

Священник.

А часто ль?

Стихотворец.

Да во всех элегиях моих;
Там можешь, батюшка, прочесть на каждой строчке
«Увы!» и «се», и «ах», «мой бог!», тире да точки.

Священник.

Нехорошо, мой сын! А чтишь ли ты родных?

Стихотворец.

Не много; да к тому ж не знаю вовсе их,
Зато своих я чад люблю и чту душою.

Священник.

Как время проводил?

Стихотворец.

Я летом и зимою
Пять дней пишу, пишу, печатаю в шестой,
Чтоб с горем пополам насытиться в седьмой.
А в церковь некогда: в передней Глазунова
Я по три жду часа с лакеями Графова.

Священник.

Убийцей не был ли?

Стихотворец.

Ах, этому греху,
Отец, причастен я, покаюсь на духу.
Приятель мой Дамон лежал при смерти болен.
Я навестил его; он очень был доволен;

Желая бедному страдальцу угодить,
Я оду стал ему торжественно твердить.
И что же? Бедный друг! Он со строфы начальной
Поморщился, кряхтел... и умер.

Священник.

Не похвально!
Но вот уж грех прямой: да ты ж прелюбодей!
Твои стихи...

Стихотворец.

Все лгут, а на душе моей,
Ей-богу, я греха такого не имею;
По моде лишний грех взвалил себе на шею.
А правду вымолвить — я сущий Эпиктет,
Воды не замутишь, предобренький поэт.

Священник.

Да, лгать нехорошо. Скажи мне, бога ради:
Соблюл ли заповедь хоть эту: *не укради?*

Стихотворец.

Ах, батюшка, грешон! Я краду иногда!
(К тому приучены все наши господа),
Словцо из Коцебу, стих целый из Вольтера,
И даже у своих; не надобно примера.
Да как же без того бедняжкам нам писать?
Как мало своего — придется занимать.

Священник.

Нехорошо, мой сын, на счет чужой лениться,
Советую тебе скорее отучиться
От этого греха. На друга своего
Не доносил ли ты и ложного чего?

Стихотворец.

Лукавый соблазнил. Я малый не богатый —
За деньги написал посланье длинновато,
В котором Мевия усердно утешал —
Он, батюшка, жену недавно потерял.
Я публике донес, что бедный горько тужит,
А он от радости молебны богу служит.

Священник.

Вперед не затевай, мой сын, таких проказ.
Завидовал ли ты?

Стихотворец.

Завидовал не раз,
Греха не утаю, — богатому соседу.
Хоть не ослу его, но жирному обеду
И бронзе, деревням и рыжей четверне,
Которых не иметь мне даже и во сне.
Завидовал купцу, беспечному монаху,
Глупцу, заснувшему без мыслей и без страху,
И, словом, всякому, кто только не поэт.

Священник.

Худого за собой не знаешь больше?

Стихотворец.

Нет.
Во всем покаялся; греха не вспомню боле,
Я вечно трезво жил, постился поневоле,
И ближним выгоду не раз я доставлял:
Частенько одами несчастных усыплял.

Священник.

Послушай же теперь полезного совета:
Будь добрый человек из грешного поэта.

ВИШНЯ.

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.

Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.

Туманы седые
Плывут к облакам,
Пастушки младые
Спешат к пастухам.

С журчаньем стремится
Источник меж гор,
Вдали золотится
Во тьме синий бор.

Пастушка младая
На рынок спешит
И вдаль, припевая,
Прилежно глядит.

Румянец играет
На полных щеках,
Невинность блистает
На робких глазах.

Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.

Корсетом покрыта
Вся прелесть грудей,
Под фартуком скрыта
Приманка людей.

Пастушка приходит
В вишенник густой
И много находит
Плодов пред собой.

Хоть вид их прекрасен
Красотку манит,
Но путь к ним опасен —
Бедняжку страшит.

Подумав, решилась
Сих вишен поесть,
За ветвь ухватилась
На дерево взлезть.

Уже достигает
Награды своей
И робко ступает
Ногой меж ветвей.

Бери плод рукою —
И вишня твоя,
Но, ах! что с тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмотрела,—
Спешит пастушок;
Нога ослабела,
Скользит башмачок.

И ветвь затрещала —
Беда, смерть грозит!
Пастушка упала,
Но, ах, какой вид.

Сучек преломленный
За платье задел;
Пастух удивленный
Всю прелесть узрел.

Среди двух прелестных
Белей снегу ног,
На сгибах чудесных
Пастух то зреть мог,

Что скрыто до время
У всех милых дам,
За что из эдема
Был выгнан Адам.

Пастушку несчастну
С сучка тихо снял
И грудь свою страстну
К красотке прижал.

Вся кровь закипела
В двух пылких сердцах,
Любовь прилетела
На быстрых крылах.

81 Утеха страданий
Двух юных сердец,
В любви ожиданий
Супругам венец.

Прельщенный красою
Младой пастушек
Горячей рукою
Коснулся до ног.

89 И вмиг зарезвился
Амур в их ногах;
Пастух очутился
На полных грудях.

И вишню румяну
В соку раздавил,
И соком багряным
Траву окропил.

ЗАВЕЩАНИЕ К<ЮХЕЛЬБЕКЕРА>.

Друзья, простите! Завещаю
Вам всё, чем рад и чем богат;
Обиды, песни — всё прощаю,
А мне пускай долги простят.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В ЛИЦЕЙ

1809—1811

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Второй раздел тома — «Другие редакции и варианты» — заключает в себе следующие тексты Пушкина:

1. Варианты отдельных стихов или группы стихов в рукописных и печатных текстах, незначительно отличающихся от текста, напечатанного в первом разделе тома в качестве основного;

2. Полностью или частями тексты редакций, отличных от редакций, напечатанных в первом разделе тома.

В текстах, переделывавшихся Пушкиным, отмененное дается в сносках. Если какое-нибудь место исправлялось Пушкиным несколько раз по-разному, то последовательность этих исправлений, поскольку она может быть установлена, отмечается курсивными буквами в алфавитном порядке (*а., б., в.*) перед каждым из этих вариантов. Например:

Я не нашел нигде ее следов.

В сноске:

а. Я не нашел оставленных следов.
б. Уже нигде я не нашел следов.
в. Я не нашел уже нигде следов.
г. Уж не нашел нигде ее следов.

В случаях более сложных исправлений последовательные варианты приводятся не в сносках, а тут же, один вслед за другим, под буквами.

Когда Пушкин в работе над стихотворением возвращался к отмененному им варианту, последний приводится один раз.

Группы стихов или целые стихотворения, отличающиеся от основного текста, приводятся, как правило, в их последней редакции (с предшествующими вариантами под строкой). В случаях законченного белового текста с последующими исправлениями в отделе «Другие редакции и варианты» дается первоначальный беловой текст, а последующие исправления приводятся также под строкой, но с пометой: *Поправка.*

Разночтения копий, являющиеся *искажением* переписчиков, как варианты не рассматриваются и в отделе «Другие редакции и варианты» не приводятся[1].

Стихи в более или менее значительных по размерам текстах, печатаемых в отделе «Другие редакции и варианты», перенумеровываются, причем цифры этой нумерации, для отличия ее от основной, заключаются в круглые скобки.

В квадратные скобки [ ] заключаются слова, зачеркнутые в воспроизводимом тексте.

В ломаные скобки < > заключаются слова, вводимые в текст редактором.

Все аннотации редактора набраны курсивом.

Курсивные буквы, помещенные в конце стиха, обозначают условные сокращения названий источников текста, расшифровку которых см. в соответствующем примечании к стихотворению.

---

[1] Такого рода разночтения будут даны в выпускаемых особыми томами комментариях к сочинениям Пушкина.

1813.

К НАТАЛЬЕ.

(Стр. 5)

А. Варианты раннего автографа.

Заглавие: Послание к Натальи.

3 Сердце страстное забилось;
8а. Как в театры и на балы,
б. Как в театре и на балах,
9 На гулянья иль в воксалах
19 И теперь я — Целадон.
42—44 И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели; одинокой
Испускаю вздох глубокой!
48 А любовью утомясь
74 Я желал... да ведь ногою
80 Кто твой нежный Целадон
100 Да кто ж ты, болтун влюбленный?

МОНАХ.

(Стр. 9)

Первоначальные чтения автографа.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ.

9 *Начато:* Скажи
52 Ел плотно, спал и целый час молился.
72 Иной в Париж к плешивым Картезианам
82 И вдруг дьячок на крылосе вздремал.
143 *Начато:* Обнять

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ.

8 С бумагою не сел бы я никак.
68 Сейчас тебя в колодезь брошу я.
114 Но есть ли так, освобожду тебя.

1814.

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

(Стр. 21)

Первая редакция (автограф).

Заглавие отсутствует.

Арист, и ты в толпе служителей Парнасса;
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса,
За лаврами спешишь опасною стезей,
И с строгой критикой вступаешь смело в бой.

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы;
В холодных песенках любовью не гори;
Покамест не слетел, скорей сойди с горы;
Довольно без тебя поэтов есть и будет,
Их напечатают и целый свет забудет.
Быть может и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою родством соединясь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды*
Сокрыт другой отец второй Телемахиды.—
Страшись бесславия.— Что есть ли Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвечать готов,
Пожалуй, говоришь[1], не трать излишних слов.
Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне как хочет целый свет,
Сердись, кричи, бранись, а я-таки поэт.

Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет,
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштеину французов побеждать,
Потомство позднее поэтам справедливо;
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.

---

* т. е. в школе.

[1] скажешь мне.

Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов.
Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные и честь и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь.
Творенья громкие Рифматова, Графова,
С тяжелым Бибрусом, гниют у Глазунова.
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать
И Фебова на них проклятия печать!

Положим, что, на Пинд взобравшися счастливо,
Поэтом можешь ты назваться справедливо;
Все с удовольствием тогда тебя прочтут,
Но мнишь ли, что к тебе рекою потекут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, спокойно ешь и спишь;
Не так, любезный друг, писатели богаты,
Судьба им не дала ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки;
Лачужка под землей, высоки чердаки,
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов хвалят все, питают лишь журналы;
Катится мимо их фортуны колесо;
Родился наг и наг вступает в гроб Руссо,
Камоэнс* с нищими постелю разделяет,
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он;
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

«Постойте, скажешь мне, ведь я не однодворец;
Могу я быть богат, хотя и стихотворец».
Согласен — будь богат и ты, как тот поэт**,
Который именем наполнив целый свет —
Развратной прозою, опасными стихами
Успешно торговал с голландскими купцами.
Но разве бедность лишь заставит слезы лить?
Иль зависть богача не смеет уязвить?
Что, есть ли, воружась шипящей клеветою,
Всечасно ползая повсюду за тобою,
Наполнит горечью всю чашу бытия,
Покроет мраком жизнь и ввергнет в гроб тебя?

Ты кажется теперь задумался немного.
Да что же, скажешь мне, судя о всех так строго,
Перебирая всё, как будто Ювенал,
Ты о поэзии так долго толковал;
А сам, поссорившись с Парнасскими сестрами,
Мне проповедовать пришол сюда стихами.

---

* Автор Лузиады умер в Гофшпитале, питаясь милостынею.
** Вольтер.

Что сделалось с тобой? в уме ли ты иль нет?
— Арист! без дальних слов вот мой тебе ответ.

В деревне, помнится, с мирянами простыми
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы под вечер он шол немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
Послушай, батюшка, сказали простяки,
Настави грешных нас, ты пить нам запрещаешь,
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
(И верим мы тебе), а что ж теперь ты сам?..
— «Запомните ж, сказал священник мужикам,
Как в церкве вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне не подражайте».

И мне пришлося то ж сегодня отвечать.
Я не хочу себя нимало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихой век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит
И над экспромтами недели не сидит.
Не любит он гулять по рощицам Парнасса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса;
Его с пером в руках Макаров* не страшит,
Спокоен, весел он,— Арист, он — не пиит.

Но полно рассуждать — боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Пора мне замолчать — я дал тебе совет.
Оставишь ли свирель, замолкнешь или нет,
Подумай обо всем и выбери любое,
Быть славным — хорошо, спокойным — лучше вдвое.

КОЛЬНА.

(Стр. 24)

Разночтения копий.

2	Бегущий к дальным берегам!	А
13	В чертогах Сельмы царь могучих	А $Дл^1$ $Дл^2$
48	В тумане ляжет по лесам,	А $Дл^1$ $Дл^2$
50	Возлегши под дорожный кров,	$Дл^1$
99	Лучами солнца зажжена;	$Дл^1$ $Дл^2$

* Славный журналист.

ЭВЛЕГА.

(Стр. 27)

Вариант копии Дл^1.

48 Мятелицей отторженный от скал!

РАССУДОК И ЛЮБОВЬ.

(Стр. 31)

Разночтения копий и альманаха.

14	Жал руку ей счастливый пастушок	*ВЦ*
16	Там обнялись под тенью древ густою.	*ВЦ*
18	У них учись! Эрот ей говорил	*ВЦ*
—	От них учись! Эрот ей говорил	*Г П^2*
21	И вот она с томленьем на глазах	*П^1 П^2*
22	К любовнику в объятия упала.	*Г*

К СЕСТРЕ.

(Стр. 32)

Разночтения списков.

14	На брег Невы примчуся	*Б^1*
23	Тайком вошед в диванну,	*Б*
30	Жанлис ли пред тобой ?	*Б^1 Дл^2 Дш Т А Б*
37	Иль шепчет лес кудрявый	*Пв*
47	Над светлою Невой?	*Дш*
52	Пичини иль Рамо?	*Дш Т А*
62	При бледном свеч сиянье	*Б^1 Б*
64	Всё тихо в мрачной келье,	*Дл^2 Дш Т А Б*
65	Задвижка на дверях,	*Дл^2*
66	Молчанье враг веселья	*Дл^2 Дш Т А Б Б^1*
86—87	Тобою похищенный, Явился заключенный	*Пв*
—	На веки погребенным, Явился заключенным	*Дл^2*
95	Светило дня взойдет	*Дш Т А*
96	Луч кинет позлащенный	*Дш Т Я*
98	Но сердце омраченно	*Дш Т А*
100—104	Иль позднею зарею, Как ночь на небесах, Покрытых темнотою, Чернеет в облаках — Близ келии встречаю	*Дл^2 Дш Т А*
106	И вздохом провожаю	*Дш Т А*
112	Падут, падут запоры,	*Дл^2 Дш Т А*

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК.

(Стр. 35)

А. Отличие первой редакции (ЛТ).

Вм. 18—38
Пускай младой драгун усатый
Поутру, сидя у окна,
Стаканы сушит все до дна
И, чтоб прогнать остаток сна,
Из трубки пенковой дым гонит сероватый.
Пускай красавица шестидесяти лет,
У коей держится вся прелесть на подставке,
У коей без морщин на теле места нет,
Чаек в прикуску попивает,
С сарептским табаком печали забывает.
А ты прелестная!.. но если уж табак
Столь нравится тебе — о пыл воображенья! —
Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточеньи,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б в сердечном восхищеньи
Рассыпался на грудь и, может, сквозь платок
Проникнуть захотел... о сладость вожделенья
......До тайных прелестей, которых сам Эрот
Запрятал за леса и горы,
Чтоб не могли нескромны взоры
Открыть вместилище божественных красот.
Но что! мечта, мечта пустая.
Не будет этого никак.
О доля человека злая!
Ах, отчего я не табак!..

Б. Разночтения копии Н с первой редакцией.

(6) На мраморной груди своей —
(28) А ты, прелестная! — Но есть ли уж табак
(30) Ах! есть ли б, превращенный в прах,
(39) Открыть вместилища божественных красот.

В. Поправка 1818 г. в ЛТ.

33а *Начато:* Тогда б я в счастливом
б. Тогда б я в сладко<м восхищеньи>

ЭПИГРАММА.

(«Арист нам обещал»).

(Стр. 36)

Вариант РМ.

8 Прежалостну пиесу.

КОЗАК.

(Стр. 37)

А. Первая редакция (автограф).

Подзаголовок: (подражание малороссийскому.)

Раз полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой Козак.

Черна шапка на бекрене;
Весь жупан в пыли;
Пистолеты при колене;
Сабля до земли;

(9) Меткого копья луною
Светится конец;
В грудь упершись бородою,
Задремал Донец...

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся в даль.

(17) Вот — пред ним две, три избушки;
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

Добрый конь остановился,
Мордой траву рвет;
Храбрый воин пробудился,
Вмиг узду берет.

(25) Сильно сжал коня ногою,
Шпорою кольнул;
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

«Не найду в лесу девицы,
Думал хват-Денис,
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались!..»

(33) Глядь — ан видит красну деву,
— Черна бровь дугой...—
Конь тихонько к леву, к леву,
Прямо к милой... «Стой!..

Выдь, Коханочка, из дому!
Коню[1] дай воды!» —
Нет! К мужчине молодому
Страшно подойти.—

[1] *Было начато:* Д<ай коню воды>

(41) «Ах! не бось, девица красна,
С другом подружись!
Чем любовь для нас опасна?
Радость, не страшись!»

— Нет! мне матерь говорила:
Бойся, дочь, мужчин!
Мать не раз мне то твердила,
Нет!... не без причин! —

(49) «Верь, Коханочка, пустое!
Милая, не бось!
Тратишь время золотое;
Выйди... страх отбрось!

Сядь на борзого — не нужен
Мне с тобою дом;
Буду с милой не разлучен;
Мураву найдем.»

(57) Что же девица? — случилось,
Что предвидит всяк:
Дева робко согласилась,
Счастлив стал Козак.

На коня поспешно сели;
Дружку друг любил....
Жил в ладу с ней — две недели,
В третью — изменил!

Б. Разночтения копий, близких первой редакции, с текстом автографа.

Подзаголовок: (Ехал Козаче[1] и пр.) *Г*

(1) Раз полуночной порою, *Ш*
(11) В грудь оперщись бородою *Плт Ш*
(19) Здесь — дорога в деревушки, *Г*
(21) Верный конь остановился *Ш*
(22) И нейдет вперед... *Г Ш*
(25) Сильно сжав коня ногою, *Ш*
(29) Не найду я здесь девицы *Ш*
(33) Глядь — он видит красну деву *Г Ш*
(38) Дай коню воды *Ш*
(39) Нет, мне к парню молодому *Ш*
После ст. (40) следуют ст. (49—52). *Ш*
(49) Выдь, коханочка, пустое *Ш*
(51) Не трать время золотое *Ш*
После ст. (52) следуют ст. (45—48) и (41—44). *Ш*
(57) Что же с девою случилось, *Ш*
(58) То предвидит всяк *Ш*
(59) Робка дева согласилась; *Ш*
(62) Друга друг любил *Г*

[1] *Ошибка Пушкина или Горчакова вместо:* козак.

В. Разночтения копий второй редакции с текстом РМ.

1 Раз полуночной порою, П^2
15 Здесь — дорога в деревушки, Д
23 И пустился конь стрелою, П^1 П^2

КН. А. М. ГОРЧАКОВУ.

(«Пускай не знаясь с Аполлоном»).

(Стр. 39)

Первоначальное чтение (автограф).

27 Ты был увлечен в путь кровавый,

ОПЫТНОСТЬ.

(Стр. 41)

Разночтения копий.

5 Тот не смейся, не резвись К
7 Но с рассудком вновь поспоришь Г
— Но с рассудком вмиг заспоришь — П^1 П^2
8 Хоть не рад, да дверь отворишь, Г(а) П^1 П^2
— Хоть не рад, а дверь отворишь, Г(б) Д
— Рад не рад, а дверь отворишь, К
17 Мнил я в радости безумной П^1 П^2
30 У могильных у ворот. Д

ЛАИСА ВЕНЕРЕ, ПОСВЯЩАЯ ЕЙ СВОЕ ЗЕРКАЛО.

(Стр. 44)

Заглавие: отсутствует. ВЕ
Венере от Лаисы при посвящении ей зеркала Дл^1 Дл^2

К НАТАШЕ.

(Стр. 45)

А. Первая редакция (копия П^2).

НАТАШЕ.

Вянет, вянет лето красно,
Улетают ясны дни,
Стелется туман ненастный

Ночи в дремлющей тени,
Опустели злачны нивы,
Хладен ручеек игривый,
Лес кудрявый поседел,
Свет небесный побледнел.

(9) Скоро, скоро холод зимний
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро яркой заблестит.—
Не увижу я прелестной,
И как чижик в клетке тесной
Дома стану горевать
И Наташу вспоминать.

(17) Свет Наташа, где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца поделить? —
Ни под озером волнистым
Ни под кровом лип душистым
Ранней дремлющей порой
Не встречаюсь я с тобой.

(25) Ах Наташа! Помни вечно
Нежности, любви закон:
Если радостью сердечной
Юности горит огонь,
То — не трать ни полминуты! —
Скоро... старостью согнуты
Будем тихо мы бродить! —
И тогда ли нам любить? —

Б. Варианты ранней копии Горчакова.

4 Бора в дремлющей тени.
10 Как мне горьких слез не лить?
12 С другом сердца поделить?
15 Ранней, утренней порой
23 Стану дома горевать

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ.

(Стр. 46)

А. Разночтения первой редакции (N).

7 Сенека, Плиний на столе
22 Наш добрый Г<алич>ь, vale!
23 Ты Эпикурра младший брат,
Между 28 и 29 Виват наш дружеский союз!
Виват, виват студенты!

Ненадобны питомцу муз
Ни золото, ни ленты;
Пускай с профессором седым
Я в сутки час зеваю;
Зато с бокалом круговым
Весь век не унываю.
Виват веселья бог младой,
Семелы сын румяный!
Виват и пестун твой седой!
Виват... и всякой пьяный!
57 И ты, который с детских лет
63 Наполним кружку до краев,
Между 72 и 73 Друзья! приятен звон струны
Средь радостной пирушки,
Где влагой пенистой полны
Стучат веселья кружки.
76 Гитары тихим стоном.
93—94 Но где товарищи? где я?...
Скажите бога ради
99—100 Прочти ж, Вильгельм, свои стихи,
Чтоб нам заснуть скорее.

Б. Первоначальные чтения автографа.

8 *Начато:* <*нрзб*>
20 Воды в бокале чистой
29 Проснися, Дельвиг, что ты спишь?
60 Хоть плохо жизни пишешь;
100 Чтоб нам уснуть скорее.

В. Разночтения копий второй редакции.

31 Ты не под кафедрой лежишь *М*
34 Вином бутыль налита *Г*
45 Хотя студент, хотя и пьян *Г*
57 О ты, который с детских лет *Н*
68 Приятель неизменный *Гр*[1]
98 Ты видом всех трезвее *М*
99 Прочти ж, Вильгельм, свои стихи, *М*
100 Чтоб мне уснуть скорее. *Н*

Г. Неоконченная переделка в ЛТ.

7 С Платоном <Тацит> на столе
11 Без них, ученых дураков,
16 О други, президента
41 И ты красавец молодой,
48 На всё благословляю!
81—88 *Зачеркнуты.*

Д. Третья редакция.

К СТУДЕНТАМ.

Друзья! досужный час настал,
Всё тихо, всё в покое;

Скорее скатерть и бокал;
Сюда вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле,—
Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол ученых дураков,—
Мы полем овладеем;
Под стол холодных мудрецов —
Без них мы пить умеем!
Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякий случай, изберем
Скорее президента:
В награду пьяным он нальет
И пунш и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой.
Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale!
Ты Эпикура младший брат,
Твоя душа в бокале,
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам!
Дай руку, Дельвиг, что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой лежишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей,
Бутыль вином налита,
За здравье музы нашей пей,
Парнасский волокита!
Остряк любезный, по рукам!
Полней бокал — до суха.
И вылей сотню эпиграмм
На недруга и друга!
А ты, красавец молодой,
Сиятельный повеса,—
Ты будешь Вакха жрец лихой,
На прочее завеса.
Хоть я студент, хоть я и пьян,
Но скромность почитаю —
Придвиньте ж пенистый стакан,
На брань благословляю!
А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здравие Платова,
В казачью шапку пунш нальем,
И пить давайте снова!

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем дружнее руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз с тобой мы пьем,
Не в первый и бранимся;
Но чашу дружества нальем —
И снова помиримся.
С тобой тасуясь без чинов,
Люблю тебя душою —
Наполни кружку до краев,
Рассудок, бог с тобою!...
Но что я вижу? всё вдвоем,
Двоится штоф с араком,
Вся комната пошла кругом,
Покрылись очи мраком!
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вакха ради.
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради.
Писатель за свои грехи,
Ты с виду всех трезвее,
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее!—

Е. Разночтения копий третьей редакции.

(58) Тряхнем, дружище, руку — *Грч*
(62) Не впервые бранимся — *Грч Оф*
(64) И снова примиримся — *Оф Т Дш*

БОВА.

(Стр. 49)

А. Варианты раннего автографа (ст. 202—254).

213 Трепетно, смятенья полная
Вм. 217—219 а. Прочитала тихим шопотом
Отче наш и *Богородице,*
б. Прочитала тихим[1] шопотом
То, что ввек не мог я выучить:
Отче наш и *Богородице,*
236 Милого Бова царевича
239 Больно стало доброй Зоиньке.[2]

---

[1] *Поправка:* *а.* нежным *б.* скорым
[2] *Поправка:* девушке.

Б. Разночтения копий.

16 Опасался я без крыл парить *М*
44 Царь Дадон венца со скипетром *М*
92 С милой женкой Бендокировой *М*
После 112 Долго все вельможи думали *М*
121 Табатеркою поскрипывал *М*
125 Стражи трона, славны рыцари *Н*
145 Громобуря, крепко спящего *М*
169 Оплошал Дадон с отсрочкою *М*
170 Не твердил он видно в азбуке *М*
172 *Что сегодня можно выполнить* *М*
186 Юбку, чепчик, ленту, кружево *М*
187 Всё под ключ в шкатулку спрятала *М*
213 Трепетно, смятенья полная, *М*
219 *Отче наш* и *Богородицу,* *Н*
236 Милого Бова царевича *М*
269 «Будь спокойна, случай найдется *Н Мт*

К БАТЮШКОВУ.

(«Философ резвый и пиит»).

(Стр. 55)

А. Разночтения первой редакции (автограф).

23 Прими же лиру. По струнам,
29 И бледных звезд при тихом свете
34 Счастливец милый, окропляй;
67 В столь часто рушенном покое.

Между 71—72
Скажи по милости Графону,
Ползком ползущу к Геликону,
Чтоб перестал писать, писать
И бедных нас морить со скуки.
Скажи ему, что наши внуки
Не станут вздор его читать.
Всё, всё позволено поэту:
Скажи всему, коль хочешь, свету,
Что .... невпопад
Уродов выставя на сцену,
Визжать заставил Мельпомену;
Что Клит был добрый человек,
Тихонько проводил свой век,
Своим домком спокойно правил
И жил без горя, без забот,
Покамест не печатал од,
Где здравый смысл вверх дном поставил,
Где вы навидитесь всего,
Где все чудовища Геенны —
На жертву агнцы обреченны...

Где нет лишь смысла одного;
Что с горя ныне иссыхает;
Что неуклюжий славянин,
Изменник ревностных дружин
Варяжски песни затевает
Теперь на дудочке простой
И слогом древности седой
В деревню братьев приглашает,
(100) Сошел с ума и в пастухи! —
Вот каково писать стихи!

(102—104) Но что!.. цевницею своею,
Не славный в мире сем поэт,
Я песней продолжать не смею.
(110—113) Мирские забывай печали
На лире, что младой Назон,
Эрот и Грации венчали,
А сам настроил Аполлон.

Б. Разночтения копий первой редакции с автографом.

72—73 Скажи, по милости, Грифону,
Ползком ползущу к Геликону,
(80—81) Что Висковатов невпопад
Уродов выставил на сцену, *А*
(85) Своим домком тихонько правил *А*
(89) Где мы навиделись всего, *А*
(91) На жертву агнцы осужденны *Д,Е*

В. Разночтения копии Я с основным текстом.

5 Почто на лире златострунной
67 В столь часто рушенном покое

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.

(Стр. 60)

Разночтения рукописей.

Заглавие отсутствует *N*
1 Навис покров угрюмой ночи[1] *Ав Мш N АД*
10 Окрестность[2] осветила вкруг *Ав Мш*
11 Аллеи древних лип мелькают пред очами, *N*
16 В роскошной[3] красоте цветет *АД*
25 Не се ль Элизиум полночный *Мш N Ш*
27 На лаврах где почил[4] орел России мощный *Мш*
34 Воспоминанье прежних лет. *Мш*

---

[1] *Поправка:* нощи *МшА АД*
[2] *Поправка:* предметы *Ав МшА*
[3] *Было:* п<релестной> *АД*
[4] *Поправка:* Где льва сразив почил *МшА*

— Воспоминанья древних лет. АД
39 Протекшие века[1] мелькают пред очами Ав Мш АД
— Прошедшие века мелькают пред очами N
46 Вкруг бранного столба трикрата обвились; Ав(а)
— Вкруг грозного столба трикрата обвились; Ав(б)
— Вкруг грозного столба трикраты обвились; Мш N АД
48 В блестящей пене поднялись.[2] Ав Мш
52 И[3] славен родине драгой! АД
56 Прейдет молва из рода в род. N
60 Потомки доблестных славян. Ав Мш N АД
61 Перуном на полях победных возблистали Ав(а)
— Перуном в поле битв победу похищали Ав(б)
71 Восстал Наполеон, и вскоре новой брани Ав(а)
— Восстал Наполеон,[4] и вскоре лютой брани Мш N Ав(б)
77 И сёлы мирные и грады в тьме[5] пылают, Ав N
80 И праздный в поле тлеет плуг. Ав
81 Идут — их силе нет преграды,[6] Ав Мш
84 В воздушных съединясь толпах, Ав Мш N АД
90 России двигнулись сыны; N
120 Вотще лишь бранью дух пылал!... АД
123 Увы! где прежде град[7] являлся величавый, Ав Мш
125 Москва! сколь русскому твой вид унылый страшен! N
128 И где палаты богачей. Мш
— Палаты пали богачей. Ав N МшА АД
133 В часы безмолвные прекрасной летней ночи Ав Мш N АД
134 Туда веселие на крыльях не летит, Ав N
— Веселье шумное туда уж не летит. Мш АД
135 Не блещут уж в полях брега и светлы рощи: АД
139 Отяготилася[8] на их надменны выи Ав МшN
143 Бегут — в тьме ночной их глад и смерть встречают, МшN
144 И[9] с тыла гонит Россов меч Ав Мш N АД
147 О Галлы хищные, вы все в могилу пали Ав Мш
— О Галлы хищные!.. и вы в могилу пали N МшА АД
153 В Париже Росс — где ж факел мщенья? Мш
158 Москва в унынии, как степь в полночной мгле МшN
161—176 *Отсутствуют.* Ав
163 Как наших лет певец, Славянской бард дружины Мш
— Как древних лет певец, как лебедь стран Еллины, АД
167 На лире б возгремел гармонией чудесной Мш
171 В кругу друзей своих с душою воспаленной Мш
— В кругу друзей своих с душой воспламененной N МшА АД

---

[1] *Поправка:* Протекшие лета Ав
[2] *Поправка:* улеглись Ав МшА
[3] *Поправка:* Но АД
[4] *Поправка:* вселенной бич МшА
[5] *Поправка:* мгле Ав
[6] *Поправка:* препоны Ав МшА
[7] *Поправка:* Где прежде взору град Ав
[8] *Поправка:* Отяготела днесь МшА
[9] *Поправка:* А МшА

Б. Разночтения окончательного текста (Вс).

9—16 *Отсутствуют.*
29 Промчались навсегда те времена златые,
46 Вкруг грозного столпа трикратно обвились;
71 Восстал вселенной бич — и вскоре новой брани
92 Сердца их мщеньем зажжены.
96 За Русь, за святость алтаря.
116 Не зная горести и бед,
133 В часы безмолвные прекрасной, летней ночи
144 А с тыла гонит русской меч.
155 Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
161—168 *Отсутствуют.*
171—174 В кругу товарищей, с душой воспламененной,
Греми на арфе золотой,
Да снова стройный глас героям в честь прольется,
И струны гордые посыплют огнь в сердца,

РОМАНС.

(Стр. 64)

А. Переработка в тетради Всеволожского.

19 На веки ты меня забудешь
33—40 *Зачеркнуты.*
41 Она простила... но быть может

Б. Разночтения альманаха (Ф) и тетради Шереметева (Ш).

2 В пустынных дева шла местах; *Ф*
9 И на невинном сем творенье *Ф Ш*
14 Ты к груди не прильнешь моей, *Ф*
— Уж к груди не прильнешь моей *Ш*
18 Мне вечный стыд вина моя! *Ф Ш*
20 Но не забуду я тебя! *Ф Ш*
23 Ты спросишь: где мои родные. *Ф*
25 Несчастный! будешь грустной думой *Ф Ш*
30 Всегда судьбу свою кляня, *Ф Ш*
31 Услышишь ты упрек жестокой...; *Ф Ш*
33—48 *Отсутствуют.* *Ф Ш*
51 Прижать к груди в последний раз. *Ф Ш*
50 Проступок мой, твой рок ужасный *Ф*
52 К страданью осуждает нас. *Ф Ш*
54 Невинной радости твоей *Ф Ш*
59 Бледна, трепещуща, уныла, *Ф Ш*
60 К дверям приближилась она: — *Ф Ш*

ЛЕДА.

(Стр. 66)

Разночтения копий К и Дл[1].

21 Но что-то меж кустов прибрежных зашумело,

STANCES.

(Стр. 68)

Отличие раннего автографа.

Заглавие отсутствует.

MON PORTRAIT.

(Стр. 69)

Разночтения копий.

9 Oui! il ne fut de babillard *ГПЛ*
10 Ni docteur de Sorbonne *ГПЛ Мр*
14 Las n'est point égalée *ГПЛ*
24 Si je n'étais au Lycée *ГПЛ Мр N*
25 D'après cela, mon cher ami, *N*

1815.

ГОРОДОК.

(Стр. 73)

Разночтения копий и РМ.

Подзаголовок:	(Послание)	*Мт*
2	Двулетнее молчанье	*$Дл^1$ $Дл^2$*
11	Зевал и веселился	*Мт К*
32	Три комнаты простые	*$Дл^1$ $Дл^2$*
41	Прохладну тень дают;	*$Дл^2$*
46	Невидимо для взора	*Мт $Дл^1$ $Дл^2$*
62	С ним в тайне Феб дружится	*Мт*
85	В восторге забываю	*Мт*
117	Являются вдвоем.	*Мт $Дл^1$ $Дл^2$*
176	*Хвала вам, чада славы*	*РМ Мт $Дл^2$*
274	Полуночной порой	*Мт*
283	С бумагой и пером	*Мт $Дл^2$*
291	Иль в юности златой	*Мт*
303	И в час безмолвный ночи	*$Дл^2$*
428	И клятву уж сдержу	*Мт*

ВОДА И ВИНО.

(Стр. 82)

Разночтения копий Т, Дш и $Дл^2$.

Заглавие:	Вино и вода	
12	О страх! смешал вино с водой	

ИЗМЕНЫ.

(Стр. 83)

Разночтения копий и РМ.

4	Страсти мученьи	*Гв*
5	В тихом забвеньи	*Гв Т Дш*
36	Близ пепелища	*Гв Т Дш*
46—47	Горести, муки Тем услаждал;	*Гв Т Дш*
65—67	*Отсутствуют.*	*в Т Дш*
75—78	Тщетно взываешь,	

Бедный слепец,
Нет! не встречаешь
Мукам конец! *Гв Т Дш*
80 Грустный, унылый, *Гв Т Дш*
83 Терном увиты, *РМ*

К ЛИЦИНИЮ.

(Стр. 85)

Разночтения автографа.

Подзаголовок отсутствует.

8 С почтением ему умильный мещут взгляд
9 Ждут в тайном трепете улыбки, уст движенья,
21 Любимец деспота как царь сенатом правит, [1]
26 В изорванном плаще и с нищенской сумою,
38 Не лучше ль навсегда со градом распроститься
58 Под старость отдохнем в сени уединенья;

Позднейшие тексты стихотворения см. во II томе.

БАТЮШКОВУ.

(«В пещерах Геликона»).

(Стр. 87)

Разночтения копий.

Подзаголовок: (Стансы) *П²*
6 Из детства напоенный *П² Т Дш*
30 Страшась лететь не даром *П²*

К ПУЩИНУ.

(«Любезный именинник»).

(Стр. 90)

Разночтения автографа.

Заглавие: П у щ и н у
43 Ты любишь дно стаканов
47—50 Скажи, чего же боле
Мне другу пожелать?
Счастлив ты в этой доле,
Придется мне молчать....

---

[1] *Поправка:* Любимец деспота сенатом слабым правит,

К ГАЛИЧУ.

(«Пускай угрюмый рифмотвор»).

(Стр. 92)

А. Варианты первой редакции (Грч).

47 О Галич! время скоротечно
50 Покину кельи кров беспечный,

Б. Переработка 1819 г. в ЛТ.

(Ср. ст. 1—4).

а. Пускай <угрюмый рифмотвор,>
Венчанный <маком и крапивой,
Холодных од творец ретивый,>
Подправя рифмой вздор,
б. Пускай угрюмый стихотвор,
Писец холодный, но ретивый,
Венчанный <маком и крапивой,>
Украсив рифмой вялый вздор,

*

(Ср. ст. 19—30).

Лети в счастливый городок,
Зайди в мой мирный уголок,
Вино там хлынет золотое,
Явится на столе [1] пирог,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое...

*

(Ср. ст. 47—58).

О Г<алич>, близок,[2] близок час,
Когда послыша славы глас
Покину[3] кельи кров пустынный,
Забыв волшебный мой[4] Парнас,[5]
Златой[6] досуг и мир невинный.
Татар<ской сброшу свой халат,>
Прости<те, девственные> Музы,
Прости, прию<т младых отрад.>
На<дену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,

---

[1] Страссбургский
[2] О Г<алич>, Г<алич>
[3] *а. Начато:* Забыв *б.* Оставя
[4] пустынный сей
[5] *Стих вписан позднее.*
[6] Забыв

Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных муз —>
В кругу пирующих[1] корнетов

*

(Ср. ст. 59—62).

О Г<алич, Галич, поспешай!
Тебя зовут и сон ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок полный через край.>

В. Последняя редакция (Ш).

Когда печальный стихотвор,
Венчанный маком и крапивой,
На лире скучной и ретивой
Хвалебный напевая вздор,
Зовет обедать генерала,
О Г<алич>, верный друг бокала
И жирных утренних пиров;
Тебя зову, мудрец ленивый,
В приют поэзии счастливый
Под отдаленный неги кров.

В тебе трудиться нет охоты.
Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок,
Зайди в мой мирный уголок,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое;
Явится на столе пирог,
И хлынет пиво золотое!

О Г<алич,> близок, близок час,
Когда послыша славы глас,
Покину кельи кров пустынный,
Забыв волшебный свой Парнас,
Златой досуг и мир невинный.
Татарской сброшу свой халат,
Простите, девственные музы,
Прости, предел младых отрад! —
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных муз —
В кругу пирующих корнетов!
О Г<алич>, Г<алич>, поспешай,
Тебя зовут досуг ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый
И кубок полный через край.

[1] *а.* В числе вою<ющих>. *б.* В числе пирующих

МЕЧТАТЕЛЬ.

(Стр. 94)

Разночтения копии П[2].

17 Главою на руки склонен,
41 Пускай ударя в звонкий щит,
63 И чуть дышала наклонясь
67 Летай в мечтаньях предо мной,

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ.
ДРУЗЬЯМ.

(Стр. 96)

А. Отличия первой редакции (автограф).

Вм. 1 Нет, полно, полно мне терпеть!
Дорожный посох мне наскучил,
Угрюмый рок меня замучил,
Хочу я завтра умереть.
4 Веселой тенью полететь.... —
20 Богов и смертных господина; [1]
Вм. 33—35 *а.* И брякнут кольцы золотые
В завет любви в последний раз;
А вы, подруги молодые,
Спешите: дорог, дорог час;
б. В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди.
И брякнут кольцы[2] золотые
В завет любви в последний раз;
А вы, подруги молодые,[3]
Спешите: дорог, дорог час;[4]
Вм. 48—52 *а.* Простите, милые друзья,
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
б. Простите, милые друзья,
Подайте руку, до свиданья!
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
55 Тебе дарю и лень и лиру;
57—60 Ты не забудешь дружбу нашу,
О П<ущ>ин, Юноша-Мудрец!

---

[1] *Поправка:* властелина
[2] *Поправка:* перстни
[3] *Неоконченное исправление:* товарищ<и> <младые>
[4] *Поправка, вм. 33—35:*
В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди.

Прими мою в подарок чашу
И с ней мой миртовый венец![1]
Вм. 61—66 *а.* Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых, красных дней,
Моим подругам завещаю
Воспоминание ночей,
Утраченных у ног Венеры
В лесах веселыя Цитеры
На ложе маков и лилей
И скованных любовной ленью,
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, *ей!..*[2]
69 Веселье,[3] друг уединенья,
73—74 Пускай[4] на гробе, где певец
Исчезнет в рощах[5] Геликона,
76 *«Здесь дремлет ветреный*[6] *мудрец,*

Б. Разночтения копии Н.

4 Веселой тенью полететь.
55 Тебе дарю и лень и лиру;

В. Переработка в ЛТ.

Вм. 8—18 Благоговенье и вниманье! —
Устройте завтра шумный ход,
Несите радостные чаши
На темный берег сонных вод,
Где мы вели беседы наши.
Зовите на последний пир
Семелы радостного сына,
Вм. 35—39 Прижму к восторженной груди,
И брякнут перстни[7] золотые
В завет любви в последний раз.
Где вы, подруги молодые?
Летите — дорог смерти час.
В последний раз, томимый нежно,
Забуду вечность и друзей,
В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней!

---

[1] *Поправка, вм. 57—60:*
Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пущин, ветреный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец!

[2] *Поправка, вм. 61—66:*
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей.
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, *ей!...*

[3] *Поправка:* Веселость

[4] *Поправка:* И пусть

[5] *Было:* роще

[6] *Поправка: Юноша-*

[7] *Было:* кольцы

К НЕЙ.

(Стр. 98)

А. Варианты раннего автографа.

4 Я роком[1] осужден?
6—7 Ужели вечной тьмой[2] покрыты дни мои,
И больше[3] никогда нас утро не застанет
13—14 И в радости немой, в восторгах упоенья
Твой шопот сладостный и томный стон внимать,

Б. Варианты ЛТ и Н.

4 Любовник осужден?
13—14 И в радости немой, в восторгах упоенья
Твой шопот сладостный и томный стон внимать,

В. Поправки 1819 г. в ЛТ.

10 Я не могу тебя с восторгом обнимать,
13 И в радости немой, в блаженствах упоенья
15 И в неге в скромной тьме, для неги пробужденья

К МОЛОДОЙ АКТРИСЕ.

(Стр. 99)

Отличия автографа (ранний текст).

Заглавие: П о с л а н ь е м о л о д о й а к т р и с е.
20—21 *а.* Тогда усердными руками
Все громко хлопают; кричат:
б. И[4] мы усердными руками
Все громко хлопаем; кричат:

ВОСПОМИНАНИЕ.
(К ПУЩИНУ).

(Стр. 101)

Разночтения копий.

Заглавие: В о с п о м и н а н и я (К Пущину)
6 В нашем тесном уголке

---

[1] *Поправка:* Любовник
[2] *Поправка:* Иль вечной темнотой
[3] *Поправка:* Ужели
[4] *Поправка:* А

ПОСЛАНИЕ К ГАЛИЧУ.

(«Где ты, ленивец мой»).

(Стр. 102)

Вариант копии Дл[1].

107 Пьют могель разогретый,

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

(Стр. 106)

А. Первоначальные чтения автографа.

21 Согнулся над ветхой клюкою,
22 На холм он восходит и в тусклую даль
31 Далече уж путник в тьме бродит ночной

Б. Варианты копий ЛТ и Н.

6 И с ими луна золотая. *ЛТ*
— Меж ними[1] луна золотая. *Н*

В. Поправки в ЛТ.

1 Последним сияньем за рощей горя
3 Темнеет долина глухая;
4 В тумане пустынном че<рнеет> река
7 Недвижные латы на холме лежат,
8 В стальной рукавице забвенный[2] булат
11—12 Копье раздробленно и месяца рог
Покрыл их сияньем[3] кровавым.—
20 Невольную робость он в сердце несет —
22 Заботливо смотрит в неверную даль[4]
23 Приблизился к латам и звонкую сталь

К ДЕЛЬВИГУ.

(Стр. 107)

А. Отличия первой редакции (автограф).

Заглавие: Д....[5]
Вм. 14—37 И вот теперь я брат
Тому, сему, другому,

---

[1] ими
[2] *а.* истлевший *б.* железный
[3] блистаньем
[4] *а. Начато:* С надеждою
б. Внимательно смотрит он в тусклую даль
[5] *Поправка:* К Д . . . .

Рифматову,[1] Пустову —
Да я ж и виноват —
Да ты же мне в досаду —
(Что скажет белый свет?)
Любви моей в награду[2]
Мне свищешь оду вслед:[3]
Смотрите: вот поэт!..
Спасибо за посланье!
Но что мне пользы в нем?
На грешника потом —
Ведь станут в посмеянье
Указывать перстом; —
Когда б подобны были
Моим твои стихи,
То скоро б все забыли,[4]
Что Пушкин за грехи
В поэзию влюбился
И лезет[5] на Парнасс
И в рифмы весь зарылся[6]
И пишет в добрый час.
Изменник! с Аполлоном
Ты видно за одно; —
И мне прослыть Графоном[7]
Судьбою[8] суждено. —
О горе метроману!
Куда ни сунусь я,
Везде врагов застану:
Изменники — друзья
Невинное посланье
Украдкой в город шлют
И там за наказанье
Тисненью предают.[9]
На бедного напали[10]
С улыбкой остряки.

---

[1] *Поправка:* Бестолкову
[2] *Поправка:* Стихами до надсаду
[3] *Поправки:* *а.* Кричишь Икару вслед:
б. Жужжишь Икару вслед:
[4] То скоро б их забыли,
[5] *Поправка:* ходит
[6] *Поправка:* Покою поклонился
Этот стих переставлен с предыдущим.
[7] *Поправка:* Прадоном
[8] *Поправка:* Отныне
[9] *Вместо (40—47) поправка:*
Везде беды застану.—
Куда сокроюсь я?
Увы мне, метроману!
Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой в город шлют
И плод уединенья
Тисненью предают —
Бумагу убивают.
[10] *Поправки:* а. Ленивца окружают
б. Поэта окружают

45 (57) Барашков и цветки[1]

Б. Отличия второй редакции (Н).

Вм. 14—17 И вот теперь я брат
Тому, сему, другому,
Бестолкову, Пустому,
Да я ж и виноват,
Да ты же мне в досаду
(Что скажет белый свет?)
Стихами до надсаду
Жужжишь Икару вслед:
Смотрите: вот поэт!..
19 Но что мне пользы в нем?
25 И мне прослыть Прадоном
27—29 Увы мне Метроману!
Куда сокроюсь я?
Везде беды застану:
59 Я буду принужден

В. Переделка в ЛТ.

К Д***

(1815)

ОТВЕТ.

Вм. 1—23 Послушай, Муз невинных
Лукавый клеветник![2] —
В тиши полей пустынных,
Природы ученик,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою...
И я главой поник
Пред милой суетою.—
Ж<уковский>, наш поэт,
[На то мне дал совет]
И с Музами сосватал.
С начала я играл,
Шутя стихи марал,[3]
А там переписал,
А там и напечатал —
И что же — рад не рад[4] —
Но вот уже я брат
Теперь тому, другому,[5]
Что делать, виноват! ...

---

[1] *Поправки:* *а* И рощу и цветки
б. Фиялочку, цветки

[2] духовник

[3] кропал

[4] И что ж, хоть рад не рад

[5] *а.* Но вот уже я брат
Тому, сему, другому
б. Но вот уже <и> брат
Тому я стал, другому

<Предатель,> с Аполлоном
30 Изменники друзья
38 «Признайтесь — нам сказали —
43—45 Конечно [василечик],
Лесочик, ветерочик,
Барашков[1] и цветки.....»
50 Меж лени <и> Морфея
55 Я, право, лени сын! —

РОЗА.

(Стр. 109)

Поправки в ЛТ.

6—9 *Вот жизни радость,*
Не говори:
Так вянет младость,
Цветку скажи:

Позднейшую редакцию стихотворения см. во II томе.

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗ ПАРИЖА В 1815 ГОДУ.

(Стр. 110)

Разночтения копий.

Заглавие: К императору Александру *Гц*
— Послание к императору.* *ДЕ*
3 С небесной высоты при звуках стройных лир, *Гц Мр*
4 На землю мрачную снисходит светлый мир *Мр*
17 Тебе, наш юный царь, хвала, благодаренье, *Гц Мр*
— Тебе, великий царь, хвала, благодаренье, *ДЕ*
21 Ты брани меч извлек и клятву дал святую *Гц Мр*
23 Мы вняли клятве сей, и юные сердца *Гц Мр*
25 И местью роковой горели и дрожали; *Гц Мр ДЕ*
26 И россы пред врагом твердыней гордой стали *ДЕ*
27 «К мечам!» раздался крик, и вихрем понеслись, *Гц*
28 Знамены, восшумев, по ветру обвились; *Гц*
33 А я вдали забот, в сени твоей надежной *Гц*
36 Сражаться за тебя под громом вражьих стрел *Мр*
51 Ужель свободны мы, ужели гордый пал *Мр*
64 И ты среди сынов, России божество! *Гц*
65 Встречать твои полки летят твои дружины. *Гц*
— Встречать твои полки спешат твои дружины. *Мр*
67 Взирает на тебя с открытою душой. *Гц Мр*
76 И мирный селянин, не зная бурных бед *Гц Мр*

[1] Лужочек
* На случай возвращения его импер. велич. в 1815 году из Парижа. *Сноска во второй копии ДЕ.*

СЛЕЗА.

(Стр. 113)

А. Варианты автографа и копий.

3 И молча с мрачною тоскою — *П^1 П^2*
10 Я скоро просвистал [1] — *Ав Г И П^1 П^2 Д ЛТ Н*
15 Дитя! ты плачешь об девице, — *Ав Г*
18 Я в грусти отвечал [2] — *Ав Г И П^1 П^2*

Б. Неоконченные поправки в ЛТ.

3—4 И молча, с дикою тоскою
[На] дальний путь глядел.
6 *а.* Мой воин вопросил
б. *Вычеркнут.*
7—8 Еще ты с нами, слава богу,
Еще друзья с тобой».
9—12 *Вычеркнуты.*
15—16 Стыдись!... ты ль плачешь о девице,
С упреком он <вскричал>.
17—18 — Оставь, [гусар — ох!] сердцу больно —
[Ты знать не] горевал,

В. Поправка в «Мнемозине».

6 Гусар мой вопросил

«УГРЮМЫХ ТРОЙКА ЕСТЬ ПЕВЦОВ»

(Стр. 114)

Разночтение списка СЛС.

4 Князь Шаховской, Шишков, Шихматов

К БАР. М. А. ДЕЛЬВИГ.

(«Вам восемь лет, а мне семнадцать било»).

(Стр. 115)

Варианты копий.

3 Они прошли — в судьбе моей унылой — *ЛП Дш ДЕ Т Ал*
21 Когда весь свет глядит на вас, — *Гв ЛП Дш ДЕ Т Ал*

---

[1] *Поправка:* Я скоро прошептал — *ЛТ Н*
[2] *Поправка:* Ты знать не горевал — *Ав*

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

(Стр. 116)

А. Первоначальные чтения ЛТ.

6—8 Не для бессмертия они
На свет небрежно рождены,
Но право для меня, для друга,
11—12 Я знаю сам свои пороки.
Не нужны мне твои уроки.
21 И сряду плоских три стиха;
35 И засветив потом лампаду,
52 Я мигом труд окончу свой
81 И в простоте, без принужденья
88 Веселья в резвом упоеньи
Вм. 92—97 Возможно ли в свое творенье
Тогда вперять холодный ум,
Уняв веселых мыслей шум,
Отделкой портить небылицы
И сокращать свои страницы? —
104 *а.* И мне готовятся венцы
б. Для вас готовились венцы
110 И милых Граций перст игривый
113 *а.* Веселий, смехов рой шутливый
б. Детей Цит<еры> рой шутливый
118 Смири жестокой вкуса гнев!

Б. Неоконченные исправления в ЛТ.

9 Да для Темиры молодой
Вм. 11 Не нужны мне, поверь, уроки
Твоей учености сухой.
20—21 *а.* Для меры часто восклицанья
И сряду лишних три стиха.
б. Для рифм и меры восклицанья,
Для смысла лишних три стиха.
в. Для рифм пустые восклицанья,
Для меры лишних три стиха.
23 Позволь мне скромно принести.
Вм. 26—38 Не думай, цензор мой угрюмый,
Что ленью жертвуя стихам,
Объятый стихотворной думой
беснуюсь по ночам,
Что засветив свою лампаду,
Едва дыша, нахмуря взор,
За верный стол кряхтя засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу — трестопный вздор.....
42 Служитель старинькой Парнасса
Вм. 46—68 Люблю я праздность и покой,
Мне счастливый досуг не бремя,
И днем найду себе я время,
Когда нечаянной порой
Стихи кропать найдет охота

На славу Дружбы иль Эрота.
Сижу ли с добрыми друзьями,
Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой,
Задумаюсь, взмахну руками,
На рифмах вдруг заговорю —
И никого уж не морю
Моими тайными стихами...
Но если я когда-нибудь,
[Расположусь перед] камином,
Желая в неге отдохнуть
Один, свободным господином,
Поймав прежню мысль мою —
[То][1] не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И их вполголоса пою.
69 *а.* И знаешь ли, о мой гонитель,
б. Но знаешь ли, о мой гонитель,
98 Наш друг Лафар, Шолье, Парни
114 Но я — неопытный поэт —

ГРОБ АНАКРЕОНА.

(Стр. 126)

А. Поправки в ЛТ.

3 *а.* Дремлет в облачном сияньи
б. Ходит в облачном сияньи
10 Камня древнего кругом,
Вм. 3—14 Ходит в облачном сияньи
Полумесяц молодой.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине,
21 Здесь Киферы скрыт мудрец.
23 Счастья сын изображен.
24 Здесь на сладостной цевнице
39 Долг последний заплатить;
40 Старец пляшет в хороводе,

Позднейшие тексты стихотворения см. во II томе.

ПОСЛАНИЕ К ЮДИНУ.

(Стр. 128)

А. Первоначальные чтения.

5 Но можно ль резвому поэту
46 *Начато:* В близи
53 Туда с зарею поспешаю

[1] *Поправка:* И

54	С смиренным заступом в руке
57	*Начато:* И счастлив в утреннем <труде>
94	Вот здесь... но долго ль привиденья
134	Из чаши мира вои пьют
153	*Начато:* Но быстро старый <день умчался>

Б. Позднейшая поправка.

После 29	Какая нужда в зеркалах

К ЖИВОПИСЦУ.

(Стр. 133)

А. Разночтения списков и альманаха.

Заглавие:	Живописцу	*Г*
1	Дитя Харит, воображенья,	*Ф Дш*
2	В порыве пламенном души	*Г*
—	В порывах пламенной души	*$П^2$ Дш*
3	Небрежно кистью насладженья	*Дш*
6	Надежды милые черты	*Кр $П^2$ Г Дш*
8	И взоры юной красоты	*Ф*
10	Венерин пояс обвяжи	*Кр Д*
—	Венерин пояс подвяжи	*Дш*
13—16	*Отсутствуют.*	*Кр*
15	Чтобы под ним она дышала,	*$П^2$ Г Дш*
16	Хотела тайно бы вздохнуть!	*Ф*
20	Внизу я имя напишу.	*Ф*

Б. Поправки в ЛТ.

1 Дитя харит и вдохновенья;
5—8 Красу невинности прелестной,
Надежды милые черты,
Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты.

1816.

УСЫ.

(Стр. 138)

А. Разночтение раннего текста (N).

28 Стремя к бокалу мысли пылки[1]

Б. Поправки в ЛТ и разночтения Вс.

3 Вкруг пальца завитки мотал, Вс
7—8 Гусар! нет вечного в природе:
Как ода вслед похвальной оде ЛТ Вс
10—11 Упали стены Вавилона,
Упали драммы Доримона, Вс
20 Ты к ночи одою Свистова Вс
23 В глубоком сне его лелеешь ЛТ Вс
31 Сраженья ль грозный час настанет Вс
33 А ты, недвижный над седлом, Вс
35 Сперва свой верный ус ухватишь, Вс
39 Ты нежишься — одной рукой ЛТ
41 Летаешь по груди прекрасной, ЛТ
37—42 *Строфа отсутствует.* Вс
48 И старость выбелит усы. ЛТ Вс

В. Последняя редакция 1825 г. (Вс с поправками).

Глаза скосив на ус кудрявый
Гусар с улыбкой величавой
Вкруг пальца завитки мотал;
Мудрец с обритой бородою,
Качая лысой головою,
Со вздохом усачу сказал:

(7) За уши ус твой закрученный,
Вином и ромом окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знает бритвы; выписною
Он вечно лоснится сурьмою,
Расправлен гребнем и рукой.—

[1] *Автографическая поправка:* Веселый гость, любовник пылкий N

(13) Гордись, гусар! но помни вечно —
Что всё на свете скоротечно —
Летят губительны часы,
Румяны щеки пожелтеют,
И черны кудри поседеют,
И старость выбелит усы.

ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ПУШКИНУ.

(«Христос воскрес, питомец Феба»).

(Стр. 141)

Разночтения копий.

11 Чтобы Шихматову на зло *ДЕ*
13 Расколов, глупостей свидетель *А*
17 У сонной прозы и стихов *А Дш*
18 Да не воскреснет от забвенья *ПЗ*
22 И непокойный граф Хвостов *ДЕ А Дш ПЗ Ал Т*

СОН.

(Стр. 143)

Разночтения копий.

10 И не дает покоя Цитерея *М*
26—27 Учи меня, води моей рукой —
Всё, всё твое: вот краски, кисть и лира *Н*
31 Конечно б сон спокойный предпочли *М*
140 При шуме волн на дикий брег летит *М*
160 А голова с плеча на грудь катится *М*
200 О дайте мне Альбана кисти нежны. *М*

ОКНО.

(Стр. 150)

А. Текст автографа (первая редакция).

Где мир, одной мечте послушный?
Мне настоящий опустел!
На всё взираю равнодушно,
Дышать уныньем мой удел;
Напрасно летнею порою
Любовник рощиц и лугов
Колышет розой[1] полевою,
Летя с тенистых берегов.

---

[1] *Начато:* Колышет резвою

(9) Напрасно поздняя зарница
Мерцает в темноте ночной,
Иль в зыбких облаках денница
Разлита пламенной рекой,
Иль день багряный вечереет,
И тихо тускнет[1] неба свод,
И клен на месяце белеет,
Склонясь на берег синих вод.

(17) Вчера вечерней темнотою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видел: дева у окна
Склонившись на руку сидела,[2]
Дышала в тайном страхе грудь,
С волненьем девица глядела
На темный под холмами путь[3].

(25) «Я здесь!» — шепнули торопливо,
И дева трепетной рукой
Окно открыла боязливо...
Оделся месяц темнотой.
«Счастливец — молвил я с тоскою —
Тебя веселье ждет одно! —
Когда ж вечернею порою
И мне откроется окно».

Б. Разночтения списков с текстом автографа.

(17) Недавно, темною порою — *Д Н К*
(21) Одна задумчива сидела — *$П^1$ $П^2$*
(23) Она с волнением глядела — *Д Н К*
(28) Луна покрылась темнотой. — *Д Н*
— Луну покрыло темнотой. — *К*

К ЖУКОВСКОМУ.

(Стр. 151)

А. Варианты раннего текста (автограф).

6 Но пылкого смирить не в силах увлеченья[4]
8 Сокрытого в веках бесстрастный[5] судия
10 И мощной[6] зависти предмет неколебимый
17 А ты, природою на песни обреченный!
19—20 О незабвенный час, когда я пред тобой

---

[1] тмится
[2] *Поправка:* Одна задумчиво сидела,
[3] луг
[4] *Поправка:* я влеченья
[5] *Поправка:* *а. Начато:* про
б. священный
[6] *Поправка:* бледной

В безмолвии стоял — и молненной струей[1]
25 Певцы[2] бессмертные, питомцы вдохновенья!..
27 Лечу к *безвестному* с веселою мечтой[3],
31 В глубокой[4] темноте пещерной глубины
Вм. 37—56 Смех общий им ответ; и челами седыми[5]
Во мгле два призрака склонилися над ними.[6]
Один на груды сел и прозы и стихов —
Тяжелые плоды бессонниц и[7] трудов,
Усопших од, поэм холодные[8] могилы!
С улыбкой внемлет визг[9] стопосложитель хилый,
Пред ним растерзанный стонает Тилимах,
Железное перо скрыпит в его перстах[10]
И гянет за собой Гекзаметры сухие,[11]
Спондеи жесткие и Дактилы тугие —[12]
Другой на крикунов умильный взор вперил
И вялою рукой толпу их осенил.[13]
Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистник Гения, спесивый С<умароков>,[14]
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждению обязанный венком[15]
71 Оно сокрыло их в огромный[16] свой приют;
79 Свой стыд на Гениев отбросить тайно мнит.[17]
83 При свистах Зависти[18] к собратьям он бежит...
87 Волнуясь восстают шумящею[19] толпой.
89 Беда, кто мог пленить[20] красавиц нежной лирой,
91—92 Кто выражаяся правдивым языком,

---

[1] *Поправка:* Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял — и молненной струей
[2] *Поправка:* Творцы
[3] *Поправка:* Лечу к *безвестному* отважною мечтой,
[4] *Поправка:* ужасной
[5] *Поправка:* Смех общий им ответ; над мрачными толпами
[6] *Поправка:* склонилися главами.
[7] *Поправка:* полуношных
[8] *Поправка:* забвенные
[9] *Поправка:* вой
[10] *Было начато:* рука<х>
[11] *Поправка:* Ретивой Музою прославленный певец,
[12] *Поправки:* *а.* Гордись — ты Бардуса надутый образец!
б. Гордись — ты Мевия надутый образец!
[13] *После этого стиха вставлено:*
Но кто другой в дыму безумного куренья
Стоит среди толпы детей непросвещенья?
Торжественной хвалы к нему несется шум:
У ног его лежат попранны вкус и Ум.
Поправки: во втором стихе: толпы друзей; *в последнем:*
а. У ног его попранный стонет Ум.
б. Он — он под рифмою попрал и вкус и Ум.
[14] *Поправки:* *а.* Столь малый в зависти и гордый С<умароков>,
б. Завистник и гордец, холодный С<умароков>,
в. Завистливый гордец, холодный С<умароков>,
[15] *Поправка:* Предрассуждениям обязанный венцом
[16] *Поправка:* во мрачный
[17] *Поправки:* *а.* В бессилии своем отбросить тайно мнит.
б. Бессмертных Гениев сорвать с престолов мнит.
в. Бессмертных Гениев сорвать с Парнасса мнит.
[18] *Поправка:* Критики
[19] *Поправка:* неистовой
[20] *Поправка:* Кто тайно мог пленить

Славянской Глупости не хочет бить челом...[1]
Вм. 95—102 И вы восстаньте же, счастливые певцы,
Прелестных Аонид священные жрецы;[2]
108 И гордых[3] риторов безграмотный собор...
111—112 На цепи указал и ими загремел —[4]
Гонения навек[5] ужель и мой удел?

ОСЕННЕЕ УТРО.

(Стр. 154)

А. Первоначальное чтение ЛТ и Н.

30 Свидетели беспечныя забавы!

Б. Окончательная редакция ЛТ.

Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с милою любви моей мечтой
Последнее исчезло[6] сновиденье.
С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, сияет бледный день —
А вкруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный.
Уже нигде не встретил я прекрасной,[7]
Я не нашел нигде ее следов.[8]

---

[1] *Поправка:* Кто выражается правдивым языком
И русской Глупости не хочет бить челом!.....

[2] *Поправка:* И вы восстаньте же, Парнасские жрецы,
Природой и трудом воспитанны певцы,
В счастливой ереси и Вкуса и Ученья
Разите дерзостных друзей Непросвещенья.
Кто мститель Гения,— друг истинны — поэт!
Лиющая с небес и жизнь и вечный свет,
Стрелою гибели десница Аполлона
Сражает наконец ужасного Пифона.
В ст. 97 последнее слово заменено словом: Науки
В ст. 99 начало исправлено: Отмститель Гения

[3] *Поправка:* Спесивых

[4] *Поправки:* *а.* Оковы указал и ими загремел.
б. И смертный приговор талантом возгремел.

[5] *Поправка:* терпеть

[6] *слетело*

[7] *а.* Оставленных прекрасной
б. Не встретил я прекрасной
в. Уже нигде не встретил я прекрасной
г. У берегов не встретил я прекрасной

[8] *а.* Я не нашел оставленных следов
б. Уже нигде я не нашел следов
в. Я не нашел уже нигде следов
г. Уж не нашел нигде ее следов
Ст. (10) и (11) во всех вариантах шли в обратном порядке. Вначале перед ст. (10) был стих:
а. На зелени поблекнувших лугов
б. Но в зелени поблекнувших лугов
в. На берегу на зелени лугов

Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя незабвенной,
Я звал ее — лишь глас уединенный
Пустых долин [откликнулся] вдали.
К ручью пришел, мечтами привлеченный,
Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них образ несравненной.
Уж нет ее... до сладостной весны
Простился я с блаженством и с душою.—
Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых,[1]
Там день и ночь кружится мертвый лист,
Стоит туман на нивах пожелтелых,
И слышится мгновенный ветра свист.
Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели минувших дней забавы![2]
Забыты вы... до сладостной весны!

РАЗЛУКА.

(Стр. 155)

А. Поправки в ЛТ.

2 Когда в слезах с тобой я расставался
4 К руке твоей устами прикасался,
6 Я заглушал несносную печаль,
1—18 *Позднее вычеркнуты.*
19—20 *а.* Давно ли ты была еще со м<ной>
разлукой
б. О милый друг!
Но я один грущу!
в. О милый друг!
Повсюду я в безмолвии грущу!
24 Лишь о тебе в унынии мечтаю
28 Рассеян я меж юными друзьями
31 Не знает их уже мой хладный взор
35 И лишь тоски ты голос не забыла
38—39 Изобразят уныние любви,
И слушая бряцания твои

Б. Отличия Кв, Дш и Вс.

Заглавие: Уныние *ДШ ВС*
1—18 *Отсутствуют.* *Кв ДШ ВС*
(1—2) О милый друг, повсюду ты со мною,
Но я уныл и втайне я грущу. *Кв*
— О милый друг, расстался я с тобою.

[1] по<желтелых>
[2] Свидетели младенческой забавы.

Уснув душой безмолвно я грущу. Дш
— О милый друг! расстался я с тобою,
Душой уснув безмолвно я грущу. Вс
(5) Я всё тебя, далекий друг, ищу; Дш Вс
(13) Не знает их уже мой хладный взор! Кв Дш Вс
(17) И лишь тоски ты голос не забыла!.. Кв Дш Вс
(20) Изобразят уныние любви Дш Вс
— Изобразят мучения любви Кв
(21) И слушая бряцания твои, Кв Дш Вс

В. Поправки 1825 г. в Вс.

(1) Мой милый друг! расстался я с тобою
(13) Не видит их уже мой хладный взор!
(10—13) *Позднее вычеркнуты.*

Г. Редакция 1825 г. (ЦР по А).

УНЫНИЕ.

Мой милый друг! расстался я с тобою.
Душой уснув, безмолвно я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною,
Я всё тебя, далекий друг, ищу;
Одну тебя везде воспоминаю,
Одну тебя в неверном вижу сне,
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голос слышен мне.

И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой,
И лишь тоски ты голос не забыла!..
О верная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напевы
Изобразят уныние любви,
И слушая бряцания твои
Пускай вздохнут задумчивые девы!

ИСТИННА.

(Стр. 156)

А. Разночтения списков.

1 Недавно мудрые искали Н К
3—4 И долго, долго повторяли
Пустые толки стариков П² Ш

Б. Поправка в ЛТ.

5 Твердили: Истинна святая

НА ПУЧКОВУ.

(«Зачем кричишь ты, что ты дева»).

(Стр. 157)

А. Отличия автографа.

2 На каждом маленьком[1] стихе?
4 Хлопочешь ты об женихе.

ДЯДЕ, НАЗВАВШЕМУ СОЧИНИТЕЛЯ БРАТОМ.

(Стр. 158)

А. Полная редакция.

ПИСЬМО К В. Л. ПУШКИНУ.

Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт,
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный *Вот!*
Тебе, мой дядя, в новый год
Веселья прежнего желанье
И слабый сердца перевод —
В стихах и прозою посланье.

В письме вашем вы назвали меня братом, но я не осмелился назвать вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял,
От рифм бахических шатаясь на Пегасе:
Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет, вы мне совсем не брат:
Вы дядя мой и на Парнасе.

Итак, любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира — можно ли мне надеяться, что вы простите девятимесячную беременность пера ленивейшего из поэтов-племянников?

Да, каюсь я; конечно, перед вами
Совсем неправ, пустынник-рифмоплет;
Он в лености сравнится лишь с богами.
Он виноват и прозой и стихами;
Но *старое* забудьте в *новый* год.

Кажется, что судьбою определены мне только два рода писем — *обещательные* и *извиняющиеся*: первые в начале годовой переписки, а последние при последнем ее издыхании. К тому же приметил я, что и вся она состоит из двух посланий; это мне кажется непростительным.

Но вы, которые умели
Простыми песнями свирели
Красавиц наших воспевать,

[1] *Поправка Илличевского, принятая Пушкиным:* девственном

И с гневной Музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмеять,
И мучить бедного Ослова
Священным Феба языком,
И лоб угрюмый Шутовского
Клеймить единственным стихом!
О вы, которые умели
Любить, обедать и писать —
Скажите искренно — ужели
Вы не умеете прощать?

P. S. Напоминаю себя моим незабвенным; не имею более времени писать; но — надобно ли еще обещать? Простите, вы все, которых любит мое сердце, и которые любите еще меня.

Шапель Андреевич конечно
Меня забыл давным давно,
Но я люблю его сердечно
За то, что любит он беспечно
И пить, и петь свое вино,
И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеяться, право, пресмешно.

1816 г. 22 дек.

Б. Разночтения СО и Дш.

2 стих. часть, ст. 2	бакхических	СО
3 проз. часть	*извинительные*	СО
» » »	все они состоят	СО
» » »	непростительно	СО
4 проз. »	P. S. *отсутствует*	СО
» » »	о себе	СО
» » »	больше времени; но	СО
5 стих. » ст. 1	Шольё Андреевич	СО
» » » » 3	я его люблю	СО
» » » » 5	И петь и пить	Дш
» » » » 8	Смеется	СО

НАЕЗДНИКИ.

(Стр. 159)

А. Первая редакция (автограф).

НАЕЗДНИК.

Глубокой ночи на полях
Давно лежали покрывала,
И слабо в бледных облаках
Звезда пустынная сияла.—
При умирающих огнях

В неверной темноте тумана,
Безмолвно два почили[1] стана,
На помраченных высотах.
Всё спит, лишь бора дальный шопот[2]
Разносится в тиши ночной —
Да слышен издали глухой
Булата звон и конский топот.
Толпа наездников младых
В дубраве едет[3] молчаливо,[4]
Дрожат и пышут кони их;
Главы[5] трясут нетерпеливо.[6]—
Во мраке всадники летят,[7]
Сокрыты ветвей сенью гибкой,[8]
Молчат... и с гордою улыбкой[9]
Усами грозно шевелят...[10]
И бранью лица их горят,[11]
Огнем пылают гневны очи,
Лишь ты, о Юноша-поэт,[12]
Уныл как сумрак полуночи
И бледен как осенний цвет.[13]
С главою, мрачно преклоненной[14]
К теснимой горестью груди,[15]
Мечтой угрюмой[16] увлеченный,
Ты скачешь[17] молча впереди.
— «Певец победы,[18] что с тобою?
Один меж нами[19] ты уныл,
Поник бесстрашною главою,
Бразды и саблю опустил,—
Ужель невольник праздной лени[20]
Отрадней сон твоих полей,[21]

---

[1] *Поправка:* стояли
[2] *Поправка:* лишь волн мятежный ропот
[3] *Поправки:* *а.* скачет *б.* едет
[4] *Поправка:* молчаливой
[5] *Поправка:* Бразды
[6] *Поправка:* Главой трясут нетерпеливой
[7] *Поправки:* *а.* Уж полем всадники летят
б. Уж полем воины летят
[8] *Поправки:* *а.* Дерев покрыты сенью зыбкой
б. Дубравы кров покинув зыбкой...
[9] *Было начато:* Молчат... лишь
[10] *Поправки:* *а.* Сверкает быстро гневный взгляд,
И с гордой шепчутся улыбкой;
б. Усами грозно шевелят
И с гордой шепчутся улыбкой;
[11] *Поправки:* *а.* Бесстрашны лица их горят
б. Их лица радостью горят
[12] *Поправки:* *а.* Лишь ты, о воин и поэт,
б. Лишь ты, воинственный поэт,
[13] *Поправка:* свет!
[14] *Поправка:* наклоненной
[15] *Поправка:* Теснимый горестью в груди
[16] *Поправка:* Печальной думой
[17] *Поправки:* *а.* Он скачет *б.* Он едет
[18] *Поправки:* *а.* бивака *б.* угрюмый
[19] *Поправка:* пред боем
[20] *Поправка:* неги
[21] *Было начато:* Отрадней мир

Чем наши бурные набеги
И ночью бранный стук мечей?...
Пускай стезя войны опасна![1]
Завиден гордый наш удел,
Ужель Герою смерть ужасна,[2]
Но ты средь боев не бледнел;
Тебя мы зрели под мечами
С спокойным дерзостным челом
Всегда меж первыми рядами,
Всё там, где первый[3] падал гром,
И съединен с победным кликом[4]
Твой голос брани радость пел![5]
Но ныне ты... в уныньи диком,[6]
Как беглый[7] ратник онемел. —»

Но медленно певец печальный
Главу младую[8] приподнял,
Взглянул угрюмо в сумрак дальный,
Вздохнул и тихо отвечал.[9]

«Глубокой сон в долине бранной,
Одни мы мчимся в тьме ночной —
Он там,[10] готов удар желанный,
Уже в последний мчусь я бой...[11]
Там ждет[12] меня конец жестокой,
Я на коне влечу в огонь[13] —
Ударит час... и одинокой
В долину выбежит мой конь. — —
О[14] вы, хранимые судьбами
Для мирных[15] жизненных отрад,

---

[1] *Поправка:* Стезя войны пускай опасна!
[2] *Поправки:* *а.* Герой! тебе ли смерть ужасна
б. Тебе ли в поле смерть ужасна
[3] *Поправки:* *а.* битвы *б.* первый
[4] *Поправка:* С победным съединяясь кликом
[5] *Поправки:* *а.* Твой голос <*нрзб.*> песни пел
б. Твой голос наши <*нрзб.*> пел
в. Твой голос наши битвы пел
г. Твой голос наши брани пел
[6] *Поправка:* А ныне — ты в уныньи диком,
[7] *Поправка:* робкой
[8] *Поправка:* Главу и взоры
[9] *Поправка:* И вздохом грудь поколебал.
[10] *Поправка:* Готов
[11] *Было начато:* Лечу в последний
Поправки: *а.* Лечу, лечу в последний бой...
б. Предчувствую последний бой...
[12] *Поправки:* *а.* Он ждет
б. Зовет
[13] *Поправки* *а.* О братья — мы влетим в огонь
б. Покроет битвы нас огонь
в. Покроет брани нас огонь
г. Мы грозно ринемся в огонь
д. Мы сечи ринемся в огонь
е. Мы на конях влетим в огонь
ж. Нас брани огонь
[14] *Поправка:* А
[15] *Поправки:* *а.* счастья
б. тихих

Скажите, милая слезами
Благословит ли ваш возврат?[1]

А[2] вы, которые костями
Сей[3] ночью ляжете со мной —
Скажите — милая слезами
Ваш усладит ли сон немой? —
Но я[4]... напрасно сердце дышит,
Настанет сердцу тишина...[5]
Он пал! Эльвина вдруг услышит[6]
И тайно не вздохнет она...[7]
За чашей сладкого спасенья
О братья, вспомните[8] певца.
Его любовь, его мученья
И грозный час его конца»...[9]

Умолк — и мчится в бой кровавый.
Уже не возвратился он...[10]
[С его конем] на поле — славы —[11]
Его покрыл безвестный сон —
И утром мрачного[12] поэта
Наездники в веселый час
За чашей дружнего привета
В последний вспомянули раз.

Б. Первоначальные чтения в ЛТ.

6 *а.* В неверной синеве тумана
б. В волнах неверного тумана
11 Да слышен издали глухой
19 Усами грозно шевелят
56 Готов, готов удар желанный

---

[1] *Поправка:* Счастливцы, <милыя> слезами
Благословится ваш возврат?
Ст. (62—65) перенесены между ст. (73 и 74).
[2] *Поправка:* О
[3] *Было начато:* На в<еки>
[4] *Поправки: а.* Увы *б.* Ах я!.. *в.* Но я...
[5] *Поправки: а.* Наступит хлад и тишина
б. Его тишина
в. [Наступит] хлад и тишина
[6] *Поправка:* Эльвина скоро весть услышит!
[7] *Поправка:* Он пал... и не вздохнет она
После этого стиха вставляются ст. (62—65).
[8] *Поправка:* вспомните ж
[9] *Поправка:* И славу грозного конца...
[10] *Было начато:* Не возвратится
[11] *Было начато:* И — на поле славы
Поправка: а. С его конем на поле славы
б. С товарищем на поле славы
в. На поле — ..славы
[12] *Поправка:* юного

В. Поправки в ЛТ.

6 Среди неверного тумана
18 Дубравы кров оставя зыбкой,
30 Певец печальный, что с тобою?
36 Отрадней мир твоих полей
38—41 *а.* Одна стезя войны прекрасна,
Завиден гордый наш удел.
Тебе ли браней смерть ужасна?[1]
Ты ввек средь боев не бледнел.
б. Вычеркнуты.
60 *а.* Готов удар — и одинокой
б. Влечу грозой — и одинокой
в. Удар падет — и одинокой
62—65 *а.* О вы, которым здесь со мною
Предел могилы положен,
[Скажите]: милая тоскою
Ваш усладит ли долгой сон?
б. О вы, хранимые Судьбами
Для мирных сладостных наград, [2]
Пускай любовницы слезами[3]
Благословится ваш возврат!
66—69 Но для певца никто не дышит,
Его настигнет тишина...
Эльвина смерти весть услышит
И не вздохнет об нем она.—
70—73 *Перенесены выше на место (62—65).*
74 [За чашей сладкого] спасенья

Г. Редакция 1825 г. (по тетради Всеволожского)

Уж полем всадники спешат,[4]
Дубравы кров покинув зыбкой,
Коней ласкают и смирят,
И с гордой шепчутся улыбкой;
Сердца их[5] радостью горят,
Огнем пылают гневны очи:
Лишь ты, воинственный поэт,
Уныл как сумрак полуночи
И бледен как осенний свет.
С главою мрачно преклоненной,
С укрытой горестью в груди
Печальной думой увлеченный,
Он едет молча впереди.
«Певец печальный, что с тобою?
Один пред боем ты уныл,
Поник бесстрашною главою,

---

[1] *а.* Тебе ли смертный миг ужасен?
б. Тебе ли в битвах смерть ужасна?
[2] Для сладостных любви наград,
[3] *а.* Да   любви слезами
б. Пусть ваша милая слезами
[4] *Ст. 1—16, предшествующие этому стихи, зачеркнуты. Вар. ст. 6:*
Среди неверного тумана
[5] Их лица

Бразды и саблю опустил.
Тебя ль[1] мы зрели под мечами
С спокойным дерзостным челом
Всегда меж первыми рядами
Всё там, где битвы падал гром.
Ужель, невольник праздной неги,
Отрадней мир твоих полей,
Чем наши бурные набеги
И ночью бранный стук мечей?»[2]
Но медленно певец печальный
Главу и взоры приподнял,
Взглянул угрюмо в сумрак дальный
И вздохом грудь поколебал.
«Глубокой сон в долине бранной;
Одни мы мчимся в тьме ночной.
Предчувствую конец желанный,
Меня зовет последний бой.
Расторгну цепь судьбы жестокой;
Влечу я с братьями в огонь;
Удар падет.... и одинокой
В долину выбежит мой конь...
О вы, хранимые судьбами
Для сладостных любви наград;
Любви бесценными слезами
Благословится ль ваш возврат.
Но для певца никто не дышит,
Его настигнет тишина;
Эльвина смерти весть услышит
И не вздохнет об нем она.....
В минуты сладкого спасенья,
О други, вспомните певца,
Его любовь, его мученья
И славу грозного конца».

ЭЛЕГИЯ.

(«Счастлив кто в страсти»).

(Стр. 161)

А. Первоначальное чтение ЛТ, варианты Н и Д.

5—6 Кому луны туманный луч
В полночи светит сладострастной *ЛТ Н Д*
8 Во тьме отворит дверь прекрасной *Н*
10 Отрады милых наслаждений; *Д*
13 В печали младость пролетит, *Д*

---

[1] Тебя

[2] *Порядок стихов был: (22—25), (18—21). Стихи, следующие за ст. (25), зачеркнуты:*

Соединясь с победным кликом
Твой голос нашу славу пел;
А ныне — ты в уныньи диком,
Как беглый ратник онемел».

Первый из этих стихов читался:

С победным съединяясь кликом

Б. Поправки в ЛТ.

3—4 *а.* Кто верит судьбе,
Кого надежда лелеет;
б. Кого в неведомой судьбе
Надежда тихая[1] лелеет;
5—8 *Вычеркнуты.*
14 И с ней увянут жизни розы,
16 Любви не позабуду слезы! —

МЕСЯЦ.

(Стр. 162)

Поправки в ЛТ, разночтения Вс и ЦР.

3 *а.* Зачем на ложе сквозь окна
б. И на подушки сквозь окна *ЛТ*
8 И строгим разумом моим *Вс (а) ЦР*
15 Сквозь темный завес проницало *ЛТ Вс ЦР*
17 Красу возлюбленной моей *ЦР (а)*
18—21 *Вычеркнуты* *ЛТ*
— *Отсутствуют.* *Вс ЦР*

ПЕВЕЦ.

(Стр. 163)

Разночтения рукописей.

4 Свирели звук унывный и простой *Д М ЛТ*
8 Прискорбную ль улыбку примечали *Г*
— Прискорбия ль улыбку замечали *М*
8—9 *а.* Улыбку ль <*нрзб.*> замечали
Иль тихий взор, исполненный тоской, *ЛТ*
б. Следы ли слез, улыбку <ль> замечали
Иль[2] тихий взор, исполненный тоской, *ЛТ*
10 Встречали ль вы? *Г Д ЛТ*
13 Когда в полях вы юношу видали, *Г П[2]*

Позднейшие тексты стихотворения см. во II томе.

---

[1] *а.* ве<чная> *б.* робкая *в.* сл<адкая>
[2] И

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

К СНУ.

(Стр. 164)

Работа над стихотворением в ЛТ.

А.

1—5 Где ты, знакомец мой старинный?
Где ты, хранитель верный мой?
Где ты? Под кровлею пустынной
Мне ложе стелет уж покой
В безмолвной тишине ночной.

Б.

Вм. 1—5 *а.* Знакомец милый и старинный,
О сон, любимец верный мой!
Где ты? введи под кров пустынный[1]
Давно потерянный покой.
б. *Вычеркнуты.*
11 Разлуки страшный приговор,

В.

Вм. 1—5 [Приди, знакомец мой старинный,
О сон, хранитель верный мой,
[И приведи] под кров пустынный
Давно потерянный покой.]

Позднейшие тексты стихотворения см. во II томе (К Морфею).

СЛОВО МИЛОЙ.

(Стр. 165)

А. Вариант копии Н.

9 Волшебней песен, петых Лилой.

Б. Вторая редакция в ЛТ.

Я Лилу слушал у клавира;
Она приятнее поет,
Чем соловей близ тихих вод
Или полунощная лира.[2]
Упали слезы из очей,
И я сказал певице милой: —
Прелестен[3] голос твой унылый,
Но слово милыя моей
Прелестней[4] томных песен Лилы.

---

[1] *Позднее стих начат: Приди, Морфей*
[2] *а.* Чем дальная лира,
б. Чем н<очью веянье Зефира>.
[3] Приятен
[4] Приятней

ЭЛЕГИЯ.

(«Я видел смерть»).

(Стр. 168)

А. Поправки в ЛТ.

Заглавие: Элегия
Подзаголовок: Подражание
1 Я видел смерть; она безмолвно села
Вм. 4—11 *а.* К нему душа[1] с надеждой полетела.
Протекшей[2] младости моей
Никто, никто следов уж не приметит;
Последний взор моих очей
Луча бессмертия не встретит,
И потухающий светильник юных дней
Ничтожества спокойный мрак осветит.
б. К нему душа с надеждой полетела.
Протекшей младости моей
Никто, никто следов пустынных не заметит,
И взора милого не встретит
Последний взор моих очей.
15 Где жизнь меня не утешала
17 Прости, родных небес завеса,
18 *а* Немая ночи тень, зари веселый час!
б Ночная тень, денницы сладкий час!
в Ночная тень, веселый утра час!
19 *а* Любимые холмы, ручья знакомый глас,
б Знакомые холмы, ручья любимый глас,
20 *а* Извивы мрачные таинственного леса
б Вы, сени тихие таинственного леса
23 Предметом вечных слез и горестей залогом,
Вм 24—27 *а* Прости! всё кончилось... безумный пламень мой
И гаснет и теряет силу —
Схожу я в хладную могилу,
И [смерти] сумрак роковой
[С мученьями] любви покроет жизнь унылу.
б. Прости! всё кончилось... безумный пламень мой
Теряет наконец мучительную силу.
Я быстро нисхожу в отрадную могилу[3]
С последней радостью, с последнею слезой<?>
29 Едва дыша, томясь еще желаньем
31 *а* Когда вздохну в немом изнеможеньи
б. Когда вздохну с последним содроганьем
33 Скажите ей: погас наш друг печальный
35 Она вздохнет над [урной] [погребальной].

---

[1] душа моя <?>
[2] Минутной
[3] *а.* Схожу в отрадную могилу
б. Я гасну, я схожу в отрадную могилу

Б. Редакция 1819 г. (Вс).

ПОДРАЖАНИЕ.

Я видел смерть: она безмолвно села
У мирного порога моего.
Я видел гроб: открылась дверь его;
К нему душа с надеждой полетела.
Протекшей младости моей
Никто, никто следов пустынных не приметит,
И взора милого не встретит
Последний взор моих очей.
. . . .
. . . .
Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала,
Где жизнь меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя.
Прости, родных небес спокойная завеса,
Прости, ночная тень и сладкий утра час,
Любимые холмы, ручья знакомый глас,
Вы, сени мирные таинственного леса
И всё..... прости в последний раз!
А ты, которая была мне в мире богом,
Предметом вечных слез и горестей залогом,
— Прости..... всё кончилось! безумный пламень мой
Теряет наконец мучительную силу —
Я быстро нисхожу в готовую могилу
С последней радостью, с последнею тоской.

В. Отличие копий Ш и Тр от Вс.

Заглавие: *а.* Подражание
б. Прощание *Ш*
(13) Где вера тихая меня не утешала! *Ш*
(21) Я быстро нисхожу в отверстую могилу *Ш*
(21) И быстро нисхожу в готовую могилу *Тр*

Г. Поправки весны 1825 г. в Вс.

(15—19) Небес лазурная завеса,
Ты, утро — вдохновенья час,[1]
Любимые [2] холмы, ручья знакомый глас,
Вы, тени мирные таинственного леса,
И всё — прости в последний раз!
(20—25) *Зачеркнуты.*

Д. Редакция осени 1825 г. (ЦР).

ПОДРАЖАНИЕ.

Я видел смерть; она сидела
У тихого порога моего.
Я видел гроб; открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетела...

---

[1] *Было намечено:* Ночи   мирный час
[2] Знакомые

Элегия ("Я видел смерть"). Автограф 1817 г. с позднейшими поправками.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва. Тетрадь № 2364, л. 40 об.

Умру — и младости моей
Никто следов пустынных не заметит,
И взора милого не встретит
Последний взор моих очей.

. . . .

Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала,
Где жизнь меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!
Небес лазурная завеса,
Любимые холмы, ручья веселый глас,
Ты утро — вдохновенья час,
Вы, тени мирные таинственного леса,
И всё — прости в последний раз.

ЖЕЛАНИЕ.

(«Медлительно влекутся дни мои»).

(Стр. 169)

А. Поправки в ЛТ и разночтения Вс.

Заглавие: У н ы н ь е — *ЛТ*
2 И каждый миг в увядшем сердце множит — *ЛТ Вс*
4 И тяжкое безумие тревожит. — *ЛТ Вс*
7 Моя душа, объятая тоской, — *ЛТ Вс*
8 В[не<й>] горькое находит наслажденье — *ЛТ*
9 О жизни сон! лети, не жаль тебя, — *ЛТ Вс*

Б. Поправка 1825 г. (Вс).

4 И мрачное безумие тревожит;

Окончательная редакция 1825 г. (Вс).

ЖЕЛАНИЕ.

Я слезы лью; мне слезы утешенье,
И я молчу; не слышен ропот мой,
Моя душа, объятая тоской,
В ней горькое находит наслажденье.
О жизни сон! Лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру любя!

ДРУЗЬЯМ.

(«К чему веселые друзья»).

(Стр. 170)

А. Первые шестнадцать стихов первой редакции (Гр[1]).

Среди беседы вашей шумной
Один уныл и мрачен я...
На пир раздольный и безумный
Не призывайте вы меня.
Любил и я когда-то с вами
Под звон бокалов пировать
И гармонически стихами
Пиров веселье воспевать.
Но пролетел миг упоений,—
Я радость светлую забыл,
Меня печали мрачный гений
Крылами черными покрыл...
Не кличьте ж вы меня с собою
Под звон бокалов пировать:
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.

Б. Разночтение Н с ЛТ.

5 Напрасно лиру взял я в руки. *Н*

В. Поправки в ЛТ и варианты Вс.

3 Пропев последнее прощанье *Вс*
8 Будил[1] потерянные звуки *ЛТ*
— Будил умолкнувшие звуки *Вс*
10 Веселы дни, веселы ночи *ЛТ*
11—12 И дев на вас устремлены
Огнем исполненные очи; *ЛТ(а)*
— И томных дев устремлены
На вас внимательные очи; *ЛТ(б)Вс*

Г. Поправка в Вс (1825 г.).

7 И на отвыкнувших струнах

Позднейшие тексты стихотворения см. во II томе.

[1] *Вариант Жуковского, принятый Пушкиным.*

ЭЛЕГИЯ.

(«Я думал, что любовь погасла навсегда»).

(Стр. 171)

А. Первоначальное чтение ЛТ.

Вм. 38—41 Брось одного меня в бесчувственной природе,
Позволь еще заснуть и в тягостных цепях
Мечтать о сладостной свободе.

Б. Поправки в ЛТ.

5—6 *а.* Я мнил, покоясь у   берегов,
Уж издали смотреть, указывать рукою
б. С беспечной думою покоясь у брегов,
Уж издали смотрел, указывал рукою
7 На парус бедственных пловцов
8 *а.* Носимых по волнам грозою,
б. Носимых гибельной грозою
9—10 Я говорил: стократ блажен,
Чей век свободою прекрасный
13 Кто пламенем любви напрасной
14   страшный плен
15 О боги, сколь счастливей [1] боле
16—17   цепь мучений разорвал
Опять я дружбы — я на воле
20 О что я говорил ..... несчастный!
27 [Веселье], Вакха и Дельфиру

НАСЛАЖДЕНЬЕ.

(Стр. 172)

Первоначальные чтения автографа.

8 *а.* Со мной и тени счастья нет.—
б. И тени счастья в сердце нет.—
12 *а.* И вслед за призраком летел.
б. Но я за тенью полетел.
13—16 *а.* Туманов окруженный тьмою,
Бродил один — и наконец,
Любви дав руку со слезою,
Сказал: веди меня, слепец!
б. Стремился быстро за мечтою,[2]
Стих неразборчив.

---

[1] блаженней
[2] *а.* Стремился резво за мечтами
б. Стремился резво за мечтою

Любви дав руку, я с тоскою[1]
Сказал: веди меня, слепец!
в. И вдруг прелестная. нагая
небесной чистотой[2]
Явилась дружба молодая
И полетела предо мной.
17 Люблю... но цели отдаленной

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК.

(Стр. 174)

А. Первоначальное чтение 1816 г. (ЛТ, Г и П^2).

18 Давни жрецы!

Б. Поправки 1819 г. в ЛТ.

1 Кубок тяжелый
3 Пеною белой
7 Но за кого же
9—12 Здравие славы
Выпью ли я?
Бранной забавы[3]
Мы не друзья!
16 *а.* Крови бежит.
б. Грома бежит.
17—20 Жители неба,
Феба жрецы!
Здравие Феба
Пейте певцы!
24 Просто вода.

В. Отличие Вс от последнего чтения ЛТ.

1 Кубок веселый

Г. Поправки 1825 г. в Вс.

1 Кубок янтарный
3 Пеной угарной

---

[1] Любви дав руку, я с слезами
[2] *Было: а. Начато:* С мла<дой> <?>
б. В слезах, с волшеб<ной> чистотой
в. прелестной красотой
г. небесной красотой
[3] Браней забавы

ПОСЛАНИЕ ЛИДЕ.

(Стр. 175)

Варианты автографа (ЛТ) и М.

6 Улыбка, взоры, милый тон *ЛТ М*
11 Любви венок[1] и лиры звон. *ЛТ*
28 Но он мне, слышите ль, не нужен *ЛТ М*
38 Он в жизни жил, он был умен[2] *ЛТ М*

АМУР И ГИМЕНЕЙ.

(Стр. 177)

А. Первоначальное чтение в ЛТ.

46—47 С тех пор таинственные взоры
Его не страшны красотам

Б. Поправки в ЛТ.

8 *а.* И вздумал ветреник лукавый
б. Задумал ветреник лукавый
11—14 Дурачество ведет Эрота,
Но вдруг, не знаю почему,
К дурачеству прошла охота;
Оно наскучило ему —
15 Взялся за новую затею,
26 Спокойно подремать не мог;
46—49 Гимена грустные дозоры
С тех пор пресеклись по ночам,
Его таинственные взоры
Теперь не страшны красотам.

Позднейшие тексты стихотворения см. во II томе.

ФИАЛ АНАКРЕОНА.

(Стр. 179)

А. Поправки в ЛТ.

Вм. 6—7 Вином он был наполнен
13 Печального Амура —
20—28 Не хочешь ли зачерпнуть,
Да ручкой не достанешь?
—«Нет, отвечал малютка,
Играя,[3] в это море

[1] *Поправка:* Венок любви
[2] *Было начато:* Он в м<ире жил, он был умен> *М*
[3] Резвяся

Колчан и лук и стрелы[1]
Я уронил, и факел[2]
Погас в волнах багряных,[3]
Вон, вон на дне блистают;
Я плавать не умею,

Б. Разночтения копий Н и К.

2 Ходил я в давний Пафос
6 Он был тогда наполнен
9 Холодный плющ и мирты,
21 Тебе златого соку
29 Ах жалко мне — послушай,
Вм. 33 Пускай там остаются.
Тем лучше для меня!

К ШИШКОВУ.

(Стр. 180)

А. Первоначальное чтение в ЛТ.

1 Певец, увенчанный Эратой и Венерой,

Б. Поправки в ЛТ

6 С их лирой соглашать игривую свирель:
12 *а.* Ты гимны сладкие любви,
б. Ты гимны счастливой любви,
14 Красавицы младой упорство, трепетанье,
Вм. 18—28 а. Пой, в неге устремив на друга томны очи,
Тебе подвластные красы,
В ее объятиях исчезнувшие ночи,[4]
Любви бесценные часы.[5]
Мой друг, *она* твоя, *она* твоя награда,
Таинственной любви бесценная отрада!
Но мне ли радость воспевать,
Когда гнетет меня страданье,
Когда на каждый стих, на каждое мечтанье[6]
Унынье черную кладет свою печать.
Но я[7] ..... Друзей любить открытою душою,
б. Ст. 22—27 вычеркнуты.
33—40 Не вечно нежиться в приятном ослепленьи,
Уж хладной истинны докучный вижу свет.

---

[1] Мой лук, колчан и стрелы
[2] Все бросил [ненарочно] —
[3] *а.* Погас в шипящ<ей влаге (?)>
б. Погас в волнах шипящих
[4] *Позднейшая поправка:* В объятиях Лаис утраченные ночи,
[5] Блаженства <*нрзб.*> часы.
[6] Когда на каждое душевное мечтанье
[7] А я?..

По доброте души я верил в упоеньи
Обманчивой Мечте, шепнувшей: ты поэт —
И, презря мудрости угрозы и советы,
С небрежной леностью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил,
Угодник Бахуса я с трезвыми друзьями
Вм. 45—54 *а.* И даже,— каюсь я,— пустынник согрешил.—
Простите мне мой страшный грех, поэты,
Я написал придворные куплеты,
Кадилом дерзостным я счастию кадил.[1]
Но скрылись от меня Парнасские забавы!..
Недолго был я усыплен,
Недолго снились мне мечтанья Муз и Славы,
И строгим *опытом* невольно пробужден —
б. Но долго ль юношу лелеял Аполлон?
Не долго снились мне мечтанья Муз и Славы,
Душе наскучили Парнасские забавы,
И строгим *опытом* невольно пробужден,
58 Сравнил свои стихи с твоими — улыбнулся —

Позднейшие тексты стихотворения см. во II томе.

ПРОБУЖДЕНИЕ.

(Стр. 182)

Разночтения Вс.

21 Пусть утомленный
25 Вновь упоенный.

Позднейшие тексты стихотворения см. во II томе.

---

[1] Своей кадильницей я счастию кадил.

1817.

К КАВЕРИНУ.

(Стр. 185)

А. Отличия второй редакции (автограф Мч)

4 Твои счастливые грехи
6 Похвально, может быть; но ни тебе, ни мне:
10—13 *Отсутствуют.*
14 и 15 *Переставлены.*
18 Насытясь жизнию у младости в гостях
19 *а.* Простимся как друзья с Веселостью шумливой,
б. Простимся на всегда с Веселостью шумливой,
20 С Венерой пламенной и Негой прихотливой
22 И хладной старости дождемся терпеливо.
23 Теперь с беспечностью живи,
29 С стихами, картами, Невтоном и бокалом,
31 *а.* И ум возвышенный и сердце можно скрыть.
б. И ум возвышенный и сердце можем скрыть.

Б. Разночтения копии Ш от автографа Мч.

19 Простимся на всегда с беспечностью игривой;
23 Теперь с веселостью живи.
24 Люби друзей, храни о них воспоминанье,
31 И ум возвышенный и сердце можно скрыть.

В. Текст переработки 1819 г. (автограф пяти стихов ЛТ).

18—22 У резвой Младости не вечно мы в гостях
Не долго знаться нам с беспечностью игривой[1]
С Венерой пламенной и с негой прихотливой[2]
Вздохнем об них как о друзьях
И старости дождемся молчаливо.[3]

Позднейшие тексты стихотворения см. во II томе.

---

[1] Не долго знаться нам с Весельем прихотливым
[2] С Венерой пылкою и с [Вакх] Бахусом шумливым
[3] И старость удивим поклоном молчаливым.

ЭЛЕГИЯ.

(«Опять я ваш»).

(Стр. 186)

А. Вторая редакция (последнее чтение ЛТ).

Опять я ваш, о юные друзья!
Печальные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки.
Ваш резвый круг увидел снова я.
Всё те же вы — но время уж не то же:
Уже не вы душе всего дороже,[1]
Уж я не тот.... невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
На век ушла — и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной. —
Отверженный судьбой несправедливой,
И ласки Муз, и радость[2] и покой,
Я всё забыл; печали молчаливой
Рука лежит над юною главой...
Перед собой одну печаль я вижу! —
Мне скучен мир, мне страшен дневный свет,
Иду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак — я радость ненавижу,
Во мне застыл ее минутный след.
Чтоб отогнать[3] угрюмые страданья,
Напрасно вы несете лиру мне:
[Минувших дней] погаснули мечтанья,
И умер глас в бесчувственной струне.
Опали вы, листы вчерашней розы!
Не доцвели до завтрашних лучей.
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольно льются слезы,
И вяну я на темном утре дней.

О дружество! предай меня забвенью;
В безмолвии покорствую судьбам,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустыням и слезам.

Б. Вариант копии Н.

25 Всё кончилось, одну печаль я вижу:

---

[1] Уже не вы всего ему дороже,
[2] резвость
[3] *а.* усыпить *б.* разогнать

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ.

(Стр. 187)

А. Разночтения первой редакции (по АГ) со второй (АГрч).

1 Лила,[1] друг мой неизменный,
11 Иногда я примечаю
Вм. 21—40 Верь: для узников могилы[2]
Лишь забвенья мертвый сон —[3]
Им не мил уж голос милый,
Им не слышен[4] скорби стон.
Рано твой супруг мгновенный[5]
Вздохом смерти воздохнул
И любовью[6] упоенный
На груди твоей уснул. —[7]
Спит увенчанный счастливец,
Скоро взор сомкнем и мы.[8]
Но[9] разгневанный ревнивец
Из пустынной гроба тьмы[10]
Не воскреснет уж с упреком. —
Не увидишь в ночь и день
В доме тихом одиноком
Ты завистливую тень.[11]

Вставка после ст. (24).

Не для них весенни розы,[12]
Сладость утра, шум пиров,
Откровенной дружбы слезы
И любовниц робкий зов.

Переработка последних четырех стихов.

а. И в безмолвии глубоком,[13]
В ночь покинув гроба сень,
Не застанет уж с упреком

---

[1] *Поправка:* Лида
[2] *Поправка:* Верь мне: [узника] узников могилы
[3] *Поправка:* [Уж] Там объемлет вечный сон —
[4] *Поправки: а.* И не слышен *б.* Не прискорбен
После ст. (24) вставлено четыре стиха. См. их дальше.
[5] *Поправка:* Рано друг твой незабвенный
[6] *Поправка:* блаженством
[7] *Поправка:* заснул
[8] *Поправки: а.* Насладился, — живы мы
б. Милый друг, — невинны мы!
в. Вечный друг!... невинны мы!
г. Верь любви!... невинны мы!
[9] *Поправки: а. И б.* Нет,
[10] *Поправка:* Не придет из вечной тьмы,
[11] *Переработку последних четырех стихов см. дальше.*
[12] *Поправки: а.* Всё забыто! — вешни розы,
б. Им напрасны вешни розы,
[13] *Было: а. Начато* Ночи в миг
б. Начато: Ночью
в. Начато: В миг безмолвия

Нас завистливая тень.[1]
б. Огнь не вспыхнет, гром не грянет,
И завистливая тень,
В головах[2] во мгле не станет,
Вызывая[3] ранний день.
в. Тихой ночью гром не грянет,
И завистливая тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

Б. Переработка второй редакции (ЛТ).

1—4 а. Лида, друг мой неизменный,
Почему сквозь легкой сон
Страстью пылкой утомленный
Слышу я твой тихой стон?
б. Лида, друг мой неизменный,
Почему вчера сквозь сон
Наслажденьем утомленный
Слышал я твой тихой стон?
в. Лида, друг мой неизменный,
Почему сквозь тонкой сон
Наслажденьем утомленный
Слышу я твой тихой стон?
Вм. 5—12 Почему, когда сгораю[4]
В неге пламенной любви,
Иногда я примечаю
Слезы тайные твои?
18—19 Всё ли слезы проливать,
Всё ли мертвого супруга
22 Беспробуден хладный сон
25 а Не для них веселья розы,
б. Не для них надгробны розы
27 Дружбы искренние слезы
29—32 Рано друг твой незабвенный
Встретил   смертный час
И блаженством упоенный
На груди твоей погас.
35 Нет, <завистливый> ревнивец
38 И разгневанная тень

[1] *Поправки:* а. Не увидим у постели
Мы завистливую тень.
б. Устрашать во мгле не [будет] станет
Нас завистливая тень.

[2] *Было начато:* У возглавия

[3] *Было начато:* Ожидая

[4] *Было начато:* Почему как у<мираю>
В сперва зачеркнутых ст. 5—12 ст. 9—10 были исправлены:
Почему как умираю
В неге пламенной любви

БЕЗВЕРИЕ.

(Стр. 188)

А. Разночтения текста «Трудов» (ТО) и копии Пш от ЛТ.

3 Бежите с ужасом того, кто с первых лет *ТО Пш*
5—6 Которого вся жизнь есть мрак и исступленье:
Восплачьте вы о нем, имейте сожаленье! — *ТО*
7—10 *Отсутствуют.* *ТО*
14 В беседе с дружеством, иль с темною мечтою *ТО*
15—18 *Отсутствуют.* *ТО*
21 То горьки слезы льет: то — раб страстей, волненья — *ТО*
28 Отымется ли вдруг минутный счастья дар: *ТО*
29 В любви ли, дружестве ль обнимет он измену *ТО*
30 И невозвратную он им узнает цену: *ТО*
— И их узнает он всю истинную цену? *Пш*
32 Уж видит с трепетом, что в мире он один; *ТО Пш*
35 Несчастные страстей и немощей сыны, *ТО*
38 Наш век неверный день: смерть быстрое затменье. — *ТО Пш*
39 Когда холодна тьма объемлет грозно нас, *ТО*
43 Тогда беседуя с оставленной душой, *ТО*
47 Но другу пережить ужаснее друзей *Пш*
49 Живит унылый дух и сердца ожиданье; *ТО*
51 А он, слепый мудрец! у гроба стонет он. *ТО*
53 Надежды тихого не внемлет он привета: *ТО*
58 Где Делии его таится пепел милый? *ТО*
— Где друга верного таится пепел милый... *Пш*
61—64 *Отсутствуют.* *ТО Пш*
65 Один, с отчаяньем, в слезах ожесточенья, *ТО Пш*
74 Всё тихо; но она — как кажется — внимает. *ТО*
— Всё тихо вкруг нее — а кажется внимает... *Пш*
75 Несчастный на нее в безмолвствии глядит, *ТО*
76 Поникнул головой, трепещет и бежит; *ТО Пш*
77 Спешит он далее, но в след унынья бродит. — *ТО*
78 Во храм всевышнего с толпой он молча входит; *ТО*
80 При древнем торжестве священных олтарей, *ТО Пш*
82 Тревожится его безверное мученье. *ТО Пш*
85 Холодный ко всему, и чуждый умиленью, *ТО Пш*
87 «Счастливец! — мыслит он — почто не можно мне, *ТО*
89 Забыв об разуме и немощном и строгом *Пш*
92 Ему сей тайны знать: безверие одно, *ТО Пш*
94 Несчастного влечет до вечных врат могилы! *ТО Пш*
95—96 *Отсутствуют.* *ТО*
96 Кто ведает... Но там он видит лишь покой. *Пш*

Б. Исправления в ЛТ.

7 *а.* С душою кр<откою> внемлите брата стон,
б. С душою любящей внемлите брата стон,

в. С душою тронутой внемлите брата стон,
11—22 *Вычеркнуты.*
23—26 *Перенесены между ст. 34 и 35.*
41 а. Ужасно чувствовать последних мыслей муку —
б. Ужасно чувствовать надежд последних муку —
в. Ужасно чувствовать слезы последней муку
43 Тогда, беседуя с раскованной душой,
52 С отрадой бытия несчастный разлучен
61—64 *Вычеркнуты.*
65 В слезах отчаянья, в слезах ожесточенья
66 а. Он стонет и меж тем под сенью темных ив
б. Рыдает и меж тем под сенью темных ив
79 Там умножает он <?> тоску души своей.

В. Редакция конца 1819 г. (Вс).

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленье.
Имеет право он на ваше снисхожденье.
С душою тронутой, внемлите брата стон,
Несчастный не злодей, собою страждет он.
Кто в мире усладит души его мученья?
Увы! он первого лишился утешенья!
Настигнет ли его глухих судеб удар,
Отъемлется ли вдруг минутный счастья дар,
В любви ли, в дружестве обнимет он измену
И их почувствует обманчивую цену:
Лишенный всех опор отпадший веры сын
Уж видит с ужасом, что в свете он один,
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира.....
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вкруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет божества, а сердце не находит.

Несчастия, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб родясь осуждены.
Всечасно бренных уз готово разрушенье,
Наш век — неверный день, минутное волненье,
Когда холодной тьмой объемля грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час,
Ужасно чувствовать слезы последней муку —
И с миром начинать безвестную разлуку!

Тогда беседуя с раскованной душой,
О вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь,
И ободренную с надеждой отпускаешь —
Но други! пережить ужаснее друзей!
Лишь вера в тишине отрадою своей

Живит унывший дух и сердца ожиданье:
«Настанет, говорит, назначено свиданье!»
А он, слепой мудрец! при гробе стонет он,
С отрадой бытия несчастный разлучен,
Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает.... нет ответа.
Видали ль вы его в безмолвных тех местах,
Где кровных и друзей священный тлеет прах?
Видали ль вы его над хладною могилой,
Где нежной Делии таится пепел милый?
К почившим позванный вечерней тишиной,
К кресту приникнул он бесчувственной главой,
В слезах отчаянья, в слезах ожесточенья,
В молчаньи ужаса, в безумстве исступленья,
Рыдает — и меж тем под сенью темных ив
У гроба матери колена преклонив,
Там дева юная в печали безмятежной
Возводит к небу взор болезненный и нежный,
Одна туманною луной озарена,
Как ангел горести является она;
Вздыхает медленно, могилу обнимает —
Всё тихо вкруг нее, а кажется, внимает.
Несчастный на нее в безмолвии глядит,
Качает головой, трепещет и бежит;
Но тайно вслед за ним немая скука бродит.
Во храм ли вышнего с толпой народа входит,
Там умножает он тоску души своей.
При пышном торжестве священных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,
Тревожится его безверия мученье;
Он бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью
С досадой тихому внимает он моленью.
«Счастливцы! мыслит он, почто не можно мне,
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном и строгом,
С единой верою повергнуться пред богом!»
Напрасный сердца крик! нет, нет! не суждено
Ему блаженство знать! безверие одно
По жизненной стезе во мраке вождь унылый
Несчастного влечет до хладных врат могилы,
И что зовет его в пустыне гробовой —
Кто ведает? но там лишь видит он покой.

Г. Отличия копий Ш, Пм и Гл от Вс

(3) Бежите в ужасе того, кто с давных лет — *Пм*
(9) Кто в мире усладит души его мученья? — *Пм*
(11) Постигнет ли его глухих судеб удар — *Пм*
(13) В любви ли, в дружестве ль обнимет он измену — *Пм Гл*
(16) Со страхом узнает что в свете он *один*, — *Ш Гл*
— Со страхом узнает, что в мире он один — *Пм*

(21) Напрасно вкруг себя он взор печально водит, *Пм*
(31) Всегда, беседуя с раскованной душой, *Пм*
(37) Живит унылый дух и сердца ожиданье, *Пм*
(48) К кресту приникнув он бесчувственной
главой, *Ш*
(58) Всё тихо вкруг ее, а кажется внимает *Ш Гл*
— Всё тихо вкруг ее, и кажется внимает *Пм*
(61) Но только вслед ему немая скука бродит *Пм*
(64) При пышном торжестве старинных алтарей *Ш Пм Гл*
(66) Тревожит всё его безверия мученье; *Ш Пм Гл*
(69) Холодный ко всему и чуждый умиленью *Ш Пм Гл*
(74) С одной лишь верою повергнуться пред
богом!» *Ш Пм Гл*
(78) Влечет несчастного до хладных врат могилы, *Ш Пм Гл*

К ДЕЛЬВИГУ.

(«Блажен, кто с юных лет»).

(Стр. 190)

Разночтения копий первой редакции с Н.

Между 12 и 13 Певец! в безвестности глухой
Живи под дружественной сенью;
Страшись увидеть свет; неопытной душой
Не жертвуй ослепленью!
Воспитанный в тиши, не зная грозных бед,
С любовью, дружеством и ленью
В уединении ты счастлив,— ты поэт!
Но для меня прошли, увяли наслажденья! *Я Дл²*
17 Ребенок, лирный звук я чувствовать умел; *Я*
— Ребенком лирный звук я чувствовать умел; *Дл²*
21 Сияя тихою красою *Я Дл²*
Между 24 и 25 И были дни мои посвящены покою. *Я Дл²*
25 Но всё прошло навек, и скрылись в темну даль *Я*
— *а.* Но всё прошло, и скрылись в темну даль
б. Но всё прошло навек, сокрылись в темну даль *Дл²*
29 Так рано зависти увидеть взор кровавый *Дл²*
34 Исчез души священный жар! *Дл²*
35 Забвенью сладких песен дар *Дл²*
37 Умолкни лира! в прах венец! *Дл²*
40 Погиб на утре вешних лет, *Я*
43—45 Что нужды? Проживу в безвестной тишине,
Потомство грозное не вспомнит обо мне —
И памятник певца в пустыне мрачной, дикой, *Я Дл²*
46 Забытый — поростет ползущей повиликой! *Я*

Позднейшие тексты стихотворения см. во II томе.

СТАНСЫ.
(ИЗ ВОЛЬТЕРА).
(«Ты мне велишь пылать душою»).

(Стр. 191)

А. Первоначальное чтение ЛТ.

34 Отрадных юношеских дней

Б. Разночтения копий первой редакции с ЛТ.

11 К своим изменчивым годам — *$П^2$*
31 Она любви подобно милой — *$П^2$*
36 Что мог вослед итти лишь ей! — *М Н Гт $П^2$*

В. Разночтения второй редакции (1819 г.) по Вс и последнему чтению ЛТ.

1—4 Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни,
И мой рассвет соедини
С моей вечернею зарею!
9—12 Пред ним смириться должно нам.
Кто применяться не умеет
Своим пременчивым годам,
Тот горесть их одну имеет.
17—20 Ужель навек вы убежали,
Любовь, мечтанья первых дней —
Вы, услаждавшие печали
Минутной младости моей?
24 Что значит после не[1] дышать? —
25—28 На сумрачном моем закате,
Среди вечерней темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманов сладостной мечты. —
34 Веселых юношества дней.

Г. Вариант копии Я (второй редакции).

24 Что значит после жить, дышать?

ПИСЬМО К ЛИДЕ.

(Стр. 194)

Вторая редакция конца 1818 г. (ЛТ).

Лишь благосклонный мрак раскинет
Над нами тихой свой покров,
[Лишь только время] передвинет[2]

---

[1] *В ЛТ слово* не *зачеркнуто.*
[2] *а.* Лишь только полночь передвинет
б. Лишь только время передвинет
в. И дважды время передвинет
г. И время дважды передвинет

[Стрелу] медлительных часов,[1]
В счастливой тишине природы
Когда не спит одна любовь,[2]
Тогда моей темницы вновь
Покину я глухие своды,[3]
И я в обители твоей...
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смелым, трепетным рукам,
По воспаленному дыханью
И жарким, ласковым устам,
Узнай любовника — настали
Восторги, радости мои!
О Лида, если б умирали
С восторгов пламенной[4] любви.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

(Стр. 195)

Разночтения копий.

9 И розно наш оставим в мире след. *Дш Ал*
43 Я знал любовь, но я не знал надежды, *Дш Ал Т А*
54 В последний раз любовию вздохнуть! *Дш Т А Л*
56 Иль чужда мне счастливая любовь? *Дш Т*
67 И в жизни сей мне будет в утешенье *Дш Ал Т А*

В АЛЬБОМ.

(«Пройдет любовь, умрут желанья»).

(Стр. 197)

А. Вторая редакция («Листки граций»).

Когда погаснут дни мечтанья,
И позовет нас шумный свет,
Кто вспомнит братские свиданья
И дружество минувших лет?
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им минутный след.

Б. Поправки к первой редакции (автограф).

3 Забудешь тайные свиданья
6 Оставить им свой легкой след.

---

[1] *Поправка:* И круг медлительных часов
[2] *Дальше вставлен и зачеркнут стих:*
В счастливый миг свободы
[3] *Дальше вычеркнуто пять стихов. В ст. 4 было отмененное исправление:*
Замку предательному веря,
Ст. 5 восстановлен.
[4] рад<остной>

В АЛЬБОМ ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

(Стр. 198)

Варианты копий.

1—2 Мой друг, не славный я поэт,
Хоть христианин право славный. К
9—12 Ах! ведает мой добрый Гений,
Что́ предпочел бы я скорей:
Бессмертие ль души моей?
Бессмертие ль своих творений? — М

ТОВАРИЩАМ.

(Стр. 199)

А. Варианты первой редакции (Н).

Заглавие: К товаришам перед выпуском.
2 Недолго, милые друзья,
6 Зовет нас света дальний шум
8 В волненьи юных, пылких дум
16 Лишь я, судьбе своей послушный,
20 Счастливой неги верный сын
22 В постели задремал один
24 Равны мне каски, кивера

Б. Первоначальное чтение ЛТ.

24 Равны Наказ и кивера

В. Поправки в ЛТ.

7 И всяк избрал свою дорогу
31 Всегда беспечный, равнодушный,
28 Оставьте мирный мне колпак,

Г. Варианты Щр.

7 И всяк избрал свою дорогу
14 И греться едет в караул
21 Всегда беспечный, равнодушный,
24 Равны Наказ и кивера

Д. Варианты Дш.

Заглавие: Прощанье
2 Недолго, милые друзья,
6 Зовет нас света дальний шум
7 И всякий смотрит на дорогу
14 И греться ходит в караул

15 Иной, рожденный быть вельможей,
18 Покорным шутом зрит себя
19—22 Лишь я, во всем судьбе послушный,
Беспечной лени верный сын,
К честям ничтожным равнодушный[1]
Я тихо задремал один.
24 Равны наказ и кивера,

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ БОЛЬНИЦЫ.

(Стр. 200)

Вариант копии Пщ.

2 Судьба его неумолима!

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ.

(Стр. 201)

А. Разночтения Е с Я.

7—8 Печали, радости, мечты души твоей
16 О милый, вечен он!

Б. Разночтения Вс.

4 Волшебной сладкою мечтою,
Вм. 5—8 Воспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Живые впечатленья
Младой души твоей,
Печали, радости, надежды, наслажденья,
Размолвки дружества, отрады примиренья...
12 Воспомни первую любовь!.....
16 О милый, вечен, вечен он.

В. Редакция 1825 (последнее чтение Вс).

Взглянув когда-нибудь на верный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейской уголок,
Где подружились мы душою[2]
Воспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Живые впечатленья
Младой души твоей,
Печали, радости, размолвки, примиренья
И дружбу первую и первую любовь...
Что было — что не будет вновь

[1] *Ст. 20 и 21 у Дш переставлены.*
[2]. *а* Где подружился ты со мною
б. Где подружился я <с тобою> <?>

КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

(«В последний раз, в тиши уединенья»).

(Стр. 202)

Позднейшие тексты стихотворения см. во II томе.

К ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

(Стр. 203)

Первая редакция (Кв.)

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был рубака,
Друзьям он верный друг, в бордели он <----->,
И всюду[1] он гусар.

---

[1] *Поправка, может быть, Каверина:* вечно

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ
(1813—1817).

СТАРИК.

(Стр. 209)

Позднейшие тексты стихотворения см. во II томе.

К ДЕЛИИ.

(«О Делия драгая!»).

(Стр. 210)

А. Текст чернового автографа.

О Делия драгая!
Спеши моя краса —
Звезда любви златая
Взошла на небеса.
Безмолвно[1] месяц покатился —
Спеши — твой Аргус удалился[2]
И тронул Сон его глаза.

8 [Под сенью] [отдаленной]
Дубравной тишины
Ток <*нрзб.*>потаенный
Бегу<щия> волны[3]

---

[1] В тумане
[2] *а.* Спеши — твой Аргус усыпился
б. Спеши — супруг твой удалился
[3] *а.* Под сенью потаенной
Веселого леска
Где дремлет
Где прячет ручейка
Второй стих этого четверостишия был исправлен:
Средь милого леска
б. Оставь свой <нрзб.>
замка

любви рука
в. [Под сенью] [отдаленной]
Дубравной темноты
потаенный
вторил ток волны
После этого четверостишия написаны:
[На берег]
Приди

Журчит с унылой Филомелой,
Готов[1] любви приют веселый
И блеском освещен луны.[2]

Накинут тени ночи[3]
Покровы нам свои[4]
очи[5]
И[6] быстро час любви
Летит и [быстро] исчезает.
За ним и радость улетает[7]
Лети ж в объятия [мои].

Б. Разночтения ранней редакции (по N).

Заглавие: Песня

7 И тронул сон его глаза.
13 Готов любви приют[8] веселый
14 И блеском освещен[9] луны.
15 Накинут ночи тени[10]
17 И дремлют рощей сени,
18 И быстро час любви
21 Пади в объятия мои.

ФАВН И ПАСТУШКА.

(Стр. 212)

Разночтения первой редакции.

Заглавие: Картины — *Мт Дл^{1}*
Вм. 1 I. Пастушка — *Мт Дл^{1}*
2 Как лилия зарею, — *Мт Дл^{1}*
Между 3 и 4 Всё в ней очарованье: — *Мт Дл^{1}*
5 И взоров милый свет, — *Мт Дл^{1}*
11 У брега сонных вод — *Мт Дл^{1}*
15—23 Когда же в скромной хате
Пастушку на кровате

---

[1] *Было начато:* Приди
[2] *Поправка:* Моей любви
Было: Моей любви приют веселый
Сияньем освешен луны
[3] *Было начато:* *а.* Туманы
б. Накинут сонны <?> тени
в. Покровы полуночи
[4] *Было:* *а.* Покровы скроют нас
б. Настал полночи час
[5] *Было:* <*нрзб*>
[6] *Было:* Но
[7] *Было:* *а.* Но время быстро улетает—
б. <А> с ним и время улетает —
в. За ним и радость улетает
г. За ним Веселье улетает
д. За ним и Счастье улетает
[8] приют любви
[9] озарен
[10] тени ночи

Застанет тихой сон,
В полуночном молчаньи,
При месячном сияньи,
Слетает Купидон
С волшебною мечтою,
И тайною тоскою
Исполнит сердце он. *Мт Дл*[1]

II. II. Пещера *Мт Дл*[1]

32 И с трепетным смятеньем *Мт Дл*[1]
43 Туманам свет лиет *Мт*

III. III. Фавн *Мт Дл*[1]

IV. IV. Река *Мт Дл*[1]

Вм. 85—91 О скоро ль, дальний лес,
В туманах поседеешь
На западе небес?»
Так девица мечтала,
Под час и воздыхала.
Вдруг слышится глухой
Ей шорох за кустами,
И вот блеснул очами
Пред нею бог лесной! *Мт Дл*[1]
93 Бежит она в лесочек *Мт Дл*[1]
95 Бегут, летят и Лила *Мт Дл*[1]
98—99 И снежна грудь открылась
Дыханьем ветерка *Мт Дл*[1]
Вм. 102—107 Порхая над травой,
Пастушка робко дышет;
К реке летя стрелой,
Бег Фавна за собой
Всё ближе, ближе слышит....
Отчаянья полна,
Уж чувствует она
Огонь его дыханья. *Мт Дл*[1]
110—111 Но что? тебя волна,
Красавица, сокрыла. *Мт Дл*[1]

V. V. Чудо *Мт Дл*[1]

114—122 Амуры златокрылы
И нежный Купидон
На помощь бедной Лилы
Летят со всех сторон;
Оставили[1] Цитеру
И мать свою Венеру,
По скачущим волнам
Везут ее в пещеру —
Любви укромный храм. *Мт Дл*[1]
125 Забвенье пьет она *Мт Дл*[1]
126 И страсти тихим стоном *Мт Дл*[1]
130 И луч свой погасила *Мт Дл*[1]

---

[1] Оставивши *Дл*[1]

VI. VI. Фиал — *Мт Дл*[1]

134 Один вечерней тьмою — *Мт Дл*[1]
138—144 «Губить в печали младость
Я роком осужден!»
Вдруг из леса румяный
С кувшином непустым
Сатир немного пьяный
Явился перед ним;
Он мутными глазами — *Мт Дл*[1]
150 В сторонку пошатнулся, — *Мт Дл*[1]
166 И чашу наслажденья — *Мт Дл*[1]
169 И вот вино кипит, — *Мт Дл*[1]
II.V *Отсутствует.* — *Мт Дл*[1]
172—183 *Отсутствуют.* — *Мт Дл*[1]

Вм. VIII. VII. Очередь — *Мт Дл*[1]

Вм. 184—192 Что, Лила? что с тобою?
В пещерной глубине
Покрытая тоскою
Ты плачешь в тишине;
Грустишь уединенно,
И свет тебе постыл!
Где ж сердца друг бесценный?
Увы, он изменил!
О Лила! вянут розы
Минутныя любви:
Познай печали слезы
И терны ныне рви.

VIII. Философ

В губительном стремленьи — *Мт Дл*[1]
Вм. 198—220 И вслед за Купидоном
Влюбленных скрылся рой.
Ах! грустно сердцу Лилы
Печальной и одной
Без милого к могиле
Тащиться над клюкой.
В лесу пастушка бродит
Безмолвна и грустна.
Кого же там находит?
Вдруг Фавна зрит она.
Хоть Фавн и не находка
Для Лилы прежних лет,
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сеть.
Философ козлоногий
Под липою лежал
И пенистый фиал,
Венком украсив роги,
Лениво осушал.
Подкралась, устремила
Коварный томный взор

И, слышал я, клонила
К любви весь разговор.
Но Фавн с улыбкой злою,
Напеня свой фиал,
Качая головою,
Насмешливо сказал: *Мт Дл*[1]

ПОГРЕБ.

(Стр. 217)

А. Разночтения ранней редакции.

3 Красоткой записною *Г П*[1] *П*[2]
5 Невольно я тоскую *Г П*[1] *П*[2]
7 Несите круговую *Г П*[1] *П*[2]
16 Под бочками уснуть *П*[2]
17 В них сердцу утешенье *Г П*[1] *П*[2]

Б. Разночтения авторизованной копии Грч.

3 Красоткой молодою,
5 Невольно я тоскую,
13 Нам Бахус заикаясь

COUPLETS.

(Стр. 221)

Первоначальные чтения автографа.

13 Prolongez ces paisibles veilles,
23 On ne dit plus quand il s'échappe:
32 *Начато:* À nos
37—38 Pour un moment mon feu s'allume,
Sur deux couplets j'ai du pouvoir,

ЭПИГРАММА.

(«Скажи что нового?»).

(Стр. 222)

Первоначальные чтения автографа.

1 Что нового? ей, ей ни слова
2 *Начато:* Не слыш<ал ли, где, как и кто>

НАДПИСЬ К БЕСЕДКЕ.

(Стр. 224)

А. Вариант заглавия (в автографе).

Надпись в беседке[1]

Б. Поправки в ЛТ и отличия Вс.

4 а. Где ею счастлив был я раз,
б. Здесь ею счастлив был я раз, *ЛТ*
5 В восторге сладостном погас *ЛТ Вс*

«ВОТ ВИЛЯ — ОН ЛЮБОВЬЮ ДЫШЕТ»

(Стр. 225)

Первоначальные чтения автографа.

2 Он пишет песни зло,
3 Как Геркулес посланья пишет,

НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКОГО.

(Стр. 226)

Разночтения Гв и Е.

Вм. 1—2 Ты слышал весть смешную?
5 Дай бог и царствия небесного ему.

ЭПИГРАММА НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА.

(Стр. 229)

Разночтение Н.

Заглавие: Эпитафия

---

[1] *Было:* Надпись к беседке.

СРАВНЕНИЕ.

(Стр. 231)

Ранняя редакция (автограф).

Заглавие отсутствует.

Ты хочешь ли узнать, моя драгая,
Всю разницу меж Буало и мной?
У Буало была одна лишь — ,
А у меня — ;,

НА ПУЧКОВУ.

(«Пучкова, право, не смешна»).

(Стр. 232)

А. Варианты автографа.

1 Пучкова вовсе[1] не смешна
4 Хоть в смех читателям, да[2] в пользу инвалидам.

Отличие текста СЛС от последнего чтения автографа.

4 Хоть в смех читателям, так в пользу инвалидам.

ТВОЙ И МОЙ.

(Стр. 233)

А. Поправки в ЛТ и разночтения Вс.

Вм. 4—5 Но потакать, но верить им не смею. *ЛТ(а)*
— Но потакать и верить им не смею. *ЛТ(б) Вс*

Б. Редакция 1825 г. (последнее чтение Вс).

Бог весть за что философы, пииты
На *твой* и *мой* давным давно сердиты.
Не спорю я с ученою толпой,
Но, милый друг, и верить им не смею.[3]
Что ежели б ты не была *моею?*
Что, ежели б я не был, Ниса,[4] *твой?*

---

[1] *Поправка:* право
[2] *Поправки:* *а.* так *б.* да
[3] *а.* Но признаюсь и верить им не смею.
б. Но потакать, но верить им не смею.
[4] Лида

КОЛЛЕКТИВНОЕ.

«ТАМ — ГРОМКОЙ СЛАВОЮ».

(Стр. 244)

А. Первая редакция (автограф).

Вм. 15—21 Рабства покинув тьму[1]
Пусть мир несет ему
Славы венец —
Благодарения[2]
Дань упоения[3]
Наших сердец.

Б. Вторая редакция. Отмененные варианты (по автографу).

8—9 Кроткою славою
Светлой державою[4]
18 Глас удивления[5]
21 Славному дань[6]

ГАУНШИЛЬД И ЭНГЕЛЬГАРД.

(Стр. 245)

Первоначальные чтения автографа.

1 Гауншильд и Эбергард
4 И Эбергард Астраханский

---

[1] Бросив неволи тьму
[2] Дань упоения
[3] *а.* Благодарения
б. Начато: Здесь
[4] *Поправка:* Там громкой славою
Сильной державою
[5] *Поправка:* Глас умиления
[6] *Поправка:* Вот наша дань

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ.

Источниками текстов лицейских стихотворений Пушкина являются: 1. Тексты стихотворений, напечатанных в журналах, альманахах и книгах. 2. Тексты автографов Пушкина и авторизованных копий. 3. Тексты копий в виде отдельных рукописей и в сборниках лицейских годов. 4. Тексты копий в виде отдельных рукописей и в сборниках позднейших годов.

В годы пребывания в лицее Пушкин из ста тридцати одного известных нам произведений, написанных им за это время, напечатал в трех журналах («Вестник Европы», «Российский Музеум» и «Сын Отечества») двадцать четыре стихотворения, а в 1817 г. в «Северном Наблюдателе» было напечатано еще пять лицейских стихотворений.

Из черновых рукописей лицейского периода сохранилась всего одна («К Делии»). Автографов Пушкина, дающих перебеленные тексты, в виде отдельных рукописей сохранилось тридцать (двадцати восьми стихотворений), а авторизованных копий — четыре. Кроме этих рукописей имеются сведения о тринадцати автографах, теперь неизвестно где находящихся или утраченных. Лицейских копий в виде отдельных рукописей сохранилось одиннадцать.

Рукописных сборников со стихотворениями лицейских поэтов: Пушкина, Дельвига, Илличевского, Кюхельбекера, Яковлева и Корсакова в настоящее время известно десять:

1. Сборник «Жертва Мому» (двадцать одна эпиграмма на Кюхельбекера), составленный и переписанный Пушкиным в 1814 г. Первая из вошедших в сборник эпиграмм («Несчастие Клита») принадлежит Пушкину, пятая («Опровержение») — Илличевскому. Сколько и какие из остальных девятнадцати эпиграмм принадлежат Пушкину, остается неизвестным. (Хранится в *ПД*).

2. «Лицейская антология, собранная трудами пресловутого *ийший*.» От этого сборника эпиграмм, надписей и других стихотворений малых жанров, составленного Илличевским в середине декабря 1816 г., в настоящее время сохранилось три листа с шестью стихотворениями Пушкина. (Хранится в *ПД*).

3. Сборник стихотворений лицейских поэтов, часть которого сохранилась в архиве кн. А. М. Горчакова. Составлен этот сборник в лицее, не раньше 1816 г. На сохранившихся листах имеется десять стихотворений Пушкина. (Хранится в *ГАФКЭ*).

4. Первый сборник в архиве И. В. Помяловского (*П*[1]). В сборнике, представляющем собою копию (вероятно, 1821 г.) с сборника, составленного в 1816 г., имеется девять стихотворений Пушкина. (Хранится в *ПБЛ*; по описи архива Помяловского № 105).

5. Второй сборник в архиве И. В. Помяловского (*П*[2]). В сборнике, представляющем собою копию (не ранее 1818 г.) с сборника, составленного, ве-

роятно, в 1817 г., имеется двадцать три стихотворения Пушкина. (Хранится в *ПБЛ*; по описи архива Помяловского № 110).

6. «Собрание лицейских стихотворений» (*СЛС*). В этом сборнике пять отделов: I. Национальные песни. II. Лицейский мудрец. III. Стихотворение К<ошанского> и пародия Д<ельвига>. IV. Жертва Мому или Лицейская антология П<ушкина>. V. Лицейская антология, собранная *ийший* (псевдоним Илличевского). В последнем отделе сто тринадцать мелких стихотворений, из которых двадцать пять принадлежат Пушкину и два с большой вероятностью могут быть ему приписаны. Сборник составлен, вероятно, в первые месяцы по окончании лицея воспитанниками I курса. (Хранится в *ПД)*.

7. Тетрадь Ф. Ф. Матюшкина (*М*). Тетрадь представляет собою сборник стихотворений Пушкина, Дельвига, Кюхельбекера и Илличевского, не появлявшихся в печати в годы пребывания их в лицее. В сборнике, составленном не позднее мая 1817 г., тридцать четыре стихотворения, из которых двадцать три — Пушкина. (Хранится в *ПД*).

8. Сборник Яковлева — Корфа (*К*). Сборник состоял из двух тетрадей: в одной были собраны стихотворения лицейских поэтов, не появлявшиеся в печати, а в другой — напечатанные их стихотворения. Подлинник сборника не сохранился, и о составе его и текстах стихотворений, входивших в сборник, известно лишь по «извлечениям», сделанным из сборника в 1833 г. Я. К. Гротом, и по тетради кн. Н. А. Долгорукова, о которой см. ниже. Во второй тетради сборника, составленной в 1827—1833 гг., было тридцать девять стихотворений Пушкина. Сколько стихотворений Пушкина было в первой тетради, остается неизвестным. В «извлечениях» Я. К. Грота их имеется двадцать одно. («Извлечения» Я. К. Грота хранятся в *ПД)*.

9. «Дух лицейских трубадуров» *(Д)*. Сборник, составленный, вероятно, в последние дни пребывания воспитанников I курса в лицее, заключает в себе пятьдесят стихотворений, из которых двадцать четыре — Пушкина. (Хранится в *ПД)*.

10. Тетрадь А. В. Никитенка *(Н)*. Сборник, составленный в июне — начале июля 1817 г., заключает в себе восемьдесят три стихотворения, не появлявшихся в печати во время пребывания авторов в лицее. Стихотворений Пушкина в сборнике пятьдесят пять. (Хранится в *ЛБ)*.

Совершенно особое место среди сборников лицейских стихотворений занимает собрание этих стихотворений, составленное самим Пушкиным для издания их отдельной книгой.

Собрание это, составлявшееся, вероятно, с января по май 1817 г., заключает в себе сорок одно стихотворение Пушкина, не появлявшиеся в печати, которые поэт должен был представить на просмотр Жуковскому, прежде чем пускать в печать. (Тетрадь № 2364, хранящаяся в *ЛБ) (ЛТ)*.

До представления тетради Жуковскому, и особенно после просмотра ее последним, стихотворения, вошедшие в тетрадь, в течение 1817—1819 гг. подвергались многократным отбору и правке (вероятно, не менее семи раз) Пушкина. Работа эта не была закончена в тетради № 2364 *ЛБ*, и стихотворения в переделанном виде были переписаны в недошедшую до нас тетрадь, где снова исправлялись и откуда были переписаны (писарем), вероятно, в ноябре 1819 г. в так называемую «тетрадь Всеволожского» *(Вс)*. В последнюю вошло тридцать одно лицейское стихотворение. (Хранится в *ЛМ)*.

Приготовлявшийся в течение трех лет сборник стихотворений Пушкина в 1820 г. в свет не вышел. Приготовленная для представления в цензуру рукопись была «полупродана полупроиграна» Пушкиным в карты приятелю Н. В. Всеволожскому. Обратно получил ее поэт лишь в марте 1825 г., когда снова занялся приготовлением к печати сборника своих стихотворений.

В этой стадии работы Пушкин в тетради Всеволожского сделал исправления в семнадцати лицейских стихотворениях. Несмотря на это в так называемую «Тетрадь Капниста» 1825 г., частью являющуюся планом подготовлявшегося к изданию сборника, частью дополняющим тетрадь Всеволожского материалом для него, лицейских стихотворений вошло гораздо меньше. Сколько именно, сказать нельзя, так как тетрадь Капниста сохранилась не вся. На сохранившихся листах имеется лишь восемь лицейских стихотворений. Местонахождение этих листов в настоящее время неизвестно.

На основании тетрадей Всеволожского и Капниста была составлена новая рукопись сборника. Оглавление этой рукописи было послано П. А. Плетневым Пушкину при письме от 26 сентября 1825 г. В этом оглавлении значится девятнадцать лицейских стихотворений. Получив это оглавление, Пушкин вычеркнул в нем три стихотворения.

Самая рукопись сборника, прошедшая просмотр цензора Бирукова, до нас не дошла, но ею пользовался П. В. Анненков. По сообщению последнего («Сочинения Пушкина», 1855, т. II, стр. 32), рукопись после того, как была подписана к набору 7 октября 1825 г. цензором Бируковым, посылалась Пушкину, который зачеркнул в ней, кроме уже вычеркнутых им в оглавлении стихотворений, еще пять лицейских.

Таким образом, в вышедшем 30 декабря 1825 г. сборнике «Стихотворения Александра Пушкина» оказалось всего двенадцать лицейских стихотворений.

Все эти стихотворения вошли и в сборник «Стихотворения Александра Пушкина» 1829 г. в двух частях. Кроме этих стихотворений, в это собрание вошла и лицейская эпиграмма, впервые напечатанная в альманахе «Северные Цветы на 1829 год».

Вообще самим Пушкиным, кроме двадцати девяти стихотворений, напечатанных им в 1814, 1815 и 1817 гг., до выхода в свет сборника «Стихотворения Александра Пушкина» было напечатано четыре лицейских стихотворения. После выхода в свет «Стихотворений Александра Пушкина» до конца жизни поэта им самим было напечатано всего два лицейских стихотворения и уже указанная эпиграмма.

Таким образом, самим Пушкиным из ста тридцати одного лицейского стихотворения всего было напечатано сорок одно стихотворение.

Но лицейские стихотворения широко распространялись в рукописных сборниках и после 1817 г. Из таких сборников заслуживают внимания следующие:

1. Альбом кн. А. М. Горчакова *(Грч)*. Альбом начал заполняться не ранее 1818 г. и заключает в себе восемь лицейских стихотворений, из которых одно поправлено Пушкиным. (Хранится в *ПД)*.

2. Листы несохранившейся полностью тетради со стихотворениями Пушкина и Дельвига, принадлежавшей Ф. Ф. Матюшкину *(Мт)*, но не им переписанной. Тетрадь составлена не ранее 1818 г. (вод. знак бумаги). Здесь три лицейских стихотворения Пушкина. (Хранится в *ПД*).

3. Листы несохранившейся полностью тетради А. В. Шереметева 1820-х годов *(Ш)*. Здесь десять лицейских стихотворений Пушкина. (Хранится в *ПД)*.

4. Тетрадь П. П. Каверина. В тетради, заполнявшейся в 1824—1830 гг., семь лицейских стихотворений Пушкина. (Тетрадь не сохранилась).

5. Листы с копиями стихотворений, обнаруженные при обыске у чиновника В. Г. Коноплева в сентябре 1827 г. Среди стихотворений имеется три лицейских Пушкина. (Листы не сохранились).

6. Листы несохранившейся полностью тетради, принадлежавшей кн. П. А. Вяземскому, но не им списанной *(Вз)*. На сохранившихся листах, вероятно, 1820-х годов, имеется четыре лицейских стихотворения Пушкина. (Хранится в *ГАФКЭ*).

7. Сборник Остафьевского архива № 8, принадлежавший, вероятно, кн. П. А. Вяземскому (*Оф*). Составлен, вероятно, в 1820-х годах. В сборнике три лицейских стихотворения Пушкина. (Хранится в *ГАФКЭ*).

8. Тетрадь В. Ф. Щербакова (*Щр*). Составлялась в 1820-х годах. В тетради пять лицейских стихотворений Пушкина. (Хранится в *ПД*).

9. Листы несохранившейся полностью тетради в архиве Голохвастовых, составлявшейся, вероятно, в 1820-х годах. Здесь три лицейских стихотворения Пушкина. (Хранится в *ГАФКЭ*).

10. Тетрадь кн. Н. А. Долгорукова. В первой части (*Дл*[1]) тетради, составлявшейся в 1830-х годах, имеется сорок девять лицейских стихотворений Пушкина, а во второй части (*Дл*[2]), составлявшейся в 1840-х годах, — тридцать три стихотворения. (Хранится в *ПБЛ*).

11. Тетрадь П. И. Бартенева (*Б*[1]). Копии стихотворений, вошедшие в тетрадь, делались в 1849—1854 годах. Здесь имеются три лицейских стихотворения. (Хранится в *ЛМ*).

12. Тетрадь Н. С. Тихонравова (*Т*). Тетрадь заполнялась в 1850-х годах. В ней двенадцать лицейских стихотворений Пушкина. (Хранится в *ЛБ*).

13. Тетрадь, принадлежавшая В. П. Гаевскому (*Гв*). Составлена не ранее середины XIX в. В ней два лицейских стихотворения Пушкина. (Хранится в *ПД*).

14. Листы несохранившейся полностью тетради, принадлежавшей В. П. Гаевскому. На листах, вероятно, середины XIX в. шесть лицейских стихотворений Пушкина. (Хранится в *ПД*).

15. Копия С. Д. Полторацкого со сборника М. Н. Лонгинова 1855—1856 гг. В сборнике восемнадцать лицейских стихотворений Пушкина и ему приписывавшихся. (Хранится в *ЛБ*).

16. Сборник «Стихотворения Пушкина», принадлежавший П. Я. Дашкову (*Дш*). В сборнике середины XIX в. двадцать лицейских стихотворений Пушкина. (Хранится в *ПД*).

17. Сборник стихотворений Пушкина, составленный П. А. Александровым в 1857 г. (с позднейшими примечаниями) (*Ал*). В сборнике двадцать одно лицейское стихотворение Пушкина. (Хранится в Государственном Историческом музее в Москве).

18. Сборник, принадлежавший П. А. Ефремову (*ДЕ*). Сборник является копией 1850-х — 1860-х годов с одной из несохранившихся тетрадей кн. Н. А. Долгорукова. В сборнике сорок три лицейских стихотворения Пушкина и ему приписывавшихся. (Хранится в *ПД*).

19. «Записки Пущина о Пушкине» (*Пщ*). Автограф Пущина. В «Записках» имеется три лицейских стихотворения и отрывок четвертого. (Хранится в *ПД*).

Вопрос о том, как печатать лицейские стихотворения, до последнего времени считался спорным в пушкинской текстологии.

Как указано выше, Пушкин в 1817—1819 гг. и в 1825 г., приготовляя к печати сборник своих стихотворений, многократно в лицейской своей тетради (№ 2364 *ЛБ*), в недошедшей до нас тетради и в тетрадях Всеволожского и Капниста обращался к не менее чем пятидесяти одному лицейскому стихотворению, более или менее существенно изменяя их текст. Работу над тринадцатью из этих стихотворений поэт не довел до конца и от печатания их отказался. Отказался он печатать и двадцать одно стихотворение, относительно которых с большой вероятностью можно утверждать, что работа по переделке их была закончена.

Вопрос о том, вводить или не вводить в текст тринадцати стихотворений не доведенные до конца поэтом поправки, не вызывает в настоящее время сомнений.

Конечно, в текст этих стихотворений, печатаемый в качестве основного в первом разделе тома, не доведенные до конца поправки не могут вводиться. Нет оснований печатать в качестве основных и исправленные Пушкиным тексты двадцати одного стихотворения, от печатания которых поэт отказался. Таким образом, вопрос может итти лишь о тех переделанных Пушкиным по выходе из лицея текстах, которые он напечатал. Вопрос этот явился одним из основных при обсуждении плана академического издания полного собрания сочинений Пушкина на конференции пушкинистов в Ленинграде в мае 1933 г. На основании принятых конференцией решений Редакторским комитетом академического издания полного собрания сочинений Пушкина было постановлено предоставить первый том издания лицейскому творчеству поэта. В целях сохранения цельности и стройности картины творчества ученических годов Пушкина, этот том должен, во-первых, заключать в себе все произведения, написанные поэтом в лицее, безотносительно к их жанру, т. е. кроме стихотворений, поэмы «Монах» и «Тень Фонвизина», во-вторых, в качестве основных текстов стихотворений в томе печатаются тексты последних лицейских редакций, в-третьих, тексты послелицейских редакций, не напечатанные Пушкиным, печатаются во втором разделе первого тома «Другие редакции и варианты» и, в-четвертых, тексты послелицейских редакций, напечатанные Пушкиным, печатаются во втором томе особым отделом: «Лицейские стихотворения, переделанные в 1817—1829 гг. и напечатанные Пушкиным».

Согласно с утвержденной Редакторским комитетом орфографической инструкцией в печатаемых текстах воспроизводятся без изменения написания как автографов Пушкина и авторизованных копий, так и других текстов, относительно которых с большой достоверностью можно утверждать, что они сохраняют написание Пушкина.

К таким написаниям относятся: написания, свидетельствующие о необычной или во всяком случае необязательной для современного литературного произношения мягкости, твердости и долготе согласного, вроде: скатерьти («Послание к Юдину», ст. 69), верьх («Моему Аристарху», ст. 108), ветьви («Осгар», ст. 13), покаместь («Монах», песнь вторая, ст. 1 и 2), близь («Городок», ст. 347), скрыпеть, скрыпицы («Пирующие студенты», ст. 83 и 84), цыгаррой («Послание к Юдину», ст. 132), истинны («Истинна», заглавие и ст. 2); написания, отражающие особенности словообразования и форм склонения существительных, как, например: сопостата («К Жуковскому», ст. 94), чернилы («К другу стихотворцу», ст. 5), челы («Моему Аристарху», ст. 112), вины («К Батюшкову», ст. 41), селы («Воспоминания в Царском Селе», ст. 77), креслы («К молодой актрисе», ст. 34), мечтаньи («Мечтатель», ст. 24), в юдоле («Городок», ст. 294), на самой нижней полки («Городок», ст. 153); написания, отражающие особенности форм склонения прилагательных и местоимений, как, например: под скипетром великия жены («Воспоминания в Царском Селе», ст. 30), слово милыя моей («Слово милой», ст. 8), средь отческия купи («На Рыбушкина», ст. 3); написания, отражающие особенности словообразования прилагательных и местоимений, как, например: поздных («К другу стихотворцу», ст. 17), дальных («К другу стихотворцу», ст. 68), дальной («К Батюшкову», ст. 30), дальный («Наездники», ст. 52), русской царь («На возвращение государя императора», ст. 68), шаткой стол («Моему Аристарху», ст. 36), дикой брег («Сон», ст. 140); написания в глаголах, как, например: оспоривать («К Жуковскому», ст. 59), дышет («Несчастие Клита», ст. 2, и «Леда», ст. 14), дышут («Воспоминания в Царском Селе», ст. 99), брежжет («Послание к Юдину», ст. 180); написания без приставного *н* в косвенных падежах личного местоимения 3 лица, например: меж ими («Сраженный рыцарь», ст. 6); раздельные написания в словосочетаниях, имеющих в современном языке значение наречия или предлога, как, например: в даль («Разлука», ст. 8), на встречу («Городок», ст. 403), в тайне («Разлука», ст. 20), в слух («Послание к Натальи», ст. 52), на бекрене («Козак», ст. 5) (в виде

исключения печатается: итак («Итак я счастлив был...») во избежание резкой двусмысленности); прописные буквы в существительных с отвлеченным значением, как, например: Судьбою («Послание к Юдину», ст. 22), Славой («Послание к Юдину», ст. 82), Лень («Сон», ст. 15).

Заменяются современными написания: внушающие представления о звуковом варианте слова, которое на самом деле произносилось как в современном языке, например, *руской* заменяется формой *русской* («Воспоминания в Царском Селе», ст. 105), и представляющие собой отражение на письме общих фонетических свойств литературного русского языка, например, *крехтя* заменяется формой *кряхтя* («Моему Аристарху», ст. 36); буква *щ* в слове *щастье* и производных заменяется буквами *сч;* не воспроизводятся две точки над е в рифмующих словах там, где в современном языке всё равно нельзя произнести иначе, в пушкинское время указывавшие на то, что данное слово не следует произносить на церковнославянский лад, например, *стезей* («К другу стихотворцу», ст. 3); *ой* в им.-вин. един. прилагательных и местоимений мужского рода (не после задненебных) как внутри стихов, так и в рифмах заменяется написанием *ый; ова (ева)* и *ово (ево)* в род.-вин. един. прилагательных и местоимений мужского и род. един. среднего рода заменяется написанием *ого (его)* например, *нево* заменяется него («К Батюшкову», ст. 68), *твоево* заменяется *твоего* (там же, ст. 71); *ом (ем)* в твор. един. прилагательных мужского рода заменяется написанием *ым (им),* например, с *подкованном* копытом («Монах», песнь третья, ст. 58), жезлом *невидимом* («Сон», ст. 155), *скором* шопотом («Бова», ст. 217), партером *полуумном* («Послание к Галичу», ст. 58), с *зловещем* Гипократом («К Пущину», ст. 37), *последнем* сияньем («Сраженный рыцарь», ст. 1) заменяется: *подкованным, невидимым, скорым, полуумным, зловещим, последним; е* в иностранных словах в значении *э* заменяется буквой *э,* например, *Евлега* заменяется *Эвлега, Камоенс* заменяется *Камоэнс* («К другу стихотворцу», ст. 57); прописные буквы заменяются строчными в таких словах, как царь, бог, государь, божество, вера, небо, священник, батюшка, бард, герой.

Сохраняется пунктуация первоисточников, причем предпочтение отдается пунктуации автографов; имеющиеся в последних знаки препинания дополняются согласно современным правилам.

Кроме отдельных условных сокращений, расшифровываемых в текстах примечаний, применяются еще следующие:

ГАФКЭ — Государственный Архив Феодально-Крепостнической Эпохи. Центрархив. Москва.

ЛБ — Публичная Библиотека Союза ССР им. В. И. Ленина. Москва.

ЛМ — Государственный Литературный Музей. Москва.

ПБЛ — Публичная Библиотека РСФСР им. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.

ПД — Пушкинский Дом Академии Наук Союза ССР. Ленинград.

1813.

К НАТАЛЬЕ.

(„Так и мне узнать случилось").

(Стр. 5 и 268)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка, но с сохранением эпиграфа. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 261—263, с пропуском тридцати четырех стихов (51—78, 99, 101—105) и без эпиграфа. Выпущенные стихи впервые напечатаны лишь в 1905 г. К. Я. Гротом в „Журнале Министерства народного просвещения", № 10, стр. 236—238.

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) беловой автограф в архиве кн. А. М. Горчакова *(ГАФКЭ)*; 2) копия в тетради Ф. Ф. Матюшкина; 3) копия в тетради А. В. Никитенка; 4) копия в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 5) копия во второй части тетради Долгорукова.

Разночтения раннего, относящегося к 1813 г., автографа приведены в отделе „Другие редакции и варианты".

Датируется 1813 годом, предположительно серединой года.

МОНАХ.

(„Хочу воспеть, как дух нечистый Ада").

(Стр. 9 и 268)

Печатается по беловому автографу (единственный источник текста), сохранившемуся в архиве кн. А. М. Горчакова *(ГАФКЭ)*. Впервые опубликовано П. Е. Щеголевым в „Красном Архиве", т. 31 (1928), стр. 197—201, и т. 32 (1929), стр. 183—190. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания „Красной Нивы", т. I, 1930 г.

Варианты, приведенные в отделе „Другие редакции и варианты" — зачеркнутые первоначальные чтения автографа.

Датируется 1813 годом, предположительно июнем — июлем этого года.

НЕСЧАСТИЕ КЛИТА.

(„Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет").

(Стр. 18)

Печатается по беловому автографу в сборнике „Жертва Мому или лицейская антология" *(ПД)*. Впервые опубликовано В. П. Гаевским в „Современнике", 1863, № 7, стр. 148. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. Г. Н. Геннади, т. I, 1870 г.

Кроме автографа сохранились две копии стихотворения: 1) в рукописном „Собрании лицейских стихотворений" и 2) в тетради кн. Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова, где „Несчастие Клита" объединено со стихотворением „Вот Виля — он любовью дышет" под общим заглавием: „Лицейские эпиграммы на В. Кюхельбекера (до 1814)".

Датируется предположительно 1813 годом.

1814.

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

(„Арист! и ты в толпе служителей Парнасса!").

(Стр. 21 и 269)

Печатается по „Вестнику Европы", 1814, № 13, стр. 9—12, где опубликовано впервые (с подписью: Александр Н. к. ш. п.). Поправки к двум стихам (17 и 91) указаны в № 14 журнала, стр. 170. Стих 54 исправлен по автографу. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

В архиве кн. А. М. Горчакова сохранился беловой автограф первоначальной редакции послания (см отдел „Другие редакции и варианты", стр. 340). Кроме автографа известны две копии стихотворения — в первой и второй частях тетради кн. Н. А. Долгорукова.

Предположительно датируется началом 1814 года.

КОЛЬНА.

(„Источник быстрый Каломоны").

(Стр. 24 и 271)

Печатается по „Вестнику Европы", 1814, № 14, стр. 101—106, где опубликовано впервые (с подписью: Александр Нкшп.). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились копии: 1) в архиве кн. А. М. Горчакова, 2) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова (*Дл*[1]) и 3) во второй части тетради Долгорукова (*Дл*[2]). Была еще копия в тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа, использованной П. В. Анненковым и ныне утраченной *(А)*.

Стихотворение датируется первыми месяцами 1814 г. — не позднее апреля.

ЭВЛЕГА.

(„Вдали ты зришь утес уединенный").

(Стр. 27 и 272)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка с исправлением ст. 32. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 277—278.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в тетради Ф. Ф. Матюшкина, 2) в тетради А. В. Никитенка и 3) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова *(Дл¹)*.

Датируется 1814 годом и написано, вероятно, не позднее апреля этого года.

ОСГАР.

(„По камням гробовым, в туманах полуночи").

(Стр. 29)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка с исправлением ст. 45, данным Гаевским в „Современнике", 1863, № 7, стр. 171, и ст. 4 и 86 по копии кн. Н. А. Долгорукова. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 272—276.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в тетради А. В. Никитенка и 2) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова.

Датируется 1814 годом и написано, вероятно, не позднее апреля этого года.

РАССУДОК И ЛЮБОВЬ.

(„Младой Дафнис, гоняясь за Доридой").

(Стр. 31 и 272)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка. Впервые опубликовано, без ведома Пушкина, в альманахе „Весенние Цветы", М., 1835, стр. 97—98 *(ВЦ)*. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.),

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) кн. А. М. Горчакова в его архиве *(Г)*; 2) неизвестного из собрания Я. К. Грота *(ПД)*; 3) в тетради И. В. Помяловского № 105 *(П¹)*; 4) в тетради И. В. Помяловского № 110 *(П²)*; 5) в сборнике „Дух лицейских трубадуров"; 6) в тетради А. В. Никитенка.

Датируется январем—апрелем 1814 г.

К СЕСТРЕ.

(„Ты хочешь, друг бесценный").

(Стр. 32 и 272)

Печатается по записи О. С. Павлищевой, сделанной ею по памяти *(Пв)*, кроме ст. 37, 48 и 89, которые печатаются по *Дл²*, и ст. 86—87, которые печатаются по *А*. Впервые опубликовано (ст. 1—4, 23—39 и 53—80) П. И. Бартеневым в „Московских Ведомостях" от 2 октября 1854 г., № 118 *(Б)*, полнее — П. В. Анненковым в „Сочинениях Пушкина", т. II, 1855, стр. 1—4 *(А)*. Заключительные стихи сообщены Е. И. Якушкиным в „Библиографических Записках", 1858, № 10, стб. 309, а стихи 108—109 впервые даны Л. Н. Майковым в 1899 г. в I томе академического издания сочинений Пушкина.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии стихотворения, восходящие, вероятно, к записям О. С. Павлищевой: 1) во второй части тетради кн.

Н. А. Долгорукова *(Дл²)*; 2) в тетради П. Я. Дашкова *(Дш)*; 3) в тетради Н. С. Тихонравова *(Т)*; 4) в тетради П. И. Бартенева *(Б¹)* (первые 80 стихов); 5) в тетради кн. Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова (ст. 1—33); 6) в тетради П. А. Александрова (последние 6 стихов); 7) в тетради М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого (ст. 117—121).

Разночтения копий и печатных текстов даны в отделе „Другие редакции и варианты".

Датируется апрелем 1814 г.

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК.

(„Возможно ль? Вместо роз, Амуром насажденных").

(Стр. 35 и 273)

Печатается по копии Ф. Ф. Матюшкина в лицейской тетради Пушкина *(ЛТ*, л. 33), с поправками последнего, относящимися к 1817 г. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 259.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) кн. А. М. Горчакова в его архиве; 2) в тетради Ф. Ф. Матюшкина; 3) в лицейской тетради Пушкина *(ЛТ)*, с многочисленными поправками поэта 1817 г., дающими вторую редакцию стихотворения, и позднейшими (1818 г.); 4) в тетради А. В. Никитенка *(Н)*.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первая редакция (по *ЛТ* до поправок), со стиха 18 до конца; б) разночтения копии *Н* с первой редакцией и в) поправки 1818 г. в *ЛТ*.

Стихотворение датировано 1814 годом в *ЛТ* Пушкиным и, предположительно, относится ко второй половине апреля этого года.

ЭПИГРАММА.

(„Арист нам обещал трагедию такую").

(Стр. 36 и 273)

Печатается по копии в рукописном сборнике „Собрание лицейских стихотворений". Впервые опубликовано в „Российском Музеуме", 1815. № 1, стр. 13, с подписью „1... 14—16". В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Сохранились следующие копии стихотворения: 1) в „Собрании лицейских стихотворений"; 2) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 3) во второй части тетради Долгорукова Тексты копий одинаковы.

В отделе „Другие редакции и варианты" дан вариант „Российского Музеума".

Датируется апрелем—октябрем 1814 г.

КОЗАК.

(„Раз полунощной порою").

(Стр. 37 и 274)

Печатается по „Российскому Музеуму", 1815, № 3, стр. 264—266, где впервые опубликовано (с подписью „1... 14—16"). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф на отдельном листе в бумагах И. И. Пущина (первоначальная редакция) (*ПД*) и копии: 2) кн. А. М. Горчакова в его архиве (*Г*); 3) в тетради П. А. Александрова; 4) в тетради А. В. Шереметева (*Ш*); 5) в сборнике „Дух лицейских трубадуров" (*Д*); 6) в тетради И. В. Помяловского, № 105 (*П*[1]); 7) в тетради Помяловского № 110 (*П*[2]); 8) во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова (только строфы I, X и XV). Копии 5—8 дают вторую (журнальную) редакцию стихотворения с некоторыми разночтениями. Кроме того, были еще копии, ныне утраченные: 1) у С. Д. Полторацкого (*Плт*), сообщившего одну строфу П. В. Анненкову, и 2) в тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первая редакция (по автографу); б) разночтения копий первой редакции с текстом автографа; в) разночтения копий второй редакции с текстом „Российского Музеума".

Датируется 1814 годом; первая редакция — апрелем—июлем, вторая редакция — маем—октябрем этого года.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

(„Пускай, не знаясь с Аполлоном").

(Стр. 39 и 276)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 267—268.

Известны следующие рукописи стихотворения: 1) автограф в архиве кн. А. М. Горчакова; копии: 2) в тетради Ф. Ф. Матюшкина; 3) в тетради А. В. Никитенка; 4) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 5) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа, ныне утраченной.

В отделе „Другие редакции и варианты" дано первоначальное чтение по автографу.

Датируется августом 1814 г.

ОПЫТНОСТЬ.

(„Кто с минуту переможет").

(Стр. 41 и 276)

Печатается по „Вестнику Европы" 1814, № 19, стр. 179—180, где впервые опубликовано (с подписью „1 ... 14—16"). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились копии: 1) кн. А. М. Горчакова в его архиве (*Г*); 2) в тетради И. В. Помяловского № 105 (*П*[1]); 3) в тетради Помяловского № 110 (*П*[2]); 4) в сборнике „Дух лицейских трубадуров" (*Д*). Была еще копия в тетради М. Л. Яковлева—М. А. Корфа, до нас недошедшей, но использованной П. А. Ефремовым (*К*).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения копий.

Датируется апрелем—августом 1814 г.

БЛАЖЕНСТВО.

(„В роще сумрачной, тенистой").

(Стр. 42)

Печатается по „Вестнику Европы", 1814. № 20, стр. 275—277, где впервые опубликовано (с подписью „1 ... 14—16"). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Автограф неизвестен Сохранились копии: 1) кн. А. М. Горчакова в его архиве; 2) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова.

Датируется апрелем — сентябрем 1814 г.

ЛАИСА ВЕНЕРЕ, ПОСВЯЩАЯ ЕЙ СВОЕ ЗЕРКАЛО.

(„Вот зеркало мое — прими его, Киприда").

(Стр. 44 и 276)

Печатается по „Вестнику Европы", 1814, № 18, стр. 117, где впервые опубликовано без заглавия, с подписью „—П—", в статье „Об эпиграмме и надписи древних", переведенной И. И. Пущиным из книги Лагарпа „Lycée ou cours de la littérature ancienne et moderne". В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) кн. А. М. Горчакова в его архиве; 2) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова (*Дл*[1]); 3) во второй части тетради Долгорукова (*Дл*[2]). Была еще копия, ныне утраченная, в тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа, которой пользовался Анненков. Во всех копиях стихотворение имеет заглавие.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны варианты заглавия.

Датируется 1814 годом, не позднее августа, предположительно июнем — августом.

К НАТАШЕ.

(„Вянет, вянет лето красно").

(Стр. 45 и 276)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 284—285.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в тетради И. В. Помяловского № 110 (*П*[2]) первоначальная редакция стихотворения; 2) неизвестного, на отдельном листе из архива Я. К. Грота в *ПД*; 3) в сборнике „Дух лицейских трубадуров"; 4) в тетради А. В. Никитенка; 5) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа; 6) в архиве кн. А. М. Горчакова с подписью „1 ... 14—16", доказывающей, что копия сделана с белового автографа, предназначенного, быть может, для печати.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первая редакция по тетради Помяловского и б) варианты ранней копии Горчакова.

Датируется второй половиной августа—сентябрем 1814 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ.

(„Друзья! досужный час настал").

(Стр. 46 и 277)

Печатается по беловому автографу, дающему вторую редакцию стихотворения. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 337—341 (с цензурными пропусками и изменениями).

Сохранились следующие рукописи: 1) копия неизвестного лицеиста, подписанная Пушкиным (в *ПД*), дающая первоначальную редакцию стихотворения (*N*); 2) беловой автограф, по почерку — 1816 г.; 3) копия в сборнике кн. А. М. Горчакова в его архиве (*Г*); 4) копия в тетради Ф. Ф. Матюшкина (*М*); 5) копия в тетради И. В. Помяловского № 110· 6) копия в сборнике „Дух лицейских трубадуров"; 7) копия И. И. Пущина в тетради *ЛБ* № 2364, лл 38—40. с неоконченными поправками Пушкина (1818 г.); 8) копия в тетради А. В. Никитенка (*Н*) (рукописи 2—8 дают вторую редакцию); 9) копия в альбоме кн. А. М. Горчакова (*Грч*); 10) копия в тетради Н. С. Тихонравова (*Т*); 11) копия в разрозненной тетради из собрания кн. П. А. Вяземского; 12) копия в тетради № 8 из Остафьевского архива (*Оф*); 13) копия в тетради П. Я. Дашкова (*Дш*); 14) копия в тетради П. А. Александрова (рукописи 9—13 дают третью редакцию). У Н. В. Гербеля была копия, полный текст которой неизвестен. Из текста ее Гербель напечатал в сборнике „Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений", Берлин, 1861, несколько стихов, один из которых дает разночтение, отличное от всех других текстов (*Гр*[1]).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) разночтения первой редакции (по *N*); б) первоначальные чтения автографа; в) разночтения копий второй редакции; г) неоконченная переделка в *ЛТ*; д) третья редакция, печатаемая на основании указанных копий и е) разночтения копий третьей редакции.

Датировано Пушкиным в *ЛТ* 1814 годом. Стихотворение было написано, вероятно, в первой половине октября этого года.

БОВА.

(„Часто, часто я беседовал").

(Стр. 49 и 280)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка с исправлением по тетради Ф. Ф. Матюшкина стихов 120, 125, 166, 219 и 269. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 249—258. Здесь Жуковским по цензурным требованиям были выпущены двадцать девять стихов (17—22, 26, 27, 30—39, 48—52, 108, 178—180, 218 и 250), а из шестнадцати стихов, дающих разночтения с текстом, печатаемым в настоящем издании, три стиха изменены Жуковским также из-за цензурных соображений:

203. Старичишка с длинной шапкою.
206. Вид противный, глаз на выкате.
227. Странным смехом осветившися.

Выпущенные Жуковским стихи восстанавливались постепенно в течение тридцати трех лет в ряде изданий.

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) беловой автограф пятидесяти трех стихов (ст. 202—254) в *ПД*; 2) копия в тетради Ф. Ф. Матюшкина (*М*); 3) копия пятнадцати стихов (ст. 265—279) в листах полностью несохранившейся тетради, полученной Я. К. Гротом от Ф. Ф. Матюшкина (*Мт*); 4) копия в тетради А. В. Никитенка (*Н*); 5) копия в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 6) копия во второй части тетради Долгорукова.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) варианты автографа и б) разночтения копий.

Датируется сентябрем — октябрем 1814 г.

К БАТЮШКОВУ.

(„Философ резвый и пиит").

(Стр. 55 и 281)

Впервые опубликовано в „Российском Музеуме", 1815, № 1, стр. 8—10, под заглавием „К Б—ву" и с подписью „1... 14—16". Печатается по журнальному тексту с исправлением по автографу стиха 69. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Сохранились: 1) автограф первой редакции послания (в архиве кн. А. М. Горчакова) и следующие копии: 2) в «извлечениях» Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа; 3) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 4) во второй части тетради Долгорукова; 5) в тетради Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова (только двадцать один стих первой редакции, впервые напечатанные П. В. Анненковым в VII томе его издания, стр. 53—54) (*ДЕ*): кроме того, в распоряжении П. В. Анненкова (*А*) и Е. И. Якушкина (*Я*) были копии, теперь неизвестные.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) разночтения автографа; б) разночтения копий с текстом автографа и в) разночтения копии *Я* с журнальным текстом.

Датируется июлем — октябрем 1814 г.

ЭПИГРАММА.

(„Супругою твоей я так пленился").

(Стр. 57)

Впервые опубликовано в „Российском Музеуме", 1815, № 1, стр. 13, с подписью „1... 14—16". Печатается по журнальному тексту. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились копии: 1) в сборнике „Собрание лицейских стихотворений"; 2) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 3) во второй части тетради Долгорукова. Кроме этих копий, была копия в тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа, которой пользовался Анненков. Все известные нам тексты одинаковы.

Датируется апрелем — октябрем 1814 г.

К Н. Г. ЛОМОНОСОВУ.

(„И ты, любезный друг, оставил").

(Стр. 58)

Впервые опубликовано в „Российском Музеуме", 1815, № 13, стр. 263 под заглавием „К Н. Г. Л—ову" и с подписью: „1... 14—16". Печатается по журнальному тексту. В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина (т. IX, 1841) напечатаны лишь отрывки стихотворения (стихи 5—12 и 23—26) под заглавием „Путешественнику". В полном виде стихотворение входит в собрания сочинений Пушкина, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1885 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились копии: 1) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 2) во второй части тетради Долгорукова (лишь первые четыре стиха); 3) в тетради *ЛБ* № 2395, л. 791 (текст, напечатанный в посмертном издании).

Датируется апрелем — октябрем 1814 г.

НА РЫБУШКИНА.

(„Бывало, прежних лет герой").

(Стр. 59)

Впервые опубликовано в „Российском Музеуме", 1815, № 6, стр. 270, под заглавием „Эпиграмма" и с подписью „1... 17—14". Печатается по копии в рукописном „Собрании лицейских стихотворений". В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В Анненкова (т. II, 1855 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в „Собрании лицейских стихотворений"; 2) в первой части тетради кн Н. А. Долгорукова и 3) во второй части тетради Долгорукова. Все тексты одинаковы и озаглавлены „На Рыбушкина" или „Эпиграмма на Рыбушкина".

Датируется ноябрем 1814 г.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.

(„Навис покров угрюмой нощи").

(Стр. 60 и 282)

Впервые опубликовано в „Российском Музеуме", 1815, № 4. стр. 3—9, с подписью „Александр Пушкин". Печатается по журнальному тексту. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) вплетенный в тетрадь *ЛБ* № 2395, лл. 729—732, беловой автограф (*Ав*) с поправками, дающий (до поправок) самую раннюю редакцию (без двух последних строф); 2) копия (в *ПД*) Ф. Ф. Матюшкина (*Мш*), выправленная Пушкиным вписавшим ряд новых вариантов (*МшА*); 3) копия неизвестного лицеиста в архиве кн А М. Горчакова (*N*); 4) автограф, поднесенный Пушкиным Г. Р. Державину, ныне в *ПД* (*АД*); 5) копия в тетради Н. В. Всеволожского (*Вс*),— текст, датируемый, вероятно, концом 1819 г. и сокращенный на две строфы (ст. 9—16 и 161—168); 6) копия в тетради А. В. Шереметева (стихи 17—30) (*Ш*). Кроме этих рукописей была еще копия в так наз. цензурной рукописи издания 1826 г., которой пользовался П. В. Анненков (см. т. II, стр 97).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) разночтения рукописей и б) разночтения текста *Вс*

Датируется декабрем 1814 г. (первая редакция, без двух последних строф,— октябрем — ноябрем 1814 г.).

РОМАНС.

(„Под вечер осенью ненастной").

(Стр. 64 и 284)

Впервые опубликовано Б. М. Федоровым в альманахе „Памятник Отечественных муз, изданный на 1827 год". Печатается по тетради Всеволожского; несохранившиеся в ней последние четыре стиха даются по первопечатному тексту (*Ф*). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились две копии: 1) в тетради Н. В. Всеволожского *(Вс)*, правленная в 1825 г. Пушкиным, и 2) в тетради А. В. Шереметева *(Ш)*.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) переделки в тетради Всеволожского и б) разночтения текстов альманаха и тетради Шереметева.

Датируется 1814 годом.

ЛЕДА.

(„Средь темной рощицы, под тенью лип душистых").

(Стр. 66 и 284)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 269.

Автограф неизвестен. Сохранились копии: 1) в тетради А. В. Никитенка; 2) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради Яковлева — Корфа *(К)* и 3) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова *(Дл¹)*.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения копий.

Датируется 1814 годом.

STANCES.

(„Avez-vous vu la tendre rose").

(Стр. 68 и 285)

Печатается по автографу, хранящемуся в архиве кн. А. М. Горчакова. Впервые опубликовано В. П. Гаевским в „Современнике", 1863, № 7, стр. 176. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. Г. Н. Геннади (т. I, 1870 г.).

Кроме автографа, сохранилась копия в тетради Ф. Ф Матюшкина. Местонахождение автографа, принадлежавшего первоначально Ф. Ф. Матюшкину, а затем Е. Л. Куломзиной, в настоящее время неизвестно.

Датируется предположительно 1814 годом.

MON PORTRAIT.

(„Vous me demandez mon portrait").

(Стр. 69 и 285)

Печатается по тексту, впервые опубликованному П. А. Корсаковым в журнале „Маяк современного просвещения и образования" 1840, ч. III, гл. 2, стр. 134—135. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Автограф, принадлежавший первоначально Ф. Ф. Матюшкину, а затем Е. Л. Куломзиной, утрачен. Сохранились две копии: 1) в тетради С. В. Марковой (в *ПД*) *(МР)*, (копия двадцатых годов, восходящая к какой-то неизвестной нам рукописи); 2) копия, принадлежащая проф. С. С. Юдину *(Ю)*. Копии бар. П. Ф. Гревеница и А. Д. Илличевского были у В. П. Гаевского, напечатавшего по ним стихи 9—16 и 21—24 в „Современнике", 1863, № 7, стр. 176—177.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения копий.

Датируется предположительно 1814 годом.

1815.

ГОРОДОК.

(„Прости мне, милый друг").

(Стр. 73 и 286)

Впервые напечатано в „Российском Музеуме", 1815, № 7, стр. 3—15, с подписью „1... 17—14"*(РМ)*. Печатается по журнальному тексту с восстановлением исключенных цензурой стихов (стихи 15—17, 186—189, 411—416, 419—422 и 427—430) по публикациям П. А. Ефремова („Библиографические Записки", 1861, № 9, стб. 272—273) и В. П. Гаевского („Современник", 1863, № 8, стр. 353). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в разрозненной тетради Ф. Ф. Матюшкина (*Мт*); 2) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова (*Дл*^{1}); 3) во второй части тетради Долгорукова (*Дл*^{2}); 4) копия „пропущенных стихов" в сборнике М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого. Была еще копия в утраченной ныне тетради Яковлева — Корфа (*К*), которой пользовались П. А. Ефремов и В. П. Гаевский.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения копий в *РМ*.

Датируется ноябрем 1814 — мартом 1815 г.

ВОДА И ВИНО.

(„Люблю я в полдень воспаленный").

(Стр. 82 и 286)

Печатается по „Российскому Музеуму", 1815, № 6, стр. 268—269, где впервые опубликовано (с подписью „1... 17—14"). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в сборнике „Дух лицейских трубадуров"; 2) в тетради И. В. Помяловского № 110; 3) во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова (*Дл*^{2}); 4) в сборнике П. Я. Дашкова (*Дш*); 5) в тетради Н. С. Тихонравова *(Т)*. Была еще копия в тетради Яковлева — Корфа, ныне утраченная.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения копий.

Датируется ноябрем 1814 — мартом 1815 г.

ИЗМЕНЫ.

(„Всё миновалось").

(Стр. 83 и 286)

Печатается по „Российскому Музеуму", 1815, № 12, стр. 228—230, где впервые опубликовано. Стихи 73 и 83 исправлены по рукописным копиям. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) лицейского гувернера А. Н. Иконникова, на отдельном листке, ныне в *ПД*, под заглавием „Послание С...ю Г...у Ч...", т. е. С. Г. Чирикову; 2) во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова (только первые три стиха); 4) в разрозненной тетради из собрания В. П. Гаевского *(Гв)*; 5) в тетради П. Я. Дашкова *(Дш)*. Была еще копия в тетради Яковлева — Корфа, ныне утраченная.

Датируется ноябрем 1814 — мартом 1815 г.

К ЛИЦИНИЮ.

(„Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице").

(Стр. 85 и 287)

Впервые напечатано в „Российском Музеуме", 1815, № 5, стр. 129—132, с подписью „1... 17—14". В переработанной редакции вошло в „Стихотворения А. Пушкина", изд. 1826 и 1829 гг. (см. т. II настоящего издания). Здесь печатается по журнальному тексту с учетом особенностей орфографии и пунктуации автографа.

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) беловой автограф в архиве кн. А. М. Горчакова и 2) копия в тетради Н. В. Всеволожского, с поправками Пушкина, сделанными в 1825 г.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения автографа.

Датировано 1815 годом в издании 1826 г. Стихотворение написано в январе — марте этого года.

БАТЮШКОВУ.

(„В пещерах Геликона").

(Стр. 87 и 287)

Печатается по „Российскому Музеуму" с исправлением стиха 11, который в журнале был напечатан: „В дни резвости златыя".

Впервые опубликовано в „Российском Музеуме", 1815, № 6, стр. 266—267, подписью „Александр Нкшп" (с опечаткой: Икшп). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в тетради И. В. Помяловского № 110 ($П^2$); 2) в сборнике „Дух лицейских трубадуров"; 3) в тетради Н. С. Тихонравова (*Т*); 4) в тетради П. Я. Дашкова *(Дш)*.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения копий.

Датируется началом февраля — маем 1815 г.

НАПОЛЕОН НА ЭЛЬБЕ.

(„Вечерняя заря в пучине догорала").

(Стр. 88)

Впервые напечатано в „Сыне Отечества", 1815, ч. 22, № XXV—XXVI, стр. 242—244, с подписью „1... 14—17". В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Рукописей стихотворения не сохранилось.

Датируется апрелем — маем 1815 г.

К ПУЩИНУ.

(„Любезный именинник").

(Стр. 90 и 287)

Впервые опубликовано в „Российском Музеуме", 1815, № 8, стр. 129—131, под заглавием „К П...у (4 мая)" и с подписью „1... 14—17". Печатается по „Российскому Музеуму" с исправлением стихов 2, 37 и 38 („попом" вместо цензурной замены „жрецом") по автографу. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) беловой автограф, принадлежавший И. И. Пущину (ныне в *ПД*); 2) копия в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова (*Дл*[1]).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения автографа.

Датируется 1815 годом; дата „4 мая" принадлежит Пушкину.

К ГАЛИЧУ.

(„Пускай угрюмый рифмотвор").

(Стр. 92 и 288)

Впервые опубликовано в „Российском Музеуме", 1815, № 8, стр. 131—132, под заглавием „К Г...у" и с подписью „1... 14—17". Печатается по журнальному тексту с исправлением двух явных ошибок в стихах 17 и 55. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX. 1841 г.).

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф в тетради *ЛБ* № 2364 *(ЛТ)*, представляющий собой запись (в 1819 г.) только стихов, переделывавшихся для неосуществленного издания и дающих вторую — промежуточную — редакцию послания; 2) копия в тетради А. В. Шереметева, дающая окончательную редакцию стихотворения (*Ш*); 3) копия в альбоме кн. А. М. Горчакова (*Грч*), хранящемся в *ПД* (дает первую редакцию); 4) копия во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова (*Дл*[2]) (контаминированный из разных редакций текст). Была еще копия, опубликованная Е. И. Якушкиным в „Библиографических Записках", 1818 г., № 10, стб. 311, в виде вариантов к тексту издания П. В. Анненкова.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) варианты первой редакции; б) переработка 1819 г. в *ЛТ* и в) последняя редакция.

Датируется апрелем — маем 1815 г.

МЕЧТАТЕЛЬ.

(„По небу крадется луна").

(Стр. 94 и 290)

Впервые опубликовано в „Российском Музеуме", 1815, № 9, стр. 256—259, с подписью „1... 14—17". Печатается по журнальному тексту с исправлением стиха 61 по изданию П. В. Анненкова (т. II, стр. 95). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Автограф неизвестен. Сохранилась лишь одна копия в тетради И. В. Помяловского № 110 (*П*[2]).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения этой копии.

Датируется апрелем — маем 1815 г.

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ. ДРУЗЬЯМ.

(„Хочу я завтра умереть").

(Стр. 96 и 290)

Печатается по копии И. И. Пущина в тетради *ЛБ* № 2364, лл. 19—20 (*ЛТ*), без позднейших поправок Пушкина, с учетом орфографии и пунктуации автографа. Впервые напечатано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 355.

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) беловой автограф в *ПД*, с двумя слоями поправок; основной текст дает первую редакцию стихотворения; 2) копия И. И. Пущина в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364), списанная с автографа после поправок,— вторая редакция стихотворения. Поправки Пушкина дают, повидимому, незаконченную переработку стихотворения; 3) копия в тетради А. В. Никитенка (вторая редакция); 4) копия в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова (текст *ЛТ* до поправок).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) отличия первой редакции; б) разночтения копии *Н* и в) переработка в *ЛТ*.

Стихотворение датировано 1815 годом в *ЛТ* Пушкиным. Написано оно не ранее мая и не позднее октября этого года.

К НЕЙ.

(„Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку").

(Стр. 98 и 292)

Печатается по „Северному Наблюдателю", 1817, ч. 1, № 11, стр. 351, где впервые опубликовано. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф в *ПД*, дающий перебеленный текст с поправками (относящимися, вероятно, к началу 1817 г.), и копии: 2) неизвестного, из бумаг Я. К. Грота (*N*); 3) в тетради И. В. Помяловского № 105 (*П*[1]); 4) в тетради Помяловского № 110 (*П*[2]); 5) в сборнике „Дух лицейских трубадуров" (*Д*); 6) в тетради А. В. Никитенка (*Н*); 7) копия Маслова в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), л. 14 об. (*ЛТ*), с позднейшими поправками поэта.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) варианты раннего автографа; б) варианты *ЛТ* и *Н*; в) поправки 1819 г. в *ЛТ*.

Датируется предположительно второй половиной 1815 г.

К МОЛОДОЙ АКТРИСЕ.

(„Ты не наследница Клероны").

(Стр. 99 и 292)

Печатается по тетради А. В. Никитенка. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 264—266.

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) беловой автограф с поправками в *ПД* и копии: 2) в тетради А. В. Никитенка; 3) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа; 4) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны отличия автографа.

Датируется маем — сентябрем 1815 г.

ВОСПОМИНАНИЕ К ПУЩИНУ.

(„Помнишь ли, мой брат по чаше").

(Стр. 101 и 292)

Печатается по тетради А. В. Никитенка. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 299—300.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) кн. А. М. Горчакова в его архиве *(Г)*; 2) в тетради И. В. Помяловского № 110; 3) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа; 4) в сборнике „Дух лицейских трубадуров" (*Д*); 5) в тетради А. В. Никитенка; 6) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения копий.

Датируется 1815 годом.

ПОСЛАНИЕ К ГАЛИЧУ.

(„Где ты, ленивец мой").

(Стр. 102 и 293)

Печатается по „Российскому Музеуму", 1815, № 10—11, стр. 3—7, где впервые опубликовано под заглавием „Послание к Г . . . . у" и с подписью „1. . . 16—14". В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились две копии стихотворения: 1) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова ($Дл^1$) и 2) во второй части этой же тетради.

В отделе „Другие редакции и варианты" дан вариант первой копии.

Датируется июнем — ноябрем 1815 г.

МОЯ ЭПИТАФИЯ.

(„Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою").

(Стр. 105)

Впервые опубликовано в „Российском Музеуме", 1815, № 10—11, стр. 7, с подписью „1 . . . 16—14". В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились две копии стихотворения: 1) в рукописном „Собрании лицейских стихотворений" и 2) во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова. Все тексты одинаковы.

Датируется июнем — ноябрем 1815 г.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

(„Последним сияньем за лесом горя").

(Стр. 106 и 293)

Печатается по факсимильному воспроизведению автографа (см. ниже). Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 365—366.

Автограф стихотворения, принадлежавший Ф. Ф. Матюшкину, а затем Е. Д. Куломзиной, ныне утрачен, но в „Альбоме Пушкинской выставки в Академии Наук", М., 1899, л. 71, имеется его фототипическое воспроизведение. Сохранились следующие копии: 1) П. М. Юдина в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*) (*ЛТ*), с двумя слоями поправок поэта; 2) в тетради А. В. Никитенка (*Н*); 3) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первоначальные чтения автографа; б) варианты копий *Н* и *ЛТ* и в) позднейшие поправки в *ЛТ*.

Датировано 1815 годом в *ЛТ*; стихотворение написано во второй половине года.

К ДЕЛЬВИГУ.

(„Послушай, муз невинных").

(Стр. 107 и 293)

Стихотворение, неоднократно перерабатывавшееся Пушкиным, печатается в последней лицейской — третьей — редакции по копии А. А. Дельвига в тетради *ЛБ* № 2364, с учетом особенностей орфографии и пунктуации автографа. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 352—354.

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф на отдельном листе (в *ПД*), дающий первую беловую редакцию и многочисленные к ней поправки; 2) копия в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа (*К*); 3) копия в тетради А. В. Никитенка (*Н*); 4) копия в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова (копии 2—4 представляют вторую редакцию); 5) копия А. А. Дельвига в тетради *ЛБ* № 2364, лл. 36—37 — третья редакция, с позднейшими поправками Пушкина (вероятно, 1818 и 1819 гг.), дающими четвертую — незавершенную — редакцию стихотворения.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения: а) первой редакции (по основному тексту автографа), б) второй редакции (по *Н*) и в) переделка в *ЛТ*.

Датировано 1815 годом в *ЛТ* Пушкиным. Написано стихотворение в ноябре этого года.

РОЗА.

(„Где наша роза").

(Стр. 109 и 296)

Печатается по основному тексту автографа в тетради *ЛБ* № 2364, л. 2, до поправок. Впервые опубликовано, в переработанном виде, в „Стихотворениях А. С. Пушкина", 1826, стр. 107. Вошло в издание 1829 г., ч. II, стр. 152.

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф в лицейской тетради Пушкина (№ 2364 *ЛБ*), с позднейшими поправками поэта, и копии: 2) в тетради Ф. Ф. Матюшкина; 3) в тетради И. В. Помяловского № 110: 4) кн. А. М. Горчакова и его архиве и 5) в тетради Н. В Всеволожского. Тексты *ЛТ* (до поправок) и копий 2—4 одинаковы и дают первую редакцию.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны поправки в *ЛТ*. Позднейшую редакцию см. во II томе.

Датируется предположительно 1815 годом.

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗ ПАРИЖА В 1815 ГОДУ.

(„Утихла брань племен; в пределах отдаленных").

(Стр. 110 и 296)

Впервые опубликовано, вероятно, без ведома Пушкина, в „Трудах Общества Любителей Российской Словесности при имп. Московском Университете". М., 1817, ч. IX, стр. 25—28. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II. 1855 г.).

Сохранились следующие копии стихотворения: 1) бар. П. Ф Гревеница (*Гц*); 2) в тетради С. В. Марковой (*Мр*); 3) и 4) две в тетради Долгорукова — Ефремова (*ДЕ*); 5) во второй части тетради Долгорукова, где списано лишь начало.

Печатается по „Трудам Общества Любителей Российской Словесности".

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения копий *Гц* и *ДЕ*.

Датируется ноябрем 1815 г. Написано стихотворение не позднее 28 ноября.

„ИТАК Я СЧАСТЛИВ БЫЛ".

(Стр. 112)

Печатается по автографу — отрывку из лицейского дневника Пушкина (*ЛБ*, рукопись № 3266) — единственному источнику текста. Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина" („Сочинения Пушкина", т. I, 1855, стр. 25).

Запись датирована 29 ноября 1815 г.

СЛЕЗА.

(„Вчера за чашей пуншевою").

(Стр. 113 и 297)

Печатается по копии И. И. Пущина (с ранней поправкой Пушкина в стихе 10) в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 4.). Впервые опубликовано в альманахе кн. В. Ф. Одоевского и В. К. Кюхельбекера „Мнемозина", ч. IV, М., 1824, в качестве текста при нотах романса М. Л. Яковлева. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф в *ПД* (первая редакция стихотворения), на одном листе со стихотворением „К ней" (*Ав*), и копии: 2) кн. А. М. Горчакова в его архиве (*Г*); 3) А. Д. Илличевского (*И*), посланная им П. Н. Фуссу, ныне в *ПД*; 4) копия в тетради И. В. Помяловского № 105 (*П*[1]);5) копия в тетради И. В. Помяловского № 110 (*П*[2]); 6) в рукописном сборнике № 8 из Остафьевского архива; 7) в разрозненной тетради из бумаг кн. П. А. Вяземского; 8) в собрании Л. Н. Майкова в *ПД*; 9) в сборнике В. Г. Коноплева; 10) в альбоме кн. А. М. Горчакова; 11) в тетради П. П. Каверина (известна по публикации Ю. Н. Щербачева „Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин", М., 1913) (копии 6—17 сильно искажены и не дают авторитетных вариантов); 12) копия И. И. Пущина в тетради *ЛБ* № 2364 (*ЛТ*), с позднейшими поправками Пушкина; 13) в тетради А. В. Никитенка (*Н*); 14) в сборнике „Дух лицейских трубадуров" (*Д*); 15 оттиск из „Мнемозины", с поправкой Пушкина, в бумагах А. А. Краевского (в *ПБЛ*).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) варианты автографа и копий; б) поправки в *ЛТ* и в) поправка в оттиске из „Мнемозины".

Датировано в *ЛТ* 1815 годом. Стихотворение написано, вероятно, в первых числах декабря этого года.

„УГРЮМЫХ ТРОЙКА ЕСТЬ ПЕВЦОВ".

(Стр. 114 и 297)

Печатается по автографу — отрывку из лицейского дневника, хранящемуся в *ЛБ* (рукопись № 3266, лл. 3 об.— 4). Впервые опубликовано Д. И. Сапожниковым в „Русском Архиве", 1899, № 2, стр. 345. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания („Просвещения") под ред. П. О. Морозова (т. VI, 1904 г.).

Кроме автографа сохранились следующие копии стихотворения: 1) в рукописном „Собрании лицейских стихотворений" (*СЛС*); 2) во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 3) в тетради Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова; 4) на отдельном листке из архива И. А. Шляпкина.

Датируется (записью Пушкина в отрывке из лицейского дневника) 8 декабря 1815 г.

К БАР. М. А. ДЕЛЬВИГ.

(„Вам восемь лет, а мне семнадцать било").

(Стр. 115 и 297)

Печатается по т. VII „Сочинений Пушкина" под ред. П. В. Анненкова (1857, стр. 11—12), где впервые опубликовано по черновому автографу, ныне утраченному.

Сохранились следующие позднейшие (пятидесятых годов) копии стихотворения: 1) в тетради М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого (*ЛП*); 2) в тетради П. Я. Дашкова

(*Дш*); 3) в тетради Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова (*ДЕ*); 4) в тетради Н. С. Тихоиравова (*Т*); 5) в разрозненной тетради В. П. Гаевского (*Гв*); 6) в тетради П. А. Александрова (*Ал*).

Датировано в несохранившемся автографе 22 декабря 1815 г.

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

(„Помилуй, трезвый Аристарх").

(Стр. 116 и 298)

Печатается по копии неизвестного лицеиста в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, лл. 29—31). Впервые опубликовано в издании П. В. Анненкова, т. II, 1855, стр. 101—104, пропустившего, из-за трудности прочтения, двадцать три стиха (ст. 46—68). Двадцать два стиха были напечатаны В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", 1884, № 2, стр. 435—436; полностью стихотворение появилось в собрании сочинений Пушкина, изд. в 1887 г. Литературным Фондом.

Копия в тетради *ЛБ* № 2364 является единственным источником текста. Пушкин впоследствии дважды работал над стихотворением, значительно изменив его.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первоначальные чтения *ЛТ* и б) неоконченные исправления в *ЛТ*

Стихотворение датировано 1815 годом в *ЛТ* и написано, вероятно, между июнем и декабрем.

ТЕНЬ ФОН-ВИЗИНА.

(„В раю, за грустным Ахероном").

(Стр. 119)

Печатается по копии неизвестного лицеиста, с поправками Пушкина (единственный источник текста), хранящейся в *ПД*. Впервые опубликовано Л. Б. Модзалевским (полностью) в книге „Пушкин. Временник Пушкинской Комиссии", вып. 1, 1935, стр. 3—11 (до этого им же были напечатаны отрывки из поэмы в газете „Вечерняя Москва", от 28 июля 1934 г., и в „Литературном Наследстве", № 16—18, 1934, стр. 815—824). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с 4-го издания Гос. Издательства „Художественная литература" (т. I. 1936 г.).

Датируется 1815 годом и написано, вероятно, в ноябре — декабре этого года.

ГРОБ АНАКРЕОНА.

(„Всё в таинственном молчаньи").

(Стр. 126 и 299)

Печатается по основному тексту копии неизвестного лицеиста в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, лл. 3—3 об.) Впервые опубликовано, вероятно, В. Л. Пушкиным (с рядом его произвольных изменений) в „Трудах Общества Любителей Российской Словесности при имп. Московском Университете", 1818, ч. X, стр. 78—80 второй пагинации, под заглавием „Гробница Анакреона" и с подписью „Александр Пушкин". В окончательной редакции стихотворение вошло в „Стихотворения Александра Пушкина", изд. 1826 г., стр. 48—49, и затем в издание 1829 г., ч. I, стр. 11—13.

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) копия неизвестного лицеиста в тетради *ЛБ* № 2364 (*ЛТ*), с позднейшими поправками Пушкина, дающими вторую редакцию стихотворения; 2) копия в тетради Н. В. Всеволожского (*Вс*), дающая текст *ЛТ* после поправок, с некоторыми изменениями; 3) автограф (заглавие и четыре стиха: 12—15) в тетради *ЛБ* № 2370, л. 29, и две позднейшие копии: 4) в тетради Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова; 5) во второй части тетради Н. А. Долгорукова.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны поправки *ЛТ*. Печатный текст второй редакции, разночтения с ним тетради Всеволожского и автограф тетради № 2370 см. во II томе.

Стихотворение датировано 1815 годом в *ЛТ* и прижизненных изданиях стихотворений Пушкина и было написано, вероятно, в декабре этого года.

ПОСЛАНИЕ К ЮДИНУ.

(„Ты хочешь, милый друг, узнать").

(Стр. 128 и 299)

Печатается по автографу (единственный источник текста) в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, лл. 21—24 об.) (*ЛТ*). Впервые в отрывках опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина" („Сочинения Пушкина", т. I, 1855, стр. 6) — стихи 42—53 и во II томе „Сочинений" (стр. 148—150) — стихи 54—75, 87—99 и 104—115, полностью — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", 1884, кн. 11, стр. 429—434. В собрания сочинений Пушкина полный текст введен П. О. Морозовым (изд. „Литературного Фонда", СПб., 1887, т. I, стр. 97—102).

В отделе „Другие редакции и варианты" приведены первоначальные чтения автографа и позднейшая поправка.

Стихотворение датировано Пушкиным в *ЛТ* 1815 годом.

К ЖИВОПИСЦУ.

(„Дитя Харит и воображенья").

(Стр. 133 и 300)

Печатается по основному тексту копии М. Л. Яковлева в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 12 об.). Впервые опубликовано Б. М. Федоровым в альманахе „Памятник Отечественных Муз на 1827 год", СПб., 1827, стр. 231—232 (*Ф*). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) М. Л. Яковлева в тетради *ЛБ* № 2364, с рядом позднейших поправок Пушкина; 2) кн. А. М. Горчакова в его архиве (*Г*); 3) Н. А. Корсакова при автографе нот его романса на слова стихотворения „К живописцу", поднесенных Е. П. Бакуниной (*Кр*); 4) в тетради И. В. Помяловского № 110 (*П*[2]); 5) в сборнике „Дух лицейских трубадуров" (*Д*); 6) в сборнике П. Я. Дашкова (*Дш*).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) разночтения списков и альманаха и б) поправки в *ЛТ*.

Стихотворение датировано 1815 годом в *ЛТ*.

1816.

„ЗАУТРА С СВЕЧКОЙ ГРОШЕВОЮ".

(Стр. 137)

Печатается по копии в рукописном „Собрании лицейских стихотворений". Впервые опубликовано П. В. Анненковым в VII томе „Сочинений Пушкина" (1857, стр. 99).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в „Собрании лицейских стихотворений"; 2) в „Записке" 1854 г. о Пушкине гр. М. А. Корфа; 3) во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 4) в „Записках о Пушкине" И. И. Пущина (последние два стиха); 5) в тетради гр. Е. П. Растопчиной; 6) в тетради П. И. Бартенева; 7) в тетради М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого. Разночтения копий в отделе „Другие редакции и варианты" не приведены, как мало авторитетные.

Датируется серединой января 1816 г.

УСЫ.

(„Глаза скосив на ус кудрявый").

(Стр. 138 и 301)

Впервые напечатано с грубыми искажениями, без ведома Пушкина, в альманахе „Эвтерпа", М., 1831, стр. 39—42, без заглавия и с подписью „Д. Давыдов". В собрания сочинений входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Автограф неизвестен. Печатается по копии П. Н. Мясоедова в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 25), с позднейшими поправками поэта (*ЛТ*). Кроме названной, сохранились следующие копии: 2) неизвестного (может быть, С. Д. Комовского). в *ПД* (*N*), с поправкой Пушкина; 3) А. Д. Илличевского в *ПД*; 4) в тетради И. В. Помяловского № 105; 5) в тетради И. В. Помяловского № 110; 6) в тетради А. В. Шереметева; 7) в разрозненной тетради В. П. Гаевского; 8) в тетради П. Я. Дашкова; 9) в тетради Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова; 10) в альбоме Голенищева-Кутузова; 11) неизвестного на листе, вырезанном из тетради (в *ПД*, опись № 4, № 40); 12) в разрозненной тетради П. Д. Голохвастова; 13) в сборнике „Дух лицейских трубадуров"; 14) в тетради А. В. Никитенка; 15) в тетради Н. В. Всеволожского *(Вс)*, с поправками Пушкина 1825 г., дающими последнюю редакцию. Кроме этих копий были еще три: 16) в тетради П. П. Каверина; 17) бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина; 18) в цензурной тетради издания стихотворений Пушкина 1826 г., текст которой неизвестен.

Названные копии (кроме *N* и *Вс*) не дают авторитетных разночтений, почему последние и не приводятся в отделе „Другие редакции и поправки", где даны: а) разночтение копии *N*; б) поправки в *ЛТ* и разночтения с *Вс* и в) последняя редакция 1825 г. по *Вс*, с поправками Пушкина.

Стихотворение написано между 12 февраля и 20 марта 1816 г.

ИЗ ПИСЬМА К КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

(„Блажен, кто в шуме городском").

(Стр. 140)

Печатается по подлиннику письма Пушкина к П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 г. (дата проставлена Пушкиным).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве" 1874 г., кн. I. стб. 112.

ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ПУШКИНУ.

(„Христос воскрес, питомец Феба").

(Стр. 141 и 302)

Печатается по копии в рукописном сборнике М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого. Впервые опубликовано А. И. Герценом в сборнике „Полярная Звезда на 1856 год, издаваемая Искандером", кн. 2, Лондон, 1856, стр. 24—25, под заглавием „Христос воскрес" (*ПЗ*). В России впервые напечатано П. В. Анненковым в „Сочинениях Пушкина", т. VII, стр. 16—17 первой пагинации, под заглавием „Желание" и с цензурным пропуском шести стихов: 1—4, 14 и 15 (*А*), восстановленных А. Н. Афанасьевым в „Библиографических Записках" 1858 г., № 11, стб. 346—347.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) вышеуказанная; 2) в сборнике П. Я. Дашкова (*Дш*); 3) в тетради Н. С. Тихонравова (*Т*); 4) в тетради П. А. Александрова (*Ал*); 5) в тетради кн. Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова (*ДЕ*).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения копий и указанных печатных текстов.

Датируется 6—11 апреля 1816 г.

ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

(„Довольно битвы мчался гром").

(Стр. 142)

Печатается по копии С. Г. Ломоносова в бумагах Я. К. Грота (*ПД*). Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 342—343.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) вышеуказанная С. Г. Ломоносова; 2) в сборнике „Дух лицейских трубадуров"; 3) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа; 4) в тетради А. В. Никитенка; 5) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова. Тексты разночтений не дают.

Стихотворение написано, вероятно, в последних числах мая 1816 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

СОН.

(„Пускай поэт с кадильницей наемной").

(Стр. 143 и 302)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 301—309.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в тетради Ф. Ф. Матюшкина (*М*); 2) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа; 3) в тетради А. В. Никитенка (*Н*); 4) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова ($Дл^1$).

Датируется предположительно апрелем — декабрем 1816 г.

КЖ. В. М. ВОЛКОНСКОЙ.

(„On peut très bien, mademoiselle").

(Стр. 148)

Печатается по публикации М. И. Жихарева в статье „Петр Яковлевич Чаадаев. (Из воспоминаний современника)" в „Вестнике Европы", 1871 г., кн. VII, стр. 192, где напечатано впервые. Других источников текста не сохранилось. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. А. Ефремова (т. I, 1880 г.).

Датируется предположительно июлем — августом 1816 г.

ЭКСПРОМПТ НА АГАРЕВУ.

(„В молчаньи пред тобой сижу").

(Стр. 149)

Печатается по копии в рукописном „Собрании лицейских стихотворений". Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 370.

Сохранились следующие копии стихотворения: 1) в тетради Ф. Ф. Матюшкина; 2) в „Собрании лицейских стихотворений"; 3) в тетради А. В. Никитенка; 4) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова. Кроме того, в распоряжении Я. К. Грота был автограф, опубликованный им и ныне утраченный. Все тексты одинаковы.

Датируется предположительно концом мая — сентябрем 1816 г.

ОКНО.

(„Недавно темною порою").

(Стр. 150 и 302)

Печатается по копии И. И. Пущина в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 10). Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 280—281.

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф (в *ПД*), дающий раннюю редакцию, и копии: 2) кн. А. М. Горчакова в его архиве; 3) в сборнике „Дух лицейских трубадуров" *(Д)*; 4) в тетради И. В. Помяловского № 105 ($П^1$); 5) в тетради И. В. Помяловского № 110 ($П^2$); 6) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа (*К*); 7) в тетради А. В. Никитенка (*Н*); 8) вышеуказанная копия И. И. Пущина в тетради № 2364. Копии 2—7 дают раннюю редакцию с незначительными разночтениями.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) текст первой редакции по автографу и б) разночтения копий с текстом автографа.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ*.

К ЖУКОВСКОМУ.

(„Благослови, поэт!.. В тиши Парнасской сени").

(Стр. 151 и 303)

Печатается по беловому автографу с поправками (в *ПД*) и подписью „Арзамасец". Впервые опубликовано А. В. Никитенком в „Сыне Отечества", 1840, т. II, кн. 5, стр. 246—249. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т IX, 1841 г.).

Кроме автографа сохранились две копии стихотворения: 1) в тетради А. В. Никитенка (*Н*); 2) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова ($Дл^1$).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны варианты раннего текста автографа.

Датируется 1816 годом, предположительно сентябрем (после 5-го) — октябрем.

ОСЕННЕЕ УТРО.

(„Поднялся шум; свирелью полевой").

(Стр. 154 и 305)

Печатается по копии А. А. Дельвига в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 17—17 об.), с первым слоем поправок поэта. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 316—317.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) вышеуказанный список А. А. Дельвига в тетради № 2364 (*ЛТ*). Вероятно, в конце 1818 г. Пушкин сильно переделал стихотворение, окончательную „послелицейскую" редакцию которого, а также предшествовавшую последней переработку стихов 12—15 см. в отделе „Другие редакции и варианты"; 2) копия в тетради А. В. Никитенка (*Н*); 3) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ* и было написано, вероятно, в последних числах сентября или в октябре этого года.

РАЗЛУКА.

(„Когда пробил последний счастью час").

(Стр. 155 и 306)

Печатается по основному тексту копии А. Д. Илличевского (до поправок; см. ниже) в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 32—32 об.). Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 325—326.

Автограф не сохранился. Известны следующие копии: 1) вышеуказанный список А. Д. Илличевского в тетради № 2364 (*ЛТ*), с двукратной незавершенной правкой Пушкина, слои которой плохо поддаются разграничению. Эти поправки помещены в отделе „Другие редакции и варианты"; 2) в тетради А. В. Никитенка (здесь текст без заглавия); 3) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова, 4) в тетради П. П. Каверина (*Кв*); 5) в тетради Н. В. Всеволожского — вторая редакция стихотворения с дальнейшей правкой (*Вс*); 6) в разрозненной тетради В. П. Гаевского; 7) в тетради П. Я. Дашкова (*Дш*) (тексты 6 и 7 дают основной текст *Вс*). Кроме этих рукописей была еще копия в так наз. цензурной рукописи „Стихотворений Пушкина" издания 1826 г. *(ЦР)*, напечатанная П. В. Анненковым (т. II, стр. 137—138) *(А)* и точно воспроизводящая текст *Вс*.

В отделе „Другие редакции и варианты", кроме поправок в *ЛТ*, даны: отличия *Кв*, *Дш* и *Вс*; поправки в *Вс* и текст *ЦР*.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ*.

ИСТИННА.

(„Издавна мудрые искали").

(Стр. 156 и 307)

Печатается по копии В. Д. Вальховского в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 4 об.) (*ЛТ*). Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 250.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в тетради Ф. Ф. Матюшкина; 2) в тетради И. В. Помяловского № 110 ($П^2$); 3) в „извлечениях" Я. К Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа (*К*); в сборнике „Дух лицейских трубадуров"; 5) в тетради А. В. Никитенка *(Н)*; 6) вышеуказанная копия В. Д. Вальховского в тетради № 2364 *(ЛТ)*, с поправками Пушкина; 7) в тетради А. В. Шереметева *(Ш)*.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) разночтения копий; б) поправка в *ЛТ*.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ* Пушкиным.

. НА ПУЧКОВУ.

(„Зачем кричишь ты, что ты дева").

(Стр. 157 и 308)

Печатается по автографу — листку „Лицейской антологии, собранной трудами пресловутой *иийий*" *(ПД)*. Впервые напечатано В. П Гаевским в „Современнике", 1863, № 7, стр. 143. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. Г. Н. Геннади (т. I, 1870 г.).

Кроме автографа сохранились следующие копии стихотворения: 1) в „Собрании лицейских стихотворений" *(СЛС)* и 2) в тетради Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова (текст тождественен с *СЛС)*.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны первоначальные чтения автографа.

Датируется последними числами ноября или началом декабря 1816 г.

ДЯДЕ, НАЗВАВШЕМУ СОЧИНИТЕЛЯ БРАТОМ.

(„Я не совсем еще рассудок потерял").

(Стр. 158 и 308)

Впервые опубликовано, без ведома Пушкина, в „Сыне Отечества", 1821, № 11, стр. 179, где был напечатан полный текст письма Пушкина к дяде, включавшийся в ряд собраний сочинений Пушкина, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855). Еще в лицее Пушкиным было извлечено из письма пятистишие с заглавием „Дяде, назвавшему сочинителя братом", вошедшее в следующие рукописные сборники: 1) „Собрание лицейских стихотворений" *(СЛС)*; 2) тетрадь А. В. Никитенка; 3) тетрадь М. Л. Яковлева — М. А. Корфа и впервые напечатанное В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 373. Копии всего письма к В. Л. Пушкину сохранились: 1) в Остафьевском архиве кн. В. Ф. Вяземской; 2) в тетради П. Я. Дашкова (*Дш*); 3) в тетради П. В. Анненкова; 4) во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова. Последний стихотворный отрывок письма („Шолье Андреевич конечно") имеется в тетради Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова *(ДЕ)*.

В настоящем издании печатается по *СЛС*.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) полная редакция письма (по *Дш* с исправлением ст. 5 в пятой стихотворной части по *СО)* и б) разночтения текстов письма.

В копии тетради П. Я. Дашкова письмо датировано 22 декабря 1816 г.

НАЕЗДНИКИ.

(„Глубокой ночи на полях").

(Стр. 159 и 309)

Печатается по копии С. С. Есакова в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, лл. 11—12). Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 359—362.

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф, опубликованный Н. О. Лернером в „Русском Библиофиле", 1915, № 2, стр. 5—12 (с факсимильным воспроизведением), ныне утраченный, дающий перебеленный текст (первая редакция) с многочисленными поправками; 2) копия в тетради А. В. Никитенка; 3) вышеназванная копия С. С. Есакова в тетради № 2364 *(ЛТ)* (вторая редакция), с поправками Пушкина (несколько слоев); 4) копия в тетради Н. В. Всеволожского *(Вс)*, с поправками Пушкина, дающими третью редакцию (1825 г.). Были еще копии: 5) в так наз. цензурной рукописи „Стихотворений Пушкина" издания 1826 г.; 6) в тетради А. В. Шереметева, использованная Е. И. Якушкиным в „Библиографических Записках" 1858 г., № 10; 7) имевшаяся у Н. В. Гербеля.

В настоящем издании печатается вторая (последняя лицейская) редакция. В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первая редакция по автографу (вся последую-

щая работа Пушкина над стихотворением показана в сносках); б) первоначальные чтения в *ЛТ;* в) поправки в *ЛТ;* г) третья редакция по *Вс* (отмененные чтения — под строкой).

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ.*

ЭЛЕГИЯ.

(„Счастлив, кто в страсти сам себе").

(Стр. 161 и 314)

Печатается по копии неизвестного в лицейской тетради Пушкина *(ЛБ* № 2364, л. 10 об.). Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 324.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в сборнике „Дух лицейских трубадуров" *(Д);* 2) вышеуказанная копия в тетради № 2364 *(ЛТ),* с тремя слоями поправок Пушкина; поправки, сделанные в 1817 г., вводятся в основной текст настоящего издания; 3) в тетради А. В. Никитенка *(Н)*; 4) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первоначальное чтение *ЛТ,* варианты *Н* и *Д;* б) поправки в *ЛТ.*

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ.*

МЕСЯЦ.

(„Зачем из облака выходишь").

(Стр. 162 и 315)

Печатается по копии Н. А. Корсакова в лицейской тетради Пушкина *(ЛБ* № 2364, л. 9 об.). Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений, т. IX, 1841, стр. 322—323.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) вышеуказанная копия Н. А. Корсакова в тетради № 2364 *(ЛТ),* с позднейшими поправками Пушкина (двух слоев); 2) в тетради А. В. Никитенка (*Н*); 3) в тетради Н. В. Всеволожского (*Вс*). Была еще копия в так наз. цензурной рукописи „Стихотворений Пушкина" издания 1826 г., разночтения которой сообщены П. В. Анненковым (т. II, стр. 153) *(ЦР).*

В отделе „Другие редакции и варианты" даны поправки в *ЛТ*, разночтения в *Вс* и *ЦР.*

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ.*

ПЕВЕЦ.

(„Слыхали ль вы за рощей глас ночной").

(Стр. 163 и 315)

Печатается по „Северному Наблюдателю", 1817, ч. I, № 1, стр. 14, где впервые опубликовано. В переработанном виде вошло в „Стихотворения А. Пушкина", издание 1826 г., стр. 160, и в издание 1829 г., ч. I, стр. 20—21.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) кн. А. М. Горчакова, в его архиве (*Г*); 2) его же, на листе, вырванном из тетради,— там же; 3) в тетради Ф. Ф. Матюшкина (*М*); 4) в сборнике „Дух лицейских трубадуров" (*Д*); 5) в тетради И. В. Помяловского № 110 (*П*²); 6) И. И. Пущина в тетради ЛБ № 2364, с двукратной позднейшей правкой Пушкина (*ЛТ*); 7) в тетради Н. В. Всеволожского.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны поправки в *ЛТ* и варианты копий. Текст издания 1826 г. и разночтения с ним *Вс* см. во II томе.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ* и в изданиях 1826 и 1829 гг.

К СНУ.

(„Знакомец милый и старинный").

(Стр. 164 и 316)

Печатается по копии неизвестного в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 13). Впервые опубликовано, в переработанной редакции, в альманахе А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева „Полярная Звезда", СПб., 1824, стр. 91, под заглавием „К Морфею". В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) вышеуказанная копия тетради *ЛБ* № 2364, л. 13 (*ЛТ*), с позднейшими поправками Пушкина (трех слоев); 2) в тетради А. В. Никитенка (текст одинаковый с текстом *ЛТ* до поправок; заглавие „Сну"); 3) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 4) в тетради Н. В. Всеволожского (*Вс*) (позднейшая редакция под заглавием „Морфею").

В отделе „Другие редакции и варианты" дана работа над стихотворением в *ЛТ*. Позднейший текст („К Морфею") с разночтениями см. во II томе.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ* и *Вс*.

СЛОВО МИЛОЙ.

(„*Я Лилу слушал у клавира*").

(Стр. 165 и 316)

Печатается по основному тексту копии кн. А. М. Горчакова в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 9). Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 329.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) вышеуказанная копия Горчакова в тетради № 2364 (*ЛТ*), с двумя слоями позднейших поправок Пушкина; 2) в тетради А. В. Никитенка (*Н*); здесь текст без заглавия; 3) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) варианты копии *Н*; б) вторая редакция в *ЛТ*.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ*.

„ЛЮБОВЬ ОДНА — ВЕСЕЛЬЕ ЖИЗНИ ХЛАДНОЙ".

(Стр. 166)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 319—321.

Автограф неизвестен. Кроме копии в тетради А. В. Никитенка сохранилась лишь одна копия в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова, не дающая разночтений.

Предположительно датируется осенью 1816 года.

ЭЛЕГИЯ.

(„Я видел смерть; она в молчаньи села").

(Стр. 168 и 317)

Печатается по основному тексту автографа (без позднейших поправок) в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, лл. 40 об. — 41). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в его издании сочинений Пушкина, т. II, стр. 138, под заглавием „Подражание".

Кроме автографа (позднейшие поправки Пушкина см. в отделе „Другие редакции и варианты") сохранились следующие копии стихотворения: 1) в тетради П. Я. Дашкова; 2) в тетради Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова; 3) в разрозненной тетради В. П. Гаевского; 4) в тетради П. А. Александрова; 5) в тетради Н. В. Всеволожского (*Вс*) (с поправками Пушкина, сделанными весной 1825 г.); 6) А. И Тургенева *(ПД) (Тр)*; 7) в тетради А. В. Шереметева *(Ш)*. Кроме перечисленных были еще следующие рукописи, ныне утраченные: 8) копия, напечатанная Е. И. Якушкиным в „Библиографических Записках", 1858, № 10; 9) автограф в тетради П. И. Капниста; 10) копия в так наз. цензурной рукописи издания 1826 г. *(ЦР)*, опубликованная П. В. Анненковым (см. выше).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) поправки в *ЛТ;* б) редакция 1819 г. (*Вс*); в) отличия копий *Ш* и *Тр*; г) поправки весны 1825 г. в *Вс*; д) редакция осени 1825 г. *(ЦР)*.

Стихотворение датировано Пушкиным в *ЛТ* 1816 годом.

ЖЕЛАНИЕ.

(„Медлительно влекутся дни мои").

(Стр. 169 и 319)

Печатается по основному тексту (до поправок) копии Ф. Х. Стевена в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 14). Впервые опубликовано Б. М. Федоровым в альманахе „Памятник Отечественных Муз на 1827 год", СПб., 1827, стр. 37. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) вышеуказанная копия в тетради *ЛБ* № 2364 *(ЛТ)*, с позднейшими поправками Пушкина; 2) в тетради Н. В. Всеволожского (*Вс*), с поправками Пушкина, сделанными в 1825 г.; 3) в тетради А. В. Шереметева (первые шесть стихов). Тексты *ЛТ* с поправками, *Вс* до поправок, *Ш* и альманаха — одинаковы.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) поправки в *ЛТ*, совпадающие с разночтениями *Вс* с *ЛТ*; б) редакция 1825 г. по последнему чтению *Вс*.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ*.

ДРУЗЬЯМ.

(„К чему, веселые друзья").

(Стр. 170 и 320)

Печатается по основному тексту автографа в лицейской тетради Пушкина *(ЛБ* № 2364, л. 6), без позднейших поправок. Впервые напечатано, в переработанной редакции, в „Стихотворениях А. Пушкина", 1826, стр. 9. Вошло в издание 1829 г., ч. 1, стр. 19.

Кроме автографа (дающего вторую редакцию) сохранились следующие копии стихотворения: 1) в тетради Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова (контаминированный текст); 2) в тетради Ф. Ф. Матюшкина (текст одинаков с основным текстом автографа); 3) в тетради А. В. Никитенка (*Н*); 4) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова: 5) в тетради Н. В. Всеволожского *(Вс)*. Кроме перечисленных были еще рукописи; 6) копия Н. В. Гербеля (*Гр*[1]), тождественная с № 1, и 7) автограф в тетради П. И. Капниста (см. т. II).

Первая редакция полностью до нас не дошла, но можно предполагать, что она состояла из отброшенных впоследствии шестнадцати стихов (см. стр. 397—398) и шестнадцати же стихов второй редакции (вероятно, с вариантами). Третью редакцию стихотворения см. во II томе.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первые шестнадцать стихов первой редакции (по *Гр*[1]); б) разночтение *Н* с *ЛТ*; в) поправки в *ЛТ* и варианты *Вс*; г) поправка в *Вс*.

Стихотворение датировано 1816 годом в *Вс* и в собраниях стихотворений Пушкина изданий 1826 и 1829 гг.

ЭЛЕГИЯ.

(„Я думал, что любовь погасла навсегда").

(Стр. 171 и 321)

Печатается по основному тексту копии С. Г. Ломоносова в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364. л. 15—15 об.) (*ЛТ*) — единственному источнику текста.

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Руской Старине", 1884 г., кн. II, стр. 427—428. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. О. Морозова (1887 г., т. I).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первоначальное чтение *ЛТ* и б) незаконченные поправки в *ЛТ*.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ*.

НАСЛАЖДЕНЬЕ.

(„В неволе скучной увядает").

(Стр. 172 и 321)

Печатается по окончательному чтению автографа на отдельном листке (ныне в *ПД)*. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 286—287.

Кроме автографа сохранились следующие копии стихотворения: 1) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа; 2) и 3) в двух тетрадях И. В. Помяловского № 105 и № 110; 4) в сборнике „Дух лицейских трубадуров" и 5) в тетради А. В. Никитенка. Все копии восходят к окончательному чтению автографа, и разночтения являются ошибками переписчиков.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны первоначальные чтения автографа.

Датируется 1816 годом предположительно.

К МАШЕ.

(„Вчера мне Маша приказала").

(Стр. 173)

Впервые напечатано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 288.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в тетради И. В. Помяловского № 110; 2) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа; 3) в сборнике „Дух лицейских трубадуров" *(Д)*; 4) в тетради А. В. Никитенка. Все тексты одинаковы. В настоящем издании печатается по *Н*.

Датируется 1816 годом (по свидетельству В. П. Гаевского, на виденном им и ныне утраченном автографе была помета: „1816 г. Лицей").

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК.

(„Кубок янтарный").

(Стр. 174 и 322)

Печатается по копии в сборнике „Дух лицейских трубадуров". Впервые опубликовано Б. М. Федоровым в альманахе „Памятник Отечественных Муз на 1827 год", СПб., 1827, стр. 185—187. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии стихотворения: 1) кн. А. М. Горчакова в его архиве *(Г)*; 2) в тетради И. В. Помяловского № 110; 3) кн. А. М. Горчакова в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 18—18 об.), с позднейшими поправками поэта; 4) в тетради Ф. Ф. Матюшкина; 5) в сборнике „Дух лицейских трубадуров"; 6) в тетради Всеволожского (с поправками Пушкина, сделанными в 1825 г.); 7) кн. А. М. Горчакова в его альбоме; 8) в тетради П. Я. Дашкова; 9) в разрозненной тетради П. Д. Голохвастова; 10) в тетради П. А. Александрова. Были еще рукописи: 11) у Б. М. Федорова; 12) у В. П. Гаевского (вероятно, автограф — см. „Современник", 1863, № 8, стр. 374); 13) у Е. И. Якушкина (см. „Библиографические Записки", 1858, № 10, стб. 314).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первоначальное чтение 1816 г. *(ЛТ, Г* и *$П^2$);* б) поправки 1819 г. в *ЛТ;* в) отличие *Вс* от последнего чтения *ЛТ;* г) поправки 1825 г. в Вс.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ*.

ПОСЛАНИЕ ЛИДЕ.

(„Тебе, наперсница Венеры").

(Стр. 175 и 323)

Печатается по „Северному Наблюдателю", 1817, ч. II, № 23, стр. 310—312, где опубликовано впервые. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, лл. 1—2) *(ЛТ)*; 2) копия в тетради Ф. Ф. Матюшкина *(М)*; 3) копия в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 4) копия во второй части тетради Долгорукова.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны варианты автографа *ЛТ* и *М*.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ*.

АМУР И ГИМЕНЕЙ.

(„Сегодня, добрые мужья").

(Стр. 177 и 323)

Печатается по основному тексту копии А. Д. Илличевского в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 7—7 об.) *(ЛТ)*. Впервые опубликовано, в переработанной редакции, в „Стихотворениях А. Пушкина", изд. 1826 г., стр. 66—68; вошло в издание 1829 г., ч. I, стр. 22—26.

Автограф неизвестен. Кроме вышеуказанной копии сохранилась лишь одна копия: в тетради Н. В. Всеволожского *(Вс)*, с поправками, сделанными Пушкиным в 1825 г. Текст издания 1826 г. и разночтения с ним текста Вс см. во II томе.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны первоначальное чтение и позднейшие поправки Пушкина в *ЛТ*.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ* и в изданиях 1826 и 1829 гг.

ФИАЛ АНАКРЕОНА.

(„Когда на поклоненье").

(Стр. 179 и 323)

Печатается по основному тексту (до поправок) копии кн. А. М. Горчакова в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 8). Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 363—364.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) кн. А. М. Горчакова в его архиве; 2) вторая копия Горчакова там же (лишь первые восемнадцать стихов); 3) в тетради И. В. Помяловского № 110; 4) в тетради А. В. Никитенка *(Н)*; 5) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа *(К)*; 6) кн. А. М. Горчакова в тетради № 2364, с позднейшими поправками Пушкина.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) поправки в *ЛТ*; б) разночтения копий *Н* и *К*.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ*.

К ШИШКОВУ.

(„Шалун, увенчанный Эратой и Венерой").

(Стр. 180 и 324)

Впервые напечатано, в переработанной редакции, в „Стихотворениях А. Пушкина", изд. 1826 г., стр. 147—148, под заглавием „Ш..ву", вошло в издание 1829 г., ч. II, стр. 26—27.

Автограф неизвестен. Печатается по основному тексту (с одной поправкой) копии неизвестного лицеиста в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, лл. 32 об.— 34). Этот текст был подвергнут Пушкиным неоднократной и большой переработке. Текст издания 1826 г. см. во II томе. Кроме этой сохранилась лишь одна копия во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова (с контаминированным текстом). Были еще копии, ныне утраченные: 1) в тетради Н. В. Всеволожского; 2) в так наз. цензурной рукописи издания 1826 г.; 3) Е. И. Якушкина, опубликовавшего четырнадцать стихов в „Библиографических Записках" 1858 г., № 10, стб. 318.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первоначальное чтение в *ЛТ* и б) поправки в *ЛТ*.

Стихотворение датировано 1816 годом в изданиях 1826 и 1829 гг.

ПРОБУЖДЕНИЕ.

(„Мечты, мечты").

(Стр. 182 и 325)

Печатается по „Северному Наблюдателю", 1817, ч. II, № 25, стр. 352—353, где опубликовано впервые. В переработанной редакции вошло в „Стихотворения А. Пушкина", изд. 1826 г., стр. 3—4, и затем в издание 1829 г., ч. I, стр. 17—18.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в тетради Ф. Ф. Матюшкина; 2) неизвестного в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 2) (*ЛТ*); 3) в альбоме кн. А. М. Горчакова; 4) в разрозненной тетради кн. П. А. Вяземского (тексты копий 1—4 одинаковы с журнальным); 5) в тетради Н. В. Всеволожского (*Вс*). Кроме перечисленных была 6) копия, принадлежавшая В. Г. Коноплеву (см. „Дела III Отделения об А. С. Пушкине", СПб., 1906, стр. 280).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения *Вс*.

Стихотворение датировано 1816 годом в *ЛТ* и в изданиях 1826 и 1829 гг.

1817.

К КАВЕРИНУ.

(„Забудь, любезный мой Каверин").

(Стр. 185 и 326)

Печатается по факсимильному воспроизведению автографа, принадлежавшего П. П. Каверину и ныне утраченного, но фототипически воспроизведенного в книге Ю. Н. Щербачева „Приятели Пушкина М. Ю. Щербинин и П. П. Каверин", М., 1913.

Впервые опубликовано, без ведома Пушкина, М. А. Бестужевым-Рюминым в альманахе „Северная Звезда, 1829", СПб., 1829, стр. 295—296. В переработанной (третьей) редакции было напечатано Пушкиным в „Московском Вестнике", 1828, ч. XI, № 17, стр. 4—5, под заглавием „К К. 1817". В собрания сочинений Пушкина третья редакция входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.), первая — с издания П. В. Анненкова (т. II, 1855 г.).

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 57) — черновик стихов 18—22 (вероятно конца 1819 г.); 2) автограф на отдельном листе, принадлежавший Н. А. Маркевичу и хранящийся ныне в *ПД*, — вторая редакция стихотворения, в двадцать семь стихов (*Мч*); 3) авторизованная копия руки Л. С. Пушкина на отдельном листке — третья редакция, с поправками Пушкина (вероятно 1828 г.); 4) копия в тетради А. В. Шереметева (*Ш*, текст, близкий к *Мч*). Следующие копии дают текст первой редакции: 5) А. Н. Черткова, в бумагах А. А. Краевского (в *ПБЛ*); 6) тетради Н. Арсеньева, в бумагах Л. В. Поленова (в *ПБЛ*); 7) в тетради П. Я. Дашкова; 8) в тетради В. П. Гаевского; 9) на отдельном листе из собрания Л. Н. Майкова; 10) во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 11) в сборнике М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого. Помимо перечисленных известны следующие, ныне утраченные, копии: 12) П. П. Каверина в его тетради (тождественная, по свидетельству Ю. Н. Щербачева, с автографом); 13) бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина и им опубликованная в „Библиографических Записках" 1858 г., № 11; 14) бывшая у Г. Н. Геннади. Имелся еще автограф в тетради П. И. Капниста (третья редакция), напечатанный П. А. Ефремовым в его издании 1880 г. (т. I).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) отличия второй редакции (по *Мч*); б) разночтения копии *Ш* от *Мч*; в) текст переработки 1819 г. (*ЛТ*). Текст третьей редакции и варианты к ней см. во II томе.

Стихотворение датировано Пушкиным 1817 годом в двух автографах, в списках стихотворений и в „Московском Вестнике" и было написано, вероятно, в первых числах января этого года.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЭЛЕГИЯ.

(„Опять я ваш, о юные друзья").

(Стр. 186 и 327)

Печатается по основному тексту (до поправок) копии И. И. Пущина в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 28). Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 314—315.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) вышеуказанный список И. И. Пущина в тетради № 2364 *(ЛТ),* с многочисленными позднейшими поправками Пушкина, дающими законченную вторую редакцию стихотворения; 2) копия в тетради А. В. Никитенка (*Н*); 3) копия во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова (списано с *Н).*

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) вторая редакция и б) вариант копии *Н*.

Датируется началом января 1817 г.

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ.

(„Лида, друг мой неизменный").

(Стр. 187 и 328)

Печатается по беловому автографу из собрания кн. А. М. Горчакова (ныне в *ГАФКЭ),* дающему вторую редакцию стихотворения. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 347—348.

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф на отдельном листке из собрания Я. К. Грота, хранящийся в *ПД* (первая редакция, с многочисленными поправками, дающими вторую редакцию) *(АГ);* 2) копия стихов 21—40, руки А. Д. Илличевского, списанная с предыдущей рукописи в последнем чтении; 3) вышеназванный беловой автограф из архива кн. А. М. Горчакова — вторая редакция стихотворения *(АГрч)*; 4) копия в тетради Ф. Ф. Матюшкина (текст, одинаковый с № 3); 5) копия неизвестного в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 5) — вторая редакция с многочисленными поправками, дающими дальнейшую незавершенную переработку стихотворения; 6) копия в тетради А. В. Никитенка (*Н*), списана с рукописей 1 и 2; 7) копия в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова (списана с *Н*).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первая редакция, по автографу из собрания Я. К. Грота (*АГ*), в виде разночтений к *АГрч*; в сносках — работа по переделке первой редакции во вторую; б) отличия последнего чтения *ЛТ* от основного текста.

Стихотворение датировано Пушкиным в автографе, принадлежавшем А. М. Горчакову, 1817 годом; написано оно в январе — начале марта 1817 г.

БЕЗВЕРИЕ.

(„О вы, которые с язвительным упреком").

(Стр. 188 и 330)

Печатается по основному тексту (до поправок) копии неизвестного в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 26—26 об.). Впервые напечатано, вероятно В. Л. Пушкиным и с его поправками, в „Трудах Общества Любителей Российской Словесности

при имп. Московском Университете", М., 1818, ч. X, кн. 16, стр. 58—61 (*ТО*). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) вышеназванная копия неизвестного лицеиста в тетради № 2364 (*ЛТ*), с позднейшими поправками Пушкина; 2) в тетради Н. В. Всеволожского (*Вс*); 3) в тетради А. В. Шереметева (*Ш*); 4) в разрозненной тетради П. Д. Голохвастова (*Гл*); 5) копия в бумагах И. В. Помяловского (*Пм*); 6) копия отца поэта С. Л. Пушкина на отдельном листе (в *ПД*) (*Пш*); 7) во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова (текст контаминированный); 8) в тетради П. А. Александрова (отрывок); кроме этих рукописей, по публикации Е. И. Якушкина известна еще одна (9) копия (см. „Библиографические Записки", 1858, № 11, стб. 334—335). Тексты 7—9 не дают авторитетных вариантов.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) разночтения *ТО* и *Пш*; б) исправления в *ЛТ*; в) редакция конца 1819 г. (*Вс*); г) отличия *Ш*, *Пм* и *Гл* от *Вс*.

Датируется январем — началом марта 1817 года.

К ДЕЛЬВИГУ.

(„Блажен, кто с юных лет увидел пред собою").

(Стр. 190 и 333)

Впервые напечатано, в переработанной редакции, в „Стихотворениях А. Пушкина", изд. 1826 г., стр. 149—150, вошло в издание 1829 г., ч. I, стр. 40—41. Во второй лицейской редакции впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 349—350. В настоящем издании печатается та же редакция по копии в тетради А. В. Никитенка, с исправлением стихов 29—30 по публикации Е. И. Якушкина (см. ниже). Третью редакцию и разночтения к ней см. во II томе.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в тетради А. В. Никитенка (вторая редакция) (*Н*); 2) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа; 3) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 4) из собрания Я. К. Грота (тексты копий 2, 3 и 4 совпадают с *Н*); 5) в тетради Н. В. Всеволожского (редакция 1819 г. с поправками, дающими окончательную редакцию 1825 г.); 6) во второй части тетради Долгорукова (*Дл*²) (первая редакция — см. ниже, рукопись № 9); 7) в тетради П. А. Александрова (восемь стихов, пропущенных между стихами 12 и 13). Кроме перечисленных известны две копии, ныне утраченные: 8) в так наз. цензурной рукописи издания 1826 г. и 9) бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина (*Я*), напечатавшего из нее отрывки („Библиографические Записки", 1858, № 11, стб. 332—333) в виде дополнений к тексту Анненкова — Жуковского. Эта копия дает первую редакцию.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения копий первой редакции *Я* и *Дл*².

Стихотворение датировано 1817 годом в изданиях 1826 и 1829 гг. Первая редакция была написана, вероятно, в конце 1816 г., вторая — не позже апреля 1817 г.

СТАНСЫ. ИЗ ВОЛЬТЕРА.

(„Ты мне велишь пылать душою").

(Стр. 191 и 334)

Печатается по копии В. К. Кюхельбекера в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 35—35 об.) (основной текст, с одной поправкой (ст. 34), сделанной в начале 1817 г.). Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 293—294.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) на отдельном листе из собрания Я. К. Грота, ныне в *ПД* *(Гт)*; 2) в тетради Ф. Ф. Матюшкина *(М)*; 3) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа; 4) в тетради А. В. Никитенка *(Н)*; 5) в тетради И. В. Помяловского № 110 *(П²)* (копии 1—5 дают первую редакцию стихотворения); 6) вышеуказанная копия В. К. Кюхельбекера в тетради № 2364 *(ЛТ)*, с многочисленными поправками Пушкина, дающими вторую редакцию; 7) в тетради Н. В. Всеволожского *(Вс)* — последнее чтение *ЛТ*. Кроме перечисленных была копия у Е. И. Якушкина *(Я)*, приведшего из нее в „Библиографических Записках" 1858 г., № 11, стб. 333, несколько вариантов.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первоначальное чтение *ЛТ*; б) разночтения копий первой редакции; в) разночтения второй редакции (1819 г.) по *Вс* и последнему чтению *ЛТ*; г) вариант копии *Я*.

Стихотворение датировано Пушкиным в *ЛТ* 1817 годом и было написано в январе—мае этого года.

ПОСЛАНИЕ В. Л. ПУШКИНУ.

(„Скажи, парнасский мой отец").

(Стр. 192)

„Отрывок из послания В Л. Пушкину" (стихи 55—75) впервые напечатан в альманахе А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева „Полярная Звезда на 1824 год", СПб., 1824, стр. 234—235, и затем перепечатан в „Стихотворениях А. Пушкина", изд. 1826 г., стр. 145—146, и в издании 1829 г., ч. I, стр. 38—39. Полностью впервые опубликовано А. И. Герценом в „Полярной Звезде на 1858 год", кн. 4, Лондон, 1858, стр. 265—268. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания Г. Н. Геннади (т. I, 1859 г.)

В настоящем издании стихи 1—6, 8, 9, 11—25, 27, 29—39, 41—53, 76 и 78—87 печатаются по „Полярной Звезде" Герцена, стихи 7 и 10 печатаются так, как читаются во всех копиях; стихи 26 и 40 по *Л*; стихи 54—75 и 77 по копии П. Я. Дашкова. Разночтения списков в отделе „Другие редакции и варианты" не приводятся, как недостаточно авторитетные.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в тетради Н. С. Тихонравова; 2) в тетради П. А. Александрова; 3) в тетради М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого *(Л)*; 4) в тетради П. Я. Дашкова. Помимо перечисленных было еще несколько копий, ныне утраченных, в том числе — опубликованная Е. И. Якушкиным в „Библиографических Записках" 1858 г., № 11, стб. 335—337 (стих 28 печатается по его коньектуре).

Стихотворение датировано 1817 годом в изданиях 1826 и 1829 гг. и было написано, вероятно, в марте — мае этого года.

ПИСЬМО К ЛИДЕ.

(„Лишь благосклонный мрак раскинет").

(Стр. 194 и 334)

Печатается по основному тексту автографа (единственного источника текста) в лицейской тетради Пушкина *(ЛБ* № 2364, л. 31 об.) *(ЛТ)*. Впервые опубликовано П. В. Анненковым в его издании сочинений Пушкина: стихи 1—13 — во II томе, 1855, стр 163—164, последние девять стихов — в VII томе, 1857, стр. 54—55.

В конце 1818 г. Пушкин сократил и переработал стихотворение. Эту вторую (не-

законченную) редакцию см. в отделе „Другие редакции и варианты" (в сносках — первоначальные чтения).

Датировано Пушкиным 1817 годом в *ЛТ* и было написано в январе — мае этого года.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

(„Встречаюсь я с осьмнадцатой весной").

(Стр. 195 и 335)

Печатается по публикации М. Н. Лонгинова в „Современнике", 1856, № 11, отд. V, стр. 40—42, где опубликовано (без заглавия) впервые (стих 34, пропущенный в „Современнике" по недосмотру, восстановлен по спискам). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. VII, 1857, стр. 13—15) *(А).*

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии стихотворения: 1) в тетради М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого *(Л);* 2) в тетради П. Я. Дашкова *(Дш);* 3) в тетради Н. С. Тихонравова *(Т);* 4) в тетради П. А. Александрова *(Ал).* Кроме перечисленных была еще копия в тетради Н. В. Всеволожского на вырванном из тетради листе, от которого остался обрывок с частями слов.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения копий.

Датируется апрелем — первыми числами июня 1817 г.

В АЛЬБОМ.

(„Пройдет любовь, умрут желанья").

(Стр. 197 и 335)

Печатается по автографу в тетради *ЛБ* № 2367. Впервые опубликовано без разрешения Пушкина (вероятно во второй — переработанной — редакции) в альманахе „Листки Граций или собрание стихотворений для альбомов", М., 1829, стр. 21. Этот же текст напечатан в „Москвитянине", 1842, ч. III, № 6, стр. 221. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. I, 1855 г.).

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф в тетради Пушкина *ЛБ* № 2367, л. 3 об., дающий первую редакцию, с двумя позднейшими поправками; 2) копия в альбоме кн. А. М. Горчакова (первая редакция). Твердой уверенности в том, какая из двух редакций стихотворения является первой, быть не может за отсутствием документальных данных.

Стихотворение датировано 1817 годом в автографе и было написано в конце мая — начале июня этого года.

В АЛЬБОМ ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

(„Мой друг! неславный я поэт").

(Стр. 198 и 336)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 393—394.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии стихотворения: 1) в тетради Ф. Ф. Матюшкина (*М*); 2) в „извлечениях" З. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа *(К);* 3) в тетради А. В. Никитенка; 4) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова.

Датировано 31 мая 1817 г., по свидетельству В. П. Гаевского, в утраченном автографе стихотворения в альбоме А. Д. Илличевского. Эта же дата имеется в тетради Никитенка и в копии Я. К. Грота в его „извлечениях".

ТОВАРИЩАМ.

(„Промчались годы заточенья").

(Стр. 199 и 336)

Печатается по копии И. И. Пущина — основной текст с одной поправкой Пушкина в стихе 24, в его лицейской тетради (*ЛБ* № 2364, л. 37). Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 397—398, под заглавием „К товарищам перед выпуском".

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии стихотворения: 1) вышеназванная копия И. И. Пущина в тетради № 2364 *(ЛТ)*, с несколькими позднейшими поправками Пушкина; 2) копия Пущина на отдельном листе (в *ПД)*; 3) в тетради А. В. Никитенка *(Н)*; 4) кн. А. М. Горчакова в его альбоме; 5) в тетради В. Ф. Щербакова *(Щр)*; 6) в тетради П. Я. Дашкова *(Дш)*; 7) в разрозненных листах из тетради кн. П. А. Вяземского; 8) в тетради № 8 из Остафьевского архива. Кроме перечисленных известны следующие, ныне утраченные, рукописи: 9) автограф, подаренный Пушкиным Е. А. Энгельгардту и виденный В. П. Гаевским; 10) и 11) две копии П. П. Каверина, описанные Ю. Н. Щербачевым (см. „Приятели Пушкина М. Ю. Щербинин и П. П. Каверин", М., 1913, стр. 111—113); 12) копия, бывшая у Е. И. Якушкина (см. „Библиографические Записки", 1858, № 11, стб. 333—344); 13) предположительно — в тетради Н. В. Всеволожского.

Наиболее ранний текст дает тетрадь А. В. Никитенка, следующую редакцию — основной текст *ЛТ*. Можно предполагать, что между текстом *ЛТ* с поправками и текстом Всеволожского (реконструированным по копии П. Я. Дашкова) существовала еще какая-то редакция, получившая широкое распространение (копии 4, 6, 7, 8, 10, 11 и 12).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) варианты первой редакции (по *Н)*; б) первоначальное чтение *ЛТ*; в) варианты *Щр*, восходящие, вероятно, к тексту „промежуточному" между *ЛТ* и *Вс*; г) варианты *Дш*,— вероятно, они восстанавливают несохранившийся текст тетради Всеволожского.

Стихотворение датировано в *ЛТ* 1817 годом и было написано в мае или в первых числах июня.

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ БОЛЬНИЦЫ.

(„Вот здесь лежит больной студент").

(Стр. 200 и 337)

Печатается по копии в рукописном „Собрании лицейских стихотворений". Впервые опубликовано И. И. Пущиным в его „Записках о Пушкине" („Атеней", 1859, № 8, стр. 523). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. А. Ефремова (т. I, 1880 г.).

Автограф неизвестен. Помимо вышеназванной копии сохранились следующие: 1) И. И. Пущина в рукописи его „Записок", хранящейся в *ПД (Пщ)*; 2) во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 3) в тетради Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова. Копии 2 и 3 тождественны с текстом „Собрания лицейских стихотворений".

В отделе „Другие редакции и варианты" дан вариант копии *Пщ*.

Датируется первыми числами июня 1817 г.

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ.

(„Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок").

(Стр. 201 и 337)

Печатается по „Современнику", 1841, т. XXII, стр. 72, где было впервые опубликовано (без заглавия). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Сохранились следующие копии: 1) И. И. Пущина в рукописи его „Записок о Пушкине", хранящейся в *ПД;* 2) в тетради Н. В. Всеволожского с рядом позднейших поправок Пушкина, приводящих к новой редакции (см. стр. 417; стих 7 испорчен переписчиком). Кроме этих рукописей был автограф, с которого П. П. Ершов снял копию для опубликования в „Современнике" *(Е).* Вероятно, другой автограф видел у Пущина Е. И. Якушкин, опубликовавший варианты его в „Библиографических Записках", 1858, № 11, стб. 334 *(Я).*

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) разночтения *Е* с *Я;* б) разночтения *Вс* и в) полностью редакция 1825 г. (последнее чтение *Вс).*

Датируется концом мая — первыми числами июня 1817 г.

КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

(„В последний раз, в тиши уединенья").

(Стр. 202)

Печатается по „Невскому Зрителю", 1820, ч. II, апрель, стр. 66—67, где опубликовано впервые. Вошло, в несколько измененной редакции, в „Стихотворения А. Пушкина", изд. 1826 г., стр. 69, и в издание 1829 г., ч. I. стр 36—37 (заглавие — „Разлука").

Автограф неизвестен. Сохранились две копии: 1) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа и 2) в тетради Н. В. Всеволожского. В последней имеется ряд поправок Пушкина.

Текст изданий 1826 и 1829 гг. и разночтения с последним текста тетради Всеволожского см. во II томе.

Датируется первыми числами июня 1817 г. (В „Невском Зрителе" у стихотворения имеется помета: „Лицей. 9 июня 1817 г." — т. е. день выпускного акта)

К ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

(„В нем пунша и войны кипит всегдашний жар").

(Стр. 203 и 338)

Печатается по копии в рукописном „Собрании лицейских стихотворений". Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 371.

Автограф неизвестен. Помимо вышеуказанной сохранились копии: 1) в тетради А. В. Никитенка и 2) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова. В ныне утраченной тетради П. П. Каверина имелась копия, напечатанная Ю. Н. Щербачевым („Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин", М., 1913, стр. 89). Эта первая редакция *(Кв)* приведена в отделе „Другие редакции и варианты".

Датируется 1817 годом предположительно.

К ПИСЬМУ.

(„В нем радости мои; когда померкну я").

(Стр. 204)

Печатается по копии в „Собрании лицейских стихотворений". Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 372.

Автограф неизвестен. Сохранились, помимо указанной, две копии: 1) в тетради А. В. Никитенка и 2) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова, не дающие разночтений.

Датируется 1817 годом предположительно.

СНОВИДЕНИЕ.

(„Недавно, обольщен прелестным сновиденьем").

(Стр. 205)

Печатается по копии в „Собрании лицейских стихотворений". Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 395.

Автограф неизвестен. Сохранились. кроме вышеуказанной, следующие копии: 1) в тетради Ф Ф Матюшкина; 2) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. А. Яковлева — М. А. Корфа; 3) в тетради А. В. Никитенка; 4) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова. Все тексты одинаковы.

Датируется 1817 годом предположительно.

ОНА.

(„Печален ты; признайся, что с тобой").

(Стр. 206)

Печатается по копии в „Собрании лицейских стихотворений". Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 396.

Автограф неизвестен. Сохранились, кроме вышеуказанной, две копии: 1) в тетради А. В. Никитенка; 2) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова. Все тексты одинаковы.

Датируется 1817 годом предположительно.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ (1813—1817).

СТАРИК.

(„Уж я не тот философ страстный").

(Стр. 209)

Печатается по „Российскому Музеуму", 1815, ч. II, № 5, стр. 142, где опубликовано впервые с подписью: Александр Н. — П. В переработанной редакции вошло в „Стихотворения А. Пушкина", изд. 1826 г., стр. 112, и в издание 1829 г., ч. II, стр. 153.

Первоначальная (опубликованная в журнале) редакция в рукописях не сохранилась. Автограф в лицейской тетради Пушкина и копия в тетради Н. В. Всеволожского дают тексты, близкие к изданному в 1826 г. Эти тексты см. во II томе.

Датируется 1814 — апрелем 1815 г.

К ДЕЛИИ.

(„О Делия драгая").

(Стр. 210 и 339)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 297—298.

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) черновой автограф, находящийся ныне в Чешском Национальном музее в Праге (недоработанная редакция); 2) копия неизвестного лицеиста (может быть А. Д. Илличевского), с поправками, сделанными почерком, очень напоминающим почерк Пушкина (*N*); 3) копия в сборнике „Дух лицейских трубадуров"; 4) копия в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа; 5) копия в тетради А. В. Никитенка; 6) копия в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова Тексты 3—6 совпадают.

В отделе „Другие редакции и варианты" приведены: а) текст чернового автографа (в сносках — зачеркнутые первоначальные чтения) и б) отличия копии неизвестного (*N*).

Датируется 1815—1816 годами.

ПРИМЕЧАНИЯ

ДЕЛИЯ.

(„Ты ль передо мною").

(Стр. 211)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 295—296.

Автограф неизвестен. Кроме вышеуказанной сохранились следующие копии: 1) в сборнике „Дух лицейских трубадуров"; 2) в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа; 3) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова. Все тексты одинаковы.

Датируется 1814—1816 годами.

ФАВН И ПАСТУШКА.

(„С пятнадцатой весною").

(Стр. 212 и 340)

Впервые напечатано, без разрешения Пушкина, Б. М. Федоровым в альманахе „Памятник Отечественных Муз на 1827 год", СПб., 1827, стр. 172—180, под заглавием „Отрывки из стихотворения «Фавн и пастушка»" с подзаголовком „Картины" (по цензурным требованиям пропущено сорок стихов — стихи 24—43, целиком часть VII и стихи 124—127 и 184—187). Все недостающие стихи были опубликованы Е. И. Якушкиным в „Библиографических Записках". 1858. № 10, стб. 315—316. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Автограф неизвестен Сохранились следующие копии: 1) в разрозненной тетради, полученной Я. К. Гротом от Ф Ф. Матюшкина (*Мт*); 2) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова (*Дл*[1]); 3) во второй части тетради Долгорукова; 4) цензурная рукопись (неполная) несостоявшейся публикации в „Славянине" А. Ф. Воейкова; 5) в тетради кн. Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова; 6) в тетради П. А. Александрова. Были еще копии, ныне утраченные: 7) в тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа, виденной П. В. Анненковым; 8) опубликованная Е. И. Якушкиным (см. выше); 9) бывшая у Н. В. Гербеля; 10) бывшая у В. П. Гаевского.

В настоящем издании печатается вторая редакция стихотворения, недошедшая в рукописях и реконструированная по публикациям Б. М. Федорова и Е. И. Якушкина. Стих 60, пропущенный в альманахе по недосмотру и напечатанный Е. И. Якушкиным с ошибкой, исправлен по *Дл*[1]. Копии *Мт* и *Дл*[1] дают первоначальную редакцию, разночтения которой приведены в отделе „Другие редакции и варианты".

Датируется 1814—1816 годами.

ПОГРЕБ.

(„О сжальтесь надо мною").

(Стр. 217 и 343)

Печатается по копии в тетради А. В. Никитенка с исправлением стиха 13 по другим спискам. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, 1841, стр. 289.

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) кн. А. М. Горчакова в его архиве *(Г)*; 2) в тетради И. В. Помяловского № 105 *($П^1$)*; 3) в тетради И. В. Помяловского № 110 *($П^2$)*; 4) в сборнике „Дух лицейских трубадуров"; 5) в тетради А. В. Никитенка; 6) в альбоме кн. Горчакова с поправкой Пушкина (*Грч*).

Копии 1—3 дают более раннюю редакцию, а копии 5 и 6 — текст, исправленный вероятно, весной 1817 г.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) разночтения ранней редакции; б) разночтения авторизованной копии *Грч*.

Стихотворение написано, вероятно, в 1816 году.

„И ОСТАНЕШЬСЯ С ВОПРОСОМ".

(Стр. 218)

Печатается по рукописи „Записок о Пушкине" И. И. Пущина, хранящейся в *ПД* (других текстов не сохранилось). Впервые напечатано А. И. Герценом в „Полярной Звезде на 1861 год", Лондон, 1861, стр. 107, в составе выпущенных в „Атенее" мест из „Записок" И. И. Пущина. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. А. Ефремова (т. I, 1880 г.).

Экспромт мог быть сказан Пушкиным зимой 1816—1817 года.

„ОТ ВСЕНОЩНОЙ ВЕЧОР ИДЯ ДОМОЙ".

(Стр. 219)

Печатается по рукописи „Записок о Пушкине" И. И. Пущина (в *ПД)*, с исправлением по другим спискам стихов 5, 7 и 14[1]. Впервые опубликовано: первые шесть стихов — И. И. Пущиным в „Атенее", 1859, № 8, стр. 517, полностью — Н. В. Гербелем в „Стихотворениях Пушкина, не вошедших в последнее собрание его сочинений", Берлин, 1861, стр. 6, А. И. Герценом в „Полярной Звезде на 1861 г.", Лондон, 1861, стр. 106, и Н. А. Огаревым в „Русской потаенной литературе XIX столетия", Лондон, 1861, стр. 99. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. А. Ефремова (т. I, 1880 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) вышеуказанная копия И. И. Пущина; 2) копия во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 3) в тетради кн. Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова. Кроме того, были еще утраченные ныне копии: Ф. Ф. Матюшкина, которой пользовался П. А. Ефремов, и копии, по которым стихотворение напечатано Гербелем, Герценом и Огаревым.

Стихотворение написано в 1814 — мае 1817 г.

„Я САМ В СЕБЕ УВЕРЕН".

(Стр. 220)

Печатается по книге Ю. Н. Щербачева „Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин", М., 1913, стр. 104, где опубликовано впервые по копии в тетради Каверина, ныне утраченной. Других рукописей не сохранилось. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания под ред. С. А. Венгерова (т. VI, 1915 г.).

Стихотворение написано в сентябре 1816 — мае 1817 г.

---

[1] В ст. 15 на месте пропущенного слова в рукописи Пущина стоят четыре точки.

ПРИМЕЧАНИЯ

COUPLETS.

(„Quand un poète en son extase").

(Стр. 221 и 343)

Печатается по беловому автографу с поправками (в *ПД*). Две первые строфы впервые опубликованы П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина" („Сочинения Пушкина", т. I, 1855. стр. 18), всё стихотворение полностью — Г. Н. Геннади в „Библиографических Записках", 1858, № 22, стб. 688, и затем в издании сочинений Пушкина, 1859, т. I, стр. 575.

Кроме автографа сохранилась копия в тетради Ф. Ф. Матюшкина. Была еще копия в тетради С. Д. Полторацкого, по которой текст напечатан Геннади.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны первоначальные чтения автографа.

Стихотворение можно датировать второй половиной 1816 — маем 1817 г.

ЭПИГРАММА.

(„«Скажи, что нового». — Ни слова").

(Стр. 222 и 343)

Печатается по автографу (с поправками) на листке из „Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*" (в *ПД*). Впервые опубликовано, в переработанной редакции, в „Северных Цветах на 1829 год", отдел „Поэзия", стр. 32, под заглавием „Любопытный". Вошло в „Стихотворения А. Пушкина", ч. II, 1829, стр. 176. Этот текст см. во II томе.

Кроме автографа сохранились следующие копии: 1) в рукописном „Собрании лицейских стихотворений" и 2) в тетради А. В. Никитенка, не дающие разночтений.

Время написания эпиграммы — 1814—1816 годы.

„БОЛЬНЫ ВЫ, ДЯДЮШКА? НЕТ МОЧИ".

(Стр. 223)

Печатается по беловому автографу на листке из „Лицейской антологии, собранной трудами преслевутого *ийший*" (в *ПД*). Впервые опубликовано В. П. Гаевским в „Современнике", 1863, № 7, стр. 143. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. Г. Н. Геннади (т. I, 1870 г.).

Кроме автографа сохранились следующие копии стихотворения: 1) в тетради кн. Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова и 2) в тетради кн. Н. А. Долгорукова. Все тексты одинаковы.

Датируется 1814 — 1816 годами.

НАДПИСЬ К БЕСЕДКЕ.

(„С благоговейною душой").

(Стр. 224 и 344)

Печатается по беловому автографу на листке из „Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*" (в *ПД)*. Впервые опубликовано П. В. Анненковым в VII томе его издания сочинений Пушкина (1857 г., стр. 81 первой пагинации).

Кроме автографа сохранились следующие копии: 1) в рукописном „Собрании лицейских стихотворений"; 2) в тетради Ф. Ф. Матюшкина; 3) в тетради кн. Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова; 4) во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 5) в тетради П. А. Александрова; 6) С. Г. Ломоносова в лицейской тетради Пушкина *(ЛБ*, № 2364, л. 13 об.) (*ЛТ*) с позднейшими поправками поэта (двух слоев); 7) в тетради Н. В. Всеволожского *(Вс)*.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) вариант заглавия в автографе и б) поправки в *ЛТ* и отличие *Вс*.

Время написания стихотворения — 1814—1816 годы.

„ВОТ ВИЛЯ — ОН ЛЮБОВЬЮ ДЫШЕТ".

(Стр 225 и 344)

Печатается по беловому автографу (с поправками) на листке из „Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*" (в *ПД)*. Впервые опубликовано В. П. Гаевским в „Современнике", 1863, № 7, стр. 148. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. Г. Н. Геннади (т. I, 1870 г.).

Кроме автографа сохранилась единственная копия в тетради кн. Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны первоначальные чтения автографа.

Датируется маем 1814—1816 г.

НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКОГО.

(„Ах! боже мой, какую").

(Стр. 226 и 344)

Печатается по копии в рукописном „Собрании лицейских стихотворений". Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в его первом издании (т. I, 1880, стр. 58), под заглавием „На гр. А. К. Разумовского" *(Е)*.

Автограф неизвестен. Сохранились две копии: 1) вышеуказанная в „Собрании лицейских стихотворений" и 2) в черновой рукописи статьи В. П. Гаевского „Пушкин и литературный кружок в Царскосельском лицее" (*Гв*), хранящейся в Государственном Литературном Музее в Москве.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны разночтения *Гв* и *Е*.

Датируется 1814—1816 годами.

НА БАБОЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ.

(„Прекрасная! пускай восторгом насладится").

(Стр. 227)

Печатается по копии в рукописном „Собрании лицейских стихотворений". Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", 1884, кн. XII, стр. 576. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого академического издания (т. I, 1899 г.).

Помимо вышеуказанной сохранились копии: 1) в тетради А. В. Никитенка, где стихотворение озаглавлено: „К Баболовскому дворцу"; 2) в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 3) во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова. Все тексты одинаковы.

Датируется 1814—1816 годами.

„ПОЖАРСКИЙ, МИНИН, ГЕРМОГЕН".

(Стр. 228)

Печатается по копии в рукописном „Собрании лицейских стихотворений". Впервые опубликовано В. П. Гаевским в „Современнике", 1863, № 7, стр. 164.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. А. Ефремова (т. I, 1880 г.).

Автограф неизвестен. Кроме названной копии сохранилась дефектная запись экспромта, сделанная В. П. Гаевским, вероятно, со слов М. Л. Яковлева или Ф. Ф. Матюшкина, в черновой рукописи статьи В. П. Гаевского „Пушкин и литературный кружок в Царкосельском лицее", хранящейся в Государственном Литературном Музее в Москве.

Датируется 1814 — маем 1817 г.

ЭПИГРАММА НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА.

(„Покойник Клит в раю не будет").

(Стр. 229 и 344)

Впервые напечатано в „Северном Наблюдателе", 1817, ч. II, № 2, стр. 68. По этому тексту и печатается. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с посмертного издания (т. IX, 1841 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в рукописном „Собрании лицейских стихотворений" и 2) в тетради А. В. Никитенка *(Н)*. Все тексты одинаковы. Вариант заглавия см. в отделе „Другие редакции и варианты".

Датируется маем 1814 — маем 1817 г.

ПОРТРЕТ.

(„Вот карапузик наш, монах").

(Стр. 230)

Печатается по копии в рукописном „Собрании лицейских стихотворений". Впервые опубликовано Я. К. Гротом в его книге „Пушкин, его лицейские товарищи и наставники", СПб, 1887, стр. 214. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого академического издания (т. I, 1899 г.).

Автограф неизвестен. Кроме вышеуказанной сохранилась лишь одна копия в тетради Ф. Ф. Матюшкина. Тексты обеих копий одинаковы.

Датируется мартом 1816 — маем 1817 г.

СРАВНЕНИЕ.

(„Ты хочешь ли узнать, моя драгая").

(Стр. 231 и 345)

Печатается по копии в рукописном „Собрании лицейских стихотворений". Впервые опубликовано Н. В. Гербелем в „Стихотворениях Пушкина, не вошедших в последнее собрание его сочинений", Берлин, 1861, стр. 128; по автографу — впервые Б. В. Томашевским в журнале „Жизнь Искусства", 1924, № 1, стр. 13. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. I, 1882).

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф на отдельном листе (в *ПД*), дающий раннюю редакцию, и копии; 2) в рукописном „Собрании лицейских стихотворений" (*СЛС*); 3) в тетради кн. Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова; 4) во второй части тетради кн. Н. А. Долгорукова; 5) в тетради П. А. Александрова. Копии дают ряд неавторитетных вариантов, обусловленных изустной передачей стихотворения.

В отделе „Другие редакции и варианты" дана ранняя редакция, по автографу.

Датируется предположительно 1816 годом.

НА ПУЧКОВУ.

(„Пучкова, право, не смешна").

(Стр. 232 и 345)

Печатается по беловому автографу (с поправками) на листке из „Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*". Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Русской Старине", 1884, кн. III, стр. 663. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. I, 1887 г.).

Кроме автографа сохранилась лишь одна копия в „Собрании лицейских стихотворений" (*СЛС*).

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) варианты автографа и б) разночтение с последним чтением автографа текста *СЛС*.

Датируется предположительно концом 1814 — началом 1815 гг.

ТВОЙ И МОЙ.

(„Бог весть, за что философы, пииты").

(Стр. 233 и 345)

Печатается по копии С. Г. Ломоносова в лицейской тетради Пушкина (*ЛБ* № 2364, л. 13 об.), без позднейших поправок поэта, но с исправлением явно дефектного стиха 6 по другим спискам. Впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина (т. IX, 1841 г.).

Автограф неизвестен. Сохранились следующие копии: 1) в рукописном „Собрании лицейских стихотворений"; 2) вышеуказанная копия в тетради № 2364 *(ЛТ);* 3) в тетради А. В. Никитенка; 4) в тетради Н. В. Всеволожского *(Вс).* Основной текст последней, одинаковый с текстом *ЛТ* после поправок, имеет исправления, сделанные Пушкиным в 1825 г.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) поправки в *ЛТ* и разночтения *Вс* и б) поправки в *Вс.*

Датируется 1814—1816 годами.

„ТОШНЕЙ ИДИЛЛИИ И ХОЛОДНЕЙ ЧЕМ ОДА".

(Стр. 234)

Печатается по копии в рукописном „Собрании лицейских стихотворений" — единственному источнику текста. Здесь явно ошибочное заглавие: „Элегия на смерть друга". Впервые опубликовано Н. В. Измайловым в „Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год", Пгр., 1922, стр. 67—68. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания Гос. Издательства „Художественная Литература", М., 1933, т. V, кн. 2, стр. 927. Авторство Пушкина доказано С. М. Бонди („Новые страницы Пушкина", 1931, стр. 83—91).

Датируется 1815—1816 годами.

ОТРЫВКИ.

„МЫ НЕДАВНО ОТ ПЕЧАЛИ".

(Стр. 237)

Печатается по рукописи „Записок о Пушкине" И. И. Пущина, хранящейся в *ПД*. Впервые опубликовано И.И. Пущиным в названных „Записках" („Атеней", 1859, № 8, стр. 517). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. А. Ефремова (т. I, 1880 г.).[1]

Единственный источник текста — „Записки" Пущина.

Датируется сентябрем 1814 г.

НОЭЛЬ НА ЛЕЙБ-ГУСАРСКИЙ ПОЛК.

(„В конюшнях Левашова").

(Стр. 238)

Печатается по двум сделанным по памяти фрагментарным записям: П. И. Бартенева и К. А. Бутенева, сохранившимся в бумагах Бартенева (ныне у М. А. Цявловского и в Государственном Литературном Музее в Москве). Стихотворение реконструировано по схеме „ноэлей" (восьмистишная ямбическая строфа: первые четыре стиха — трехстопные, 5-й — шестистопный, 6-й и 7-й — четырехстопные, 8-й — трехстопный; рифмовка — AbAbCddC; число строф неограничено); недостающие стихи и слова чрезвычайно искаженных записей заменены точками.

Впервые опубликовано М. А. Цявловским в „Известиях ЦИК", № 279 от 29 ноября 1929 г. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания „Красной Нивы", т. I, 1930 г.

Датируется второй половиной декабря 1816 г.

---

[1] В издания под ред. П. О. Морозова (1887 и 1903 гг.), в четвертое издание под ред. П. А. Ефремова (1903 г.) и в первое академическое не включено.

КОЛЛЕКТИВНОЕ.

КУПЛЕТЫ.

На слова „Никак нельзя — ну так и быть".

(Стр. 241)

Печатается по копии кн. А. М. Горчакова при его письме от 10 июля 1816 г. к дяде А. Н. Пещурову (издано в „Красном Архиве", № 6 (79), 1936 г., стр. 191—192; хранится в архиве Горчакова в *ГАФКЭ*; единственный источник текста). Впервые опубликовано М. А. Цявловским в „Полном собрании сочинений" Пушкина, изд. „Красной Нивы", т. I, М.—Л., 1930, стр. 368—369.

Датируется июнем — началом июля 1816 г.

Определить долю участия Пушкина в сочинении этих куплетов не представляется возможным.

КУПЛЕТЫ.

На слова „С позволения сказать".

(Стр. 242)

Первые четыре куплета печатаются по копии кн. А. М. Горчакова при его письме от 10 июля 1816 г. (см. выше), пятый и шестой — по публикации В. П. Гаевского в „Современнике", 1863, № 8, стр. 381—387, где впервые напечатаны первый и два последних куплета. Куплеты второй, третий и четвертый впервые опубликованы М. А. Цявловским в „Полном собрании сочинений" Пушкина, изд. „Красной Нивы", т. I, М.—Л., стр. 369—370. В части, напечатанной Гаевским, стихотворение входит в собрания сочинений Пушкина, начиная со второго издания под ред. Г. Н. Геннади (т. I, 1870 г.).

Кроме копии Горчакова сохранилась копия в тетради Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова.

Датируется июнем — началом июля 1816 г.

Можно предполагать, что Пушкиным сочинены по меньшей мере 1-й и 3-й куплеты. По свидетельству В. П. Гаевского (там же стр. 385—386), куплеты „С позволения сказать" написаны Пушкиным.

„ТАМ ГРОМКОЙ СЛАВОЮ".

(Стр. 244 и 346)

Печатается по автографу на отдельном листке, хранящемся в *ПД*. Впервые опубликовано, вместе с первой строфой, принадлежащей В. А. Жуковскому,[1] последним в посмертном издании сочинений Пушкина, т. IX, стр. 399.

Сохранились следующие рукописи стихотворения: 1) автограф (в *ПД*), принадлежавший М. Л. Яковлеву. На обороте листка последняя строфа записана в первоначальной редакции (см. стр. 425); 2) копия в „извлечениях" Я. К. Грота из тетради М. Л. Яковлева — М. А. Корфа; 3) копия в „Духе лицейских трубадуров"; 4) копия в тетради А. В. Никитенка; 5) копия в первой части тетради кн. Н. А. Долгорукова. Тексты всех копий повторяют последнее чтение автографа.

В отделе „Другие редакции и варианты" даны: а) первая редакция (по автографу) и б) отмененные варианты второй редакции (по автографу).

Датируется октябрем 1816 г.

„ГАУНШИЛЬД И ЭНГЕЛЬГАРД".

(Стр. 245 и 346)

Печатается по автографу, вшитому в рукописный сборник „Дух лицейских трубадуров" (в *ПД*). Впервые опубликовано (по этому же автографу) В. П. Гаевским в „Современнике", 1863, № 8, стр. 397. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. Г. Н. Геннади (т. I, 1870 г.).[2]

Кроме автографа сохранилась копия в сборнике кн. Н. А. Долгорукова — П. А. Ефремова.

Стихотворение представляет собою одну из „национальных песен" лицеистов — плод коллективного творчества. Определить долю участия в нем Пушкина не представляется возможным.

Датируется концом мая — началом июня 1817 г.

---

[1] Набрана в настоящем издании петитом. Напечатана впервые в „Стихотворениях В. Жуковского", ч. II, СПб., 1816.

[2] В третье издание П. А. Ефремова (1887 г.), оба издания П. О. Морозова (1887 и 1903 гг.) и первое академическое не введено.

DUBIA.

ДВУМ АЛЕКСАНДРАМ ПАВЛОВИЧАМ.

(„Романов и Зернов лихой").

(Стр. 249)

Печатается по копии в рукописном „Собрании лицейских стихотворений" — единственному источнику текста. Нецензурный текст эпиграммы в копии зашифрован. Заглавие написано: „Двум А. П."; фамилия царя в первом стихе обозначена: „—ов"; слова „под Австерлицем" в последнем стихе заменены чертой (см. снимок). Впервые опубликовано Н. В. Измайловым в „Пушкинском сборнике памяти С. А. Венгерова", М.—Л., 1922, стр. 13. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания „Красной Нивы" (т. I, 1930 г.).

Датируется предположительно 1813 годом.

ГАРАЛЬ И ГАЛЬВИНА.

(„Взошла луна над дремлющим заливом").

(Стр. 250)

Печатается по тексту, впервые опубликованному Н. В. Гербелем в „Русском Архиве", 1876, № 10, стр. 223—225. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания „Красной Нивы" (т. I, 1930, стр. 81—83).

Сохранились следующие копии стихотворения: 1) в тетради М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого; 2) в тетради П. Я. Дашкова; 3) в тетради Н. С. Тихонравова; 4) в тетради П. А. Александрова.

Датируется предположительно 1814 годом.

ИСПОВЕДЬ БЕДНОГО СТИХОТВОРЦА.

(„Кто ты, мой сын").

(Стр. 252)

Печатается по копии С. А. Соболевского, хранящейся в *ГАФКЭ*. Впервые опубликовано, с именем Пушкина, А. И. Герценом в „Полярной Звезде на 1859 год", стр. 16—19. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания „Красной Нивы" (т. II, 1930, стр. 274—277).

Помимо вышеуказанной копии С. А. Соболевского сохранились следующие копии: 1) П. И. Бартенева в его тетради; 2) в тетради П. Я. Дашкова; 3) в тетради М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого; 4) в тетради Н. С. Тихонравова; 5) в тетради П. А. Александрова.

Датируется предположительно 1814 годом.

ВИШНЯ.

(„Румяной зарею").

(Стр. 256)

Впервые напечатано (стихи 1—29 и 33—56) П. В. Анненковым в VII томе его издания сочинений Пушкина (1857, стр. 7—9 первой пагинации). Остальные стихи напечатаны П. А. Ефремовым в „Библиографических Записках", 1861, № 19, стб. 590, и Н. В. Гербелем в его книге „Стихотворения Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений", Берлин, 1861, стр. 71—73.

Датируется предположительно 1815 годом.

ЗАВЕЩАНИЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

(„Друзья, простите! Завещаю").

(Стр. 259)

Печатается по копии А. Д. Илличевского на листке из „Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*". Впервые опубликовано В. П. Гаевским в „Современнике", 1863, № 7, стр. 143. В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. Г. Н. Геннади (т. I, 1870 г.).

Кроме вышеуказанной копии Илличевского, сохранилась лишь одна копия в „Собрании лицейских стихотворений".

Датируется 1814—1816 годами.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В ЛИЦЕЙ (1809—1811).

„DIS MOI, POURQUOI L'ESCAMOTEUR".

(Стр. 263)

Печатается по рукописи „Воспоминаний о детстве А. С. Пушкина (со слов сестры его О. С. Павлищевой)", писанной рукой Н. И. Павлищева (ныне в Государственном Литературном Музее в Москве; см „Летописи Литературного Музея", т. I, М., 1936, стр. 454). Впервые опубликовано П. В. Анненковым (по той же рукописи — единственному источнику текста) в „Материалах для биографии А. С. Пушкина" („Сочинения Пушкина", т. I, 1855 стр. 14). Стихи записаны в 1851 г., т. е. спустя сорок с лишним лет после их сочинения.

„JE CHANTE CE COMBAT QUE TOLY REMPORTA".

(Стр. 264)

См. примечание к предыдущему стихотворению.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ.

Стр. 5. Эпиграф.

Почему мне бояться сказать это?
Марго пленила мой вкус.

Стр. 46. стих 22.

Будь здоров.

Стр. 68.

СТАНСЫ.

Видали ль вы нежную розу,
Любезную дочь ясного дня,
Когда весной, едва расцветши,
Она являет образ любви?

Такою глазам нашим, еще прекраснее,
Ныне явилась Евдокия:
Не раз видела весна, как она расцветала,
Прелестная и юная, подобная ей самой.

9 Но увы! ветры и бури,
Эти лютые дети Зимы,
Скоро заревут над нашими головами,
Окуют воду, землю и воздух.

И нет более цветов, и нет более розы!
Любезная дочь любви,
Завянув, падает, едва расцветшая:
Миновала пора ясных дней!

17 Евдокия! любите! Время не терпит;
Пользуйтесь вашими счастливыми днями!
В хладной ли старости
Дано нам ведать пыл любви?

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Стр. 69.

МОЙ ПОРТРЕТ.

Вы просите у меня мой портрет,
Но написанный с натуры;
Мой милый, он быстро будет готов,
Хотя и в миниатюре.

Я молодой повеса,
Еще на школьной скамье;
Не глуп, говорю, не стесняясь,
И без жеманного кривлянья.

9 Никогда не было болтуна,
Ни доктора Сорбонны —
Надоедливее и крикливее,
Чем собственная моя особа.

Мой рост с ростом самых долговязых
Не может равняться;
У меня свежий цвет лица, русые волосы
И кудрявая голова.

17 Я люблю свет и его шум,
Уединение я ненавижу;
Мне претят ссоры и препирательства,
А отчасти и учение.

Спектакли, балы мне очень нравятся,
И если быть откровенным,
Я сказал бы, что я еще люблю...
Если бы не был в Лицее.

25 По всему этому, мой милый друг,
Меня можно узнать.
Да, таким как бог меня создал,
Я и хочу всегда казаться.

Сущий бес в проказах,
Сущая обезьяна лицом,
Много слишком много ветренности —
Да, таков Пушкин.

Стр. 148.

КЖ В. М. ВОЛКОНСКОЙ.

Сударыня, вас очень легко
Принять за сводню
Или за старую обезьяну,
Но за грацию, — о боже, нет.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Стр. 221.

КУПЛЕТЫ.

Когда поэт в восторге
Читает вам свою оду или поздравительные стихи,
Когда рассказчик тянет фразу,
Когда слушаешь попугая,
Не находя, чему посмеяться,—
Засыпаешь, зеваешь в платок,
Ждешь минуты, когда можно сказать:
„*До приятного свидания*".

9 Но наедине со своей красавицей,
Или среди умных людей,
Истинное счастие оживает,
Бываешь довольным, смеешься, поешь.
Длите ваши мирные бдения
И пойте на исходе вечера
Вашим друзьям, вашим бутылкам:
„*До приятного свидания*".

17 Друзья, жизнь мимолетна,
И всё уплывает вместе с временем.
Любовь тоже летун,
Птица нашей весны.
Слишком рано она исчезает, смеясь украдкой,
И навсегда — прощай Надежда,
Когда она упорхнет, не скажешь более:
„*До приятного свидания*".

25 Время бежит, печальное и жестокое, —
И рано или поздно отправляешься на тот свет.
Иногда — это бывает не так уж редко —
Случай спасает нас от могилы,
Удаляются полчища страданий,
И черный ужасный скелет
Уходит стучаться в другие двери:
„*До приятного свидания*".

33 Но что? я чувствую, что утомился,
Утомляя моих дорогих слушателей.
Хорошо, я спускаюсь с Парнаса,
Он создан не для певцов.
Меня вдохновляют куплеты,
У меня власть над припевом.
Довольно — прощай, перо!
„*До приятного свидания*".

Стр. 263.

Скажите мне, почему „Похититель"
Освистан партером?
Увы, потому что бедный автор
Похитил его у Мольера.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Стр. 264.

Пою сей бой, в котором Толи одолел,
Где погиб не один воин, где Поль отличился,
Николая Матюрена и прекрасную Нитуш,
Рука которой была трофеем ужасной стычки.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ.

Стр. 285.

МОИ ПОРТРЕТ.

9 Да! не было болтуна
10 Ни доктора Сорбонны
14 Увы, не равняется
24 Если бы я не был в Лицее
25 По всему этому, мой милый друг

Стр. 343.

КУПЛЕТЫ.

13 Длите эти мирные бдения,
23 Когда она упорхнет, не скажешь более:
32 Нашим
37—38 На мгновенье я вдохновляюсь.
У меня власть лишь над двумя куплетами.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

В указатель введены все встречающиеся в текстах Пушкина имена личные и географические, названия произведений искусства, имена героев художественных произведений Пушкина и других писателей. В указателе приводятся не только те страницы, где прямо упомянуто данное имя (Вольтер), но и те, где оно употреблено описательно («оракул Франции»). Исключением является сам Пушкин, имя которого указано лишь на тех страницах, где поэт назван по фамилии. Также вводятся лица, упомянутые Пушкиным, хотя бы они не были названы никаким именем (Бакунина, Зубов). Под именем авторов, кроме упоминаний их самих, указываются, прямо или косвенно названные, их произведения, персонажи и цитаты Условные имена, за которыми скрываются реальные лица (напр. «Арист» — Кюхельбекер), даются в указателе со ссылкой на подлинное имя.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения 1813—1817.

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Переплет, титул, контртитул и начертание литер воспроизведены по изданию 1937—1959 гг.: художник *Н. В. Ильин;* силуэт А. С. Пушкина работы академика *Е. Е. Лансере;* редакционное наблюдение *Л. Д. Домгера;* техническое руководство изданием *М. В. Валерианова;* технический редактор *Л. А. Федоров;* ст. уч. корректор *Е. М. Мастыко;* учен. корректоры *Н. П. Лебедева, А. В. Сорокина, Д. С. Лихачев.*

Переиздание осуществлено газетно-журнальным объединением «Воскресенье» совместно с издательством и типографией «Известий»

Ответственные за переиздание тома: *И. И. Жуков, Ю. Ф. Ефремов* (руководители группы), *С. В. Богачев, Т. В. Войнова, В. В. Милюков, Д. К. Соколова, И. А. Тришкин, Л. М. Ульянова.*

Переплет, факсимильные оригиналы рукописей А. С. Пушкина подготовлены художником *Н. Стольниковым*

Художественный редактор *Э. Канаева*
Технический редактор *Е. Медведева*
Корректоры *Л. Григорьева, Н. Гринева*

Сдано в набор 10.02.94. Подписано к печати 11.04.94.
Формат 70×108 1/16. Печать высокая. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Балтика».
Усл. печ. л. 40,6. Усл. кр.-отт. 40,6. Тираж 50 000 экз. Заказ 840.
ЛР № 010193 от 19.02.92.

Газетно-журнальное объединение «Воскресенье».
125137, Москва, ул. «Правды», 24.
Телефон для справок: (095) 257-35-00,
факс (095) 257-33-12.

Издательство «Известия».
103798, Москва, Пушкинская пл., 5.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова издательства «Известия».
Москва, Пушкинская пл., 5.